

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3267
18

WIDENER

HN B6JP F

3267.18

Harvard College Library

BEQUEST OF

JEREMIAH CURTIN

(Class of 1863)

RECEIVED SEPTEMBER 3, 1913

Jeremiah Curtin

1275.68

Grammatische
О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ГРУЗИНСКАГО ЯЗЫКА.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

A. Tsagarali
А. ЦАГАРЕЛИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1873.

Jeremiah Curtin.

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ
ГРУЗИНСКАГО ЯЗЫКА.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

А ЦАГАРЕЛИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1873.

[Faint handwritten scribbles]

3 2 67.18

Harvard College Library
Sept. 8, 1918
Bequest of
Jeremiah Curtin

~~1275.68~~

По опредѣленію факультета восточныхъ языковъ печатать дозволяется.
2 Апрѣля 1873 г. Деканъ факультета восточныхъ языковъ
И. Березинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе V — XII.

I.

Отдѣлъ I. О грамматическихъ трудахъ Католикоса Антонія I, стр. 1 — 35. О таковыхъ же: Гаіоза 35 — 36. Царевича Давида 36 — 38. Варлаама 38 — 39. Картвелова 39. I. Чубинова 39 — 41. Фиралова 41 — 43. Царевича Іоанна 43. С. Додаева 43 — 44. П. Іосселиани 44 — 45. Д. Чубинова 45 — 46.

Отдѣлъ II. О грамматикѣ Маджіа 46 — 55. Грамматическія замѣтки у Аделунга 55 — 56. Грамматич. компиляція С. Фатера 56 — 57. Грамм. Джиролама-да-Норчін 57. О грамматическихъ трудахъ ак. Броссе 56 — 63.

Отдѣлъ III. Изслѣдованіе проф. Фр. Мюллера о грузинскихъ глаголахъ 64 — 66. Разсужденія о сродствѣ грузинскаго языка съ другими языками у Лейбница, ак. Броссе, Ев. Вюрнуфа, Фр. Боппа, М. Мюллера, Клапрота, Пота, Фр. Мюллера, Шпигеля и др. 66 — 78. Изслѣдованія о другихъ иберійскихъ нарѣчіяхъ Клапрота, Г. Розена 78 — 82.

II.

Фонетика. О звукахъ грузинскаго языка и алфавитныхъ знакахъ его 83 — 90.

Морфология. О родѣ 91 — 92. О числѣ 92. О падежахъ 93 — 94. О прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ 94. О глаголахъ 95 — 97. Примѣчанія 99 — 110.

Harvard College Library
ept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возникновеніе и развитіе грамматическихъ понятій въ литературѣ какаго-нибудь народа, какъ признакъ сознательнаго, критическаго отношенія къ языку, есть, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ шаговъ впередъ въ умственной жизни его. Но понятія эти возникаютъ и развиваются не вдругъ, а постепенно и въ разныхъ видахъ: сначала они тѣсно связаны съ экзегетическимъ и лексическимъ (этимологическимъ) разборомъ и объясненіемъ трудно понимаемыхъ писателей. Изъ экзегетико-этимологическаго хаоса мало-по-малу выдѣляются и специализируются логическія и грамматическія категоріи и опредѣленія; но грамматика и логика еще долго связаны между собою, грамматическія категоріи еще долго представляются въ формѣ логическихъ понятій и опредѣленій. Освободившись же и отъ этой логической примѣси, грамматич. категоріи все еще смѣшиваются между собою, такъ, напр. именительный падежъ, или имя, отождествляется съ подлежащимъ, глаголъ съ сказуемымъ, дополнительные члены предложенія съ косвенными падежами, фонетика съ орфографіей и т. п. Наконецъ устанавливается болѣе или менѣе строгое разграниченіе и между частями рѣчи и ихъ категоріями, составляется сборникъ правилъ и предписаній по лучшимъ (обыкновенно трудно понимаемымъ) писателямъ и принимается въ школахъ какъ руководство, „которое учить правильно говорить и писать“ на данномъ языкѣ. Но на этой ступени развитія грамматика еще не есть *наука*, она только *искусство* (τεχνη, ἄρτε-бздъ), какъ она была извѣстна у древнихъ и у грузинскихъ грамма-

тивовъ. Древность не пошла дальше, грамматика служила для удовлетворенія практическихъ потребностей, напр. священникамъ и учителямъ нужна была для поученія народа въ церквахъ и школахъ и т. п., и только сравнительно въ недавнее время она стала настоящею наукой, изслѣдующей законы, управляющіе жизнью и развитіемъ языка. Въ этомъ видѣ грамматика достояніе и плодъ новѣйшаго времени, европейскаго ума. Но и въ первомъ видѣ, т. е. въ видѣ искусства, грамматическая дисциплина возникла и установилась вполне самостоятельно, независимо отъ иностраннаго вліянія, далеко не у всѣхъ, или даже не у многихъ народовъ: только у двухъ классическихъ народовъ — индійцевъ и грековъ, встрѣчаемъ мы возникновеніе и органическое развитіе этой дисциплины; у обоихъ народовъ грамматическія попытки начались комментаріями древнѣйшихъ памятниковъ письменности — Веды и Гомера; зачатки эти, развиваясь и формируясь мало-по-малу, выразились, какъ въ окончательномъ результатѣ, у первыхъ въ образцовомъ грамматич. сборникѣ Панини (Pāṇini около III ст. до Р. X.), у послѣднихъ въ грамматич. эскизѣ Діонисія еракійскаго (въ I ст. до Р. X.). Этотъ послѣдній будучи примѣненъ къ латинскому языку, въ этомъ новомъ видѣ, часто съ латинскою же терминологіею, обошелъ весь цивилизованный міръ, (конечно, говорящій на приставочныхъ и флексивныхъ языкахъ), послуживъ то прямой, то косвенной причиною началу грамматической литературы у разныхъ народовъ древнихъ и новыхъ *).

Со времени принятія грузинами христіанства (въ началѣ IV в.) началось умственное и нравственное вліяніе Византіи и Сиріи на Грузію, греческое высшее духовенство долгое время было господствующимъ элементомъ въ странѣ; хотя въ VIII в. съ утвержденіемъ династіи багратидовъ въ Грузіи, мѣстное высшее духовенство окончательно приобрѣло первенствующее значеніе и, въ этомъ отношеніи, иностранное вліяніе ослабѣло, тѣмъ не менѣе Греція еще долго служила источникомъ образованія для грузинъ, желавшихъ получить

* Beiträge zur Geschichte der Grammatik etc. v. Dr. K. E. A. Schmidt, Halle, 1859. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache v. M. Müller... bearbeitet v. D. C. Böttger, Leipz. 1866, p. 96, 99. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern, v. Steinthal. Berl. 1863, p. 24. Geschichte d. Sprachwiss. u. orientalischen Philologie in Deutschland, v. Benfey. Münch. 1869, p. 190, 191.

высшее или лучшее, по тогдашнему понятію, образованіе. Такъ еще со времени царя Давида-Возобновителя (XI в.) положено было посылать въ Аѳины на счетъ царства ежегодно молодыхъ людей для полученія классическаго образованія. Этими-то возвратившимися грузинами (въ XI и XII в.) и сдѣланы переводы на груз. языкъ значительнаго числа греко-римскихъ писателей. Въ числѣ другихъ предметовъ, какъ видно, не была забыта и грамматика (см. стр. 12, 106, 107). Съ нашествіемъ монголовъ на Грузію (въ началѣ XIII в.), если не совсѣмъ прекращается, то значительно ослабѣваетъ это духовное общеніе между Византією и Грузією, въ которую за Чингизь-ханомъ слѣдуютъ опустошительныя вторженія другихъ азіатскихъ не менѣе страшныхъ завоевателей — Тамерлана, шаха Абаса и др., разрушившихъ въ этой странѣ разсадники, хранилища письменности и просвѣщенія — монастыри и церкви, вмѣстѣ съ находящимися при нихъ школами и библіотеками. Къ этому же прибавились и внутренніе раздоры и несогласія, возникшія по раздѣленіи Грузіи на три царства (въ XV в.) между царями Карталини, Кахетіи и Имеретіи, такъ что въ продолженіе четырехъ вѣковъ (XIII — XVII), не только не было никакого приращенія къ умственному капиталу XI и XII вѣковъ, но и пропало многое изъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, оставшихся отъ трудолюбивыхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей этого классическаго періода грузинской литературы, и только съ начала XVII вѣка снова начинается на долго прерванная литературная дѣятельность, пробуждается любовь и къ древнимъ памятникамъ письменности, начинаютъ отыскивать между ними и грамматику. Царь Теймуразъ, кн. Саба Орбелиани — лексикографъ и баснописецъ, царь Вахтангъ VI — историкъ и законодатель, Вахуштій — географъ тщетно ищутъ, нигдѣ ее не находятъ; о грамматикѣ же, составленной по ихъ предложенію нѣкимъ Захаріемъ, Антоній Католикосъ замѣчаетъ, что „она не есть грамматика.“

Наконецъ, въ половинѣ XVIII ст. самъ Антоній задумалъ составить грамматику грузинскаго языка, но прежде всего самъ изучаетъ „грамматическое искусство“ *გრამატიკის ხეობის კვლევის ხეობა*. Плодомъ этихъ занятій и была грузинская грамматика Антонія, составленная по плану и методѣ грамматики Мхитара севастійскаго. Это было въ 1753 году. Черезъ четырнадцать лѣтъ, именно въ 1767 г. снова составляетъ грамматику грузинскаго языка, отличающуюся осо-

бенною подробностью и самостоятельностью какъ въ формальномъ, такъ и материальномъ отношеніяхъ. Вотъ этими-то грамматическими трудами Антонія Католикоса и начинается собственно *въ систему приведенная туземная грамматическая литература, дошедшая до насъ*. Многимъ изъ послѣдующихъ, туземныхъ грамматиковъ труды его служили и источникомъ и пособіемъ, такъ что самостоятельнаго и новаго внесли они въ груз. грамматику, по крайней мѣрѣ въ фактическомъ отношеніи, немного.

Иностранная грамматическая литература грузинскаго языка, начавшаяся съ первой половины XVII ст. продолжается вплоть до нашихъ дней. Въ продолженіе этого времени появлялось нѣсколько весьма дѣльныхъ трудовъ объ этомъ языкѣ, между которыми, безспорно, первое мѣсто занимаютъ грамматическіе труды г. академика Броссе, появившіеся въ 34 — 37 годахъ. Но съ того времени наука языковѣдѣнія сдѣлала громадныя успѣхи: дисциплина ея сдѣлалась спеціальнѣе, опредѣленнѣе и строже, методы (естественный, статистическій, историческій и сравнительный), употребляемые ею, задачи и цѣли, преслѣдуемая ею, выяснились и установились, вслѣдствіе чего измѣнились взгляды науки и ученыхъ на характеръ многихъ языковъ, между прочимъ и на характеръ грузинскаго языка (см. стр. 75), сообразно съ этимъ и изслѣдованіе ихъ потребовало новыхъ пріемовъ, новыхъ работъ и, прежде всего, пересмотра существующей грамматической литературы этихъ языковъ. И дѣйствительно, если на основаніи строгихъ требованій современной лингвистической науки спросимъ: въ какомъ научномъ результатѣ привела болѣе, чѣмъ двухвѣковая разработка грузинскаго языка туземными и иностранными грамматиками? Извѣстны ли основные законы его внутренняго механизма, его грамматическаго строенія? Съ какой семьей языковъ имѣетъ онъ генетическую связь? Мы должны будемъ признаться, что отвѣты, которые даетъ существующая грамматиц. литература на упомянутые вопросы, далеко неудовлетворительны. Въ настоящее время лингвисты также даютъ этому языку эпитетъ „загадочный, удивительный“ (räthselhafte, merkwürdige), приступая къ анализу его формъ, и въ настоящее время также спорятъ объ его индо-европейскомъ характерѣ, какъ это дѣлалъ болѣе полутора вѣка тому назадъ Лейбницъ (см. стр. 67).

Главнѣйшія причины этого явленія, по моему мнѣнію, заключаются, во первыхъ, безъ сомнѣнія, въ самой *трудности предмета из-*

сльдванія, во вторыхъ, въ *недостаточности матеріала*, которымъ до сихъ поръ ограничивались изслѣдователи и, въ третьихъ, въ *неудовлетворительности системы, методы*, примѣняемой къ изслѣдованію его. Объяснимся: грузинскій языкъ, и самъ по себѣ полный особенностей и своеобразностей, будучи съ незапамятныхъ временъ подверженъ сильному культурному и литературному вліянію болѣе развитыхъ сосѣднихъ языковъ и народовъ, и притомъ различныхъ семействъ (индо-европейскаго, семитическаго, туранскаго), такъ искажилъ свою грамматическую фізіономію и столько воспринялъ чуждыхъ лексическихъ и даже грамматическихъ элементовъ, что изслѣдователь не безъ большого труда можетъ отличить въ немъ туземное отъ иностраннаго, слѣдовательно, первое дѣло изслѣдователя — стараться возстановить типъ языка въ возможно полномъ и цѣльномъ видѣ, очистивъ его, насколько это возможно, отъ иноязычной примѣси. Но для этого, конечно, недостаточно ограничиться однимъ только грузинскимъ языкомъ, а *расширить кругъ изслѣдованія*, обративъ вниманіе и на другіе діалекты (мингрельскій, лазскій, сванетскій) и говоры (напр. гурійскій, грузинскихъ горцевъ: тушинъ, пшавцевъ и хевеуръ) основнаго (Grundsprache) иберійскаго языка, въ которыхъ часто встрѣчаются древнѣйшія формы и особенности языка, утраченныя уже въ грузинскомъ. Въ этомъ убѣдилъ меня бѣглый обзоръ морфологіи иберійскихъ языковъ (см. стр. 77 — 78), такъ въ лазскомъ я нашелъ во всѣхъ временахъ еще одну цѣльную форму вспомогательнаго глагола, тогда какъ въ грузинскомъ она образуется изъ трехъ совершенно различныхъ глагольныхъ корней: наст. вр. з-*сѣ*, прош. з-*о-зъз*, будущ. з-*о-џџб-зџо*, первый изъ этихъ корней и есть собственно представитель значенія *существованія, бытѣя*, два остальные значать: *дѣлать, творить*, и въ страдательной формѣ употребляются вмѣсто утраченной формы вспомогательнаго глагола въ прошедшемъ и будущемъ временахъ. Наконецъ, третье, не менѣе важное препятствіе, иѣшавшее до сихъ поръ успѣшности изслѣдованія заключается въ томъ, какъ я убѣдился изъ обзора граматич. литературы, что въ основаніе грузинской грамматики была положена и туземными и иностранными грамматиками греко-латинская грамматическая система, конечно, съ нѣкоторыми варіаціями. Система эта, не приведшая къ желаемымъ результатамъ и этимъ доказавшая свою негодность, должна быть замѣнена другою, болѣе соотвѣтствующей духу языка грузинскаго, даю-

щей особенностямъ его строенія болѣе простору, больше возможности обнаружиться, — метода эта, мнѣ кажется, можетъ быть напр. приблизительно въ родѣ той, какой держались В. Гумбольдтъ при изслѣдованіи баскскаго языка, Кастренъ — урало-алтайскихъ языковъ и какою держатся въ новѣйшее время г. академикъ Шифнеръ и баронъ П. К. Усларъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о сѣверо-восточныхъ языкахъ Кавказа. Думаю, что результаты, имѣющіе получиться такимъ путемъ, судя по аналогіи, должны быть плодотворнѣе для науки, чѣмъ тѣ, которые добыты до сихъ поръ по господствующей методѣ, въ которой вѣртятся грамматики столько времени, какъ въ заколдованномъ кругу, не находя исхода.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о самой книгѣ. Цѣльнаго критическаго обзора всей грамматической литературы грузинск. языка еще никто не дѣлалъ, тѣ же библиографическія и критическія замѣтки, сдѣланныя, по большей части, людьми не близкознакомыми съ грузинскимъ языкомъ и его литературой, которыя появлялись по поводу выхода въ свѣтъ новыхъ грамматическихъ трудовъ, я указываю въ самой книгѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что попытки сдѣлать обзоръ всей грамматической литературы, встрѣтила бы большія затрудненія, по недостатку матеріала, вездѣ, кромѣ С.-Петербурга, гдѣ обширныя книгохранилища, такъ богаты сокровищами особенно по части восточной литературы, дали мнѣ возможность имѣть подъ руками, за исключеніемъ двухъ-трехъ, почти всѣ рукописныя и печатныя сочиненія, относящіяся къ моему предмету.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я даю первенствующее мѣсто грамматическимъ трудамъ Антонія Католикоса, какъ *первому подробному, еще неизданному произведенію туземной грамматической литературы*, дошедшему до насъ. Конечно, при этомъ всякій разъ указываю на улучшения, сдѣланныя послѣдующими грамматиками какъ относительно болѣе рациональнаго распредѣленія грамматическаго матеріала, такъ и обогащенія грамматической науки новыми фактами и наблюденіями. Я позволю себѣ обратить вниманіе читателя еще на слѣдующее обстоятельство: содержаніе грамматики, составленной Антоніемъ въ 1753 г., первый разъ дѣлается, въ существенныхъ чертахъ, извѣстнымъ въ печати; до сихъ поръ извѣстно было только, что „кромѣ пространной грамматики Антонія (1767 г.), существуетъ еще грамматика, составленная имъ въ 1753 г. по образцу Мхитаровой грамма-

тики“ *). Эта традиционная фраза первый раз находитъ подтвержденіе и поясненіе въ предлагаемомъ трудѣ. Я отыскалъ экземпляръ этой грамматики въ Азіатск. Музеѣ Академіи Наукъ подѣ № 88, b. Результаты этой находки превзошли мои ожиданія: я нашель въ этой рукописи пространное предисловіе, которое я привожу въ переводѣ, выпуская, конечно, мѣста (какихъ очень много), не имѣющія отношенія къ занимающему меня предмету. Предисловіе это проливаетъ совершенно новый свѣтъ на исторію грузинской грамматики, — изъ него мы узнаемъ, что нѣсколько разъ были сдѣланы попытки къ составленію груз. грамматики, что одинъ изъ такихъ опытовъ уже существовалъ во время Антонія, котораго онъ, впрочемъ, даже не удостоиваетъ названія грамматики; далѣе, мы знакомимся съ длиннымъ процессомъ подготовки Антонія къ составленію грамматики и съ тѣмъ, какъ онъ пользовался грамматикой Мхитара, равно мы узнаемъ изъ этого же предисловія, что Антоній отрицалъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, тогда какъ онъ самъ же цитуетъ одного грузинскаго грамматика XII ст. Іоанна Петрици и нѣсколькихъ другихъ называетъ грамматиками (см. стр. 12).

Кромѣ цѣли *чисто-грамматической*, предпринимая предлагаемую работу, я имѣлъ въ виду и другую — *историко-литературную*. Разработка исторіи грузинской литературы находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что сдѣлать сколько нибудь наукообразный очеркъ грузинской литературы пока почти невозможно, такъ какъ значительная часть памятниковъ не разобрана критически, не указаны: авторъ, время, мѣсто написанія и т. п.; даже относительно многихъ памятниковъ не опредѣлено, оригинальны ли они или переведены съ иностранныхъ языковъ, наконецъ, многіе изъ тѣхъ, которые считаются за переводныя сочиненія — неизвѣстно въ точности когда, кѣмъ, съ какого языка, съ какимъ знаніемъ дѣла сдѣланы и т. п. Мнѣ кажется, что, если разработать критически сначала по частямъ, каждую отрасль литературы отдѣльно, (какъ это сдѣлано напр. академикомъ Броссе отно-

*) Ак. Броссе сожалѣетъ, что не имѣлъ подѣ руками въ Парижѣ этого интереснаго труда Антонія: Antoni, jeune encore, говоритъ г. Броссе, rédigea en 1754 une première grammaire, qui avoit au moins 3 parties... elle étoit remplie d'exemples traduits de l'arménien, mais du moins n'y avoit-il aucun mélange de nos idées européennes, et c'est sous ce rapport que *je considère comme un grand malheur de n'avoir pu consulter ce livre*. L'Art Libéral. Paris, 1884. p. VI.

сительно исторической литературы), такъ, напр. поэтическую, — однихъ романовъ, конечно существующихъ еще въ рукописяхъ, считается до 25, далѣе, Житія святыхъ, которыми весьма богата грузинская литература и т. п., говорю, на основаніи такихъ изысканій современнѣе можно будетъ сдѣлать подробный и наукообразный очеркъ исторіи груз. литературы. Лишь себя надеждой, что настоящій трудъ мой, разсматривающій грамматическую часть грузинской литературы, будетъ не бесполезенъ и въ этомъ отношеніи.

I.

ОТДѢЛЪ I.

О ГРАММАТИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ

КАТОЛИКОСА АНТОНІЯ I.

Was glänzt, ist für den Augenblick geboren;
Das Aechte bleibt der Nachwelt unverloren.

Гете, «Фаустъ».

§ 1. Для лучшаго пониманія грамматическихъ трудовъ Антонія, слѣдуетъ намъ, прежде всего, познакомиться съ самою личностью автора, его біографію, имѣющею тѣсную связь съ его трудами, въ которыхъ онъ неоднократно ссылается на обстоятельства своей жизни, знакомство съ которой проливаетъ новый свѣтъ и на его грамматическія произведенія; за тѣмъ сдѣлаемъ краткую характеристику его взглядовъ на языкъ, грамматику и т. п. на основаніи его же собственныхъ словъ, которыя мы предпошлемъ нашей характеристикѣ, въ виду болѣе убѣдительности ея для читателя и, наконецъ, описавъ рукописные грамматическіе труды, которыми мы пользовались, представимъ содержаніе ихъ съ указаніемъ мѣстъ, заимствованныхъ Антоніемъ изъ иностранныхъ авторовъ.

Антоній Католикосъ — патриархъ Карталиніи, Кахетіи и Албаніи, былъ сынъ царя Иессея, принявшаго магометанство, брата Вахтанга VI законодателя и историка. Антоній родился въ 1714 г. и былъ названъ Арчиломъ. Воспитывался въ Давидо-Гареджійской пустынѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Тифлиса, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, изучая духовную и свѣтскую литературу и языки татарскій и персидскій.

Во время опустошительнаго набѣга турокъ и лезгинъ на Грузію родственники взяли 16-ти лѣтняго Антонія изъ упомянутаго монастыря и послали въ 1729 году скрыться въ Осетію; во время бѣгства его сопровождалъ памфилійскій митрополитъ Парфеній, который и училъ молодаго Арчила въ это же время греческому языку.

Послѣ смерти царя Іессея, въ 1729 году, турки подарили Арчилу (Антонію) отцовскій дворецъ въ Тифлисѣ и назначили ему жалованье изъ городскихъ доходовъ; здѣсь Антоній женился, но, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ неурядицъ, оставилъ жену и удалился въ Имеретію. Спустя нѣсколько лѣтъ жена его умерла, а онъ, оставшись вдовцомъ, поступилъ въ монахи (противъ воли матери) и названъ Антоніемъ ¹⁾. Быстро прошелъ онъ всѣ стѣпени монашеской іерархіи, такъ что въ 1738 году Антоній былъ уже Кутаисскимъ митрополитомъ, — ему тогда было 24 года отъ роду.

Въ 1747 году карталинскій царь Теймуразъ пригласилъ своего племянника Антонія на вакантное мѣсто Католикоса въ Тифлисѣ. Къ этому времени относится составленіе 1-ой грузинской грамматики Антонія; такъ какъ открытіе школъ въ большемъ количествѣ и учрежденіе Телавской семинаріи (въ Кахетіи) вызвали настоятельную необходимость и въ учебныхъ пособіяхъ, надъ составленіемъ которыхъ трудился, главнымъ образомъ, самъ же Антоній, то съ этою цѣлью онъ сблизился съ католическими миссіонерами и армянскими священниками, которые удовлетворяли его любознательность и помогали ему въ учебныхъ и ученыхъ работахъ; но народъ и царь это сближеніе приписали сочувствію католической церкви. По приказанію царя миссіонеры были удалены изъ предѣловъ царства, а Антоній преданъ церковному суду, который и имѣлъ мѣсто въ Мцхетѣ, древней столицѣ Грузіи, въ присутствіи самого царя. Антоній признался въ своемъ увлеченіи и просилъ прощенія у присутствующихъ, но судьи были неумолимы и, по 18-ти мѣсячномъ заточеніи въ темницѣ, лишивъ Антонія сана Католикоса, позволили ему выѣхать въ Россію, гдѣ въ то время жили его родственники ²⁾.

Въ апрѣлѣ 1756 года Антоній оставилъ Грузію, а въ мартѣ 1757 года онъ прибывъ въ С.-Петербургъ, представилъ Св. Синоду собственноручно-написанное исповѣданіе вѣры, которое было признано совершенно согласнымъ съ ученіемъ Православной Церкви, вслѣдствіе чего, по приказанію императрицы Елисаветы Петровны, было поручено

Антонію управленіе Владимірской епархіей съ званіемъ архіепископа. Въ 1764 году царь Ираклій II, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Карталинскій, пригласилъ Антонія снова въ Тифлисъ, возвративъ ему санъ католикоса. Умеръ 1-го мая 1788 года, по 24-хъ лѣтнемъ управленіи епархіею въ этомъ санѣ. Онъ оставилъ болѣе 25-ти сочиненій переводныхъ и оригинальныхъ (переводы были сдѣланы частью имъ самимъ лично, частью же подъ его главнымъ руководствомъ и редакціею); изъ нихъ около 15-ти духовнаго содержанія: Теологія въ 4-хъ частяхъ; Мартирологія или жизнеописаніе 19-ти грузинскихъ святыхъ; Готовый отвѣтъ, или опроверженіе ученій латинской, лютеранской и армянской церквей; Толкованіе посланія Апостола Павла къ римлянамъ; Толкованіе на 50 псаломъ; Прологъ или Синаксорій, въ ямбическихъ стихахъ, четверомѣсчіе (остальные два четверомѣсчія принадлежатъ Петрицію и Арсенію). Исторія Ефесскаго Вселенскаго собора; Камень вѣры Стефана Яворскаго (перев. съ рус.). Остальные — свѣтскаго, таковы: Краткая исторія Грузія, Мѣрное слово (*Ἰσομετρολογικὸν ὄργανον*) (похвальное слово въ честь знаменитыхъ царей, святыхъ и писателей грузинскихъ), Грузинская грамматика, составленная въ 1753 г. по образцу Мхитаровой грамматики, Грузинская грамматика, составленная въ 1767 г. и Симетне — краткій очеркъ грамматики въ вопросахъ и отвѣтахъ для употребленія въ школахъ; этотъ послѣдній не есть отдѣльный трудъ, какъ увидимъ ниже, но прибавленіе къ 1-ой части первой грамматики Антонія; Общая философія Баумейстера, Дефинитивная философія, его же (оба съ примѣчаніями и комментаріями переводчика), новый переводъ (1-й былъ сдѣланъ въ XII в. Іоанномъ философомъ) категорій Аристотеля съ комментаріями, Риторика Мхитара (съ армянскаго); Физика Вольфа, Исторія Александра Македонскаго Квинта Курція.

Такова была полная дѣятельности и превратностей жизнь нашего грамматика! Постараемся сгруппировать тѣ мѣста изъ его грамматическихъ трудовъ, въ которыхъ яснѣе высказывается уровень его познаній вообще, степень его грамматическаго образованія, его взгляды на языкъ, слогъ литературный и грамматику.

Въ этомъ отношеніи особенно важны „предисловія“ къ объему грамматикамъ Антонія, которыя, сверхъ того, знакомятъ насъ (особенно

№ 1, первый раз издаваемое мною) съ исторією грузинскихъ грамматикъ и длиннымъ процессомъ подготовки Антонія къ составленію ихъ.

Въ одномъ мѣстѣ I-ой своей грамматики (стр. 406 № 1), Антоній высказываетъ свое мнѣніе о характерѣ и родахъ литературнаго языка, или слога, который можетъ быть и долженъ быть предметомъ грамматики. Нижеслѣдующія слова Антонія служатъ какъ-бы введеніемъ въ практическій грамматическій анализъ отрывковъ, приведенныхъ имъ изъ разныхъ туземныхъ и иностранныхъ авторовъ³⁾; легко, конечно, замѣтить, что дѣленіе литературнаго языка на высшій, средній и низшій слоги (отсюда дѣленіе самыхъ литературныхъ произведеній), сдѣланное Антоніемъ, ничѣмъ существенно не отличается отъ обыкновеннаго дѣленія, принятаго въ учебникахъ реторики и въ наши дни.

„Прежде чѣмъ приведемъ примѣры изъ нѣкоторыхъ твореній первыхъ учителей, говоритъ Антоній, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они (сочиненія) могутъ быть раздѣлены на три рода: первый родъ тотъ, который, заключаая въ себѣ меньшее число оборотовъ и выражений высшаго слога (соб. бесѣды высшаго общества), представляетъ языкъ наиболѣе общедоступный, какъ напримѣръ, языкъ Синаксорій и повѣстей грузинскихъ. Второй родъ — это сочиненія, писанныя значительно возвышеннымъ и благозвучнымъ языкомъ и не такъ легко доступны, какъ сочиненія перваго рода. Такова большая часть книгъ св. Писанія. Третій родъ — это сочиненія, писанныя вполнѣ высокимъ и благозвучнымъ слогомъ, не для всѣхъ понятнымъ, но плодами которыхъ могутъ пользоваться только ученые, таковъ слогъ твореній Діонисія Богослова, Аеанасія Великаго, Василія Кессарійскаго, Григорія Нисскаго, преподобнаго Ефрема Сирина, преподобнаго Максима, св. Германа Константинопольскаго, Іоанна Философа грузинскаго, царя абхазскаго и еарталинскаго Давида, преподобныхъ Ефрема и Арсенія — *грамматиковъ* (გრამატიკოსი), Арсенія грузинскаго патріарха, Шоты Руставели, написавшаго жизнеописаніе Тамары, и др. Грамматики должны пользоваться каждымъ изъ упомянутыхъ родовъ изложенія, сообразно съ требованіемъ предмета, о которомъ пишутъ и съ соблюденіемъ правилъ синтаксическаго построенія ихъ.

Если кто говоритъ съ народомъ (простымъ), или пишетъ что-нибудь полезное для него, то онъ долженъ излагать слогомъ перваго рода; если сочиненіе научнаго характера, или писатель желаетъ передать

удобопонятнымъ языкомъ [текстъ] св. Писанія и подобныхъ ему [твореній], тогда онъ долженъ слѣдовать второму роду изложенія, чтобы благородство словъ (соб. сладкозвучія) соотвѣтствовало бы благородству предложеній (рѣчи) и глубокой смыслъ заставлялъ бы умъ ученыхъ еще больше углубляться. Если же сочиненіе не предназначается ни для учащихся, ни для [простаго] народа, а для ученыхъ и образованныхъ, тогда слѣдуетъ обратиться къ третьяго рода [слогу], чтобы блескъ [изящество] предложеній (выраженій) и многознаменательность рѣчи въ состояніи были удалить лѣнь отъ умовъ читателей, и радуя чувства ихъ, все больше и больше превлекали бы къ занятію подобнаго рода сочиненіями“.

Эти взгляды Антонія на языкъ, слогъ и на роды литературныхъ произведеній объясняютъ намъ многое и относительно его собственныхъ сочиненій, писанныхъ почти безъ исключенія по выше приведеннымъ правиламъ.

Рѣчь Антонія, никогда не отличающаяся ни сжатостію, ни простотою и ясностію въ „предисловіяхъ“ имѣеть, кромѣ того, религиозно-схоластическій характеръ по преимуществу, часто въ ущербъ самому смыслу, — такъ, Антоній дѣлитъ предисловіе своей грамматики № 1 — на „шесть словъ“ სოფუჯი и „первое слово“ состоитъ почти только изъ однихъ текстовъ св. Писанія, приведенныхъ слово-въ-слово, или въ перифразѣ, часто неимѣющихъ между собою никакой связи. Особенно часто цитуетъ онъ тексты изъ книгъ Премудрости Соломона, — всѣ они имѣють, впрочемъ, весьма похвальную цѣль, доказать на основаніи словъ св. Писанія, необходимость ученія и просвѣщенія.

Слово 2ое.

Начинается такъ: *причина составленія этой книги (грамматики).* Желаю еще при жизни, говоритъ Антоній, письменно открыть тайну вамъ, о сіятельные господа, пречестные отцы, братья, ближніе и дѣти возлюбленные, *о томъ какъ и почему я принялся за составленіе новой грамматики на нашемъ, грузинскомъ языкѣ.* Слѣдуетъ замѣтить, что *мы не нашли ни одной грамматики, переведенной (на грузинскій языкъ) отцами-переводчиками.* Затѣмъ Антоній перечисляетъ извѣстныхъ грузинскихъ переводчиковъ числомъ до двадцати и между

ними „Іоанна божественнаго философа, котораго мы называемъ обыкновенно Петрици“. Переводы ихъ существуютъ во множествѣ и въ настоящее время, продолжаютъ нашъ авторъ, правда, многое пропало во время непріятельскихъ нашествій, часть же уцѣлѣла въ св. городѣ (Аѳинахъ) и на св. горѣ (Аѳонѣ), въ грузинскомъ (Иверскомъ) монастырѣ, но мы ни отъ кого не слышали, чтобы существовала грамматика [въ переводѣ?] на грузинскомъ языкѣ между оставшимися книгами до разоренія или послѣ разоренія [Тифлиса ⁴)]. Еще *царь Вахтангъ [VI]* сынъ Леона, желая найти эту книгу (грамматику въ переводѣ?) искалъ ее всюду долгое время, онъ старался всѣми силами просвѣтить свое царство свѣтомъ науки, — этому свидѣтельница вся Грузія. Этотъ удивительный мужъ зналъ, что озаряя свой народъ свѣтомъ новой науки, тѣмъ самымъ приведетъ къ Живущему въ свѣтѣ неприступномъ. Въ его же царствованіе жилъ нѣкто монахъ по имени *Саба родомъ Орбеліани*, ревностный любитель мудрости (знанія), ему же подражали въ этомъ отношеніи и племянники его, подвизавшіеся до начала нашей книжной (литературной) дѣятельности, равно и современники мои, люди духовнаго званія, — всѣ они дали себѣ не мало труда, отыскивая грамматику; особенно былъ занятъ этою мыслью родственникъ мой, большой любитель знанія, сынъ царя Вахтанга (VI) *Вахутитій* ⁵). Когда всѣ ихъ усилія [найти грамматику] оказались тщетными, тогда обратились къ одному изъ тифлисскихъ гражданъ (Յօճիսէօճի), называемому нынѣ вартанетомъ Захаріей, который по просьбѣ ихъ приступилъ къ переводу грамматики (съ армянскаго?), въ царствованіе Арчила (1647—1712). Этому переводу дали названіе „грамматика“, *которая [однако] не есть грамматика* ⁶).

Слово 3^{оо}.

... Будучи помазанъ елеемъ невидимой благодати, мнѣ первому удалось найти части рѣчи [въ грузинскомъ языкѣ]....

Слово 4^{оо}.

А теперь упомянемъ обстоятельство, подавшее намъ поводъ къ составленію настоящаго труда.... Богъ ниспослалъ царствованіе царей Теймура [II, 1744—1761] и сына его Ираклія [II, 1761—1798]; оба эти царя сильно желали найти (изслѣдовать) правила грузинской

грамматики, но они не могли найти [въ видѣ сотрудника] знатока грамматики какаго-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Я же, будучи хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ, пожелалъ еще больше изслѣдовать его. Спустя нѣсколько лѣтъ я познакомился съ однимъ священникомъ Филиппомъ Каитмазашвили; [онъ былъ] по происхожденію Ерманианъ (армянинъ) т. е. Гайосіанъ, дворянинъ изъ владѣній князя Орбеліани; съ нимъ я очень подружился и стали заниматься каждый день вмѣстѣ изслѣдованіемъ предложеній (словъ) каждаго отдѣльно. Прежде всего я перевелъ съ армянскаго языка категоріи Аристотеля въ двухъ частяхъ [разсуждающія] о словосочиненіи и предложеніи т. е. о силогизмѣ, — чему я былъ весьма радъ и благодарилъ Бога моего св. Духа. Бесѣдуя между собою, мы стали говорить о томъ, чтобы сдѣлать и переводъ грамматики; но меня удерживало то, что умъ мой не имѣлъ грамматическаго образованія, между тѣмъ, священникъ Филиппъ былъ весьма близко знакомъ съ грамматическимъ искусствомъ, [такимъ образомъ] положившись на премудрость Божию, согласно съ повѣленіемъ царя Теймураза (II) и сына его (Ираклія II) предприняли мы это дѣло (составленіе грамматики). Филиппъ познакомилъ меня сначала кратко съ частями рѣчи, за тѣмъ съ опредѣленіями и свойствами грамматики, буквъ, слоговъ, словъ, и предложеній и постепенно излагалъ мнѣ части рѣчи и принадлежности ихъ, вводя меня незамѣтно въ дверь мудрости. И поелику благодать [Божія] помогла мнѣ, то умъ мой, познавъ ее, зачалъ грамматическую науку.

Мы не ограничивались изученіемъ одной армянской грамматики, но обращались и къ латинскимъ грамматикамъ [миссіонерамъ], у которыхъ тщательно собирали свѣдѣнія [касательно грамматики]; они хотя и не знали грузинскаго языка, но такъ какъ мы имъ ставили вопросы правильно, то легко разумѣли они [насъ]; сообщенными свѣдѣніями, мы дополняли армянскую грамматику и въ этомъ видѣ передавали ее [на грузинскій языкъ]. Что же касается до Синтаксиса, разсуждающаго о сочетаніи предложеній (словосочиненій), то и съ нимъ познакомилъ меня слегка тотъ достохвальный мужъ, соболѣзнующій мнѣ Филиппъ. Сходное [явленіе, форму] съ тѣмъ, съ которымъ я знакомился [въ другихъ языкахъ], легко находилъ я и въ грузинскомъ языкѣ, къ которому *примѣнялъ все, что было нужно или полезно [для него]*.

Слово 5^{оо}.

По зрѣломъ обсужденіи и изслѣдованіи, мы признали нужнымъ *вести* (აქვეყნებდა) въ нашъ языкъ восемь частей рѣчи и нѣсколько [категорій] производныхъ [словъ], которыя, если и сходны иногда по формѣ съ причастіями, [тѣмъ не менѣе] легко отличить ихъ [другъ отъ друга], по мѣрѣ упражненія ума [въ грамматическомъ анализѣ]. Нашъ языкъ *потребовалъ* (დასჭირდა) *восемь* падежей и *три* склоненія.

Во вторыхъ, [мы разсуждаемъ] о мѣстоименіи; опредѣлили правила для указательныхъ, притяжательныхъ и относительныхъ [мѣстоименій].

Въ третьихъ, я изложилъ наиболѣе употребительные и необходимыя для нашего языка правильные и неправильные глаголы, изслѣдованіе которыхъ стоитъ много труда, но съ помощью Бога, давашаго намъ духъ безсмертный приступилъ и къ изслѣдованію глаголовъ, и такъ какъ милости Божьи велики, то далъ мнѣ силу достигнуть желанной [цѣли], не ради насъ самихъ, но ради раба своего, отца нашего Давида (царя-пророка).

Въ четвертыхъ, мы подробно разсуждаемъ о свойствахъ и принадлежностяхъ грузинскихъ причастій и употребленіи ихъ [въ рѣчи].

Въ пятыхъ, о сологахъ (თანდებულო = compositio), ихъ природѣ, раздѣленіи, о каждой категоріи въ отдѣльности и употребленіи ихъ въ рѣчи. Я назвалъ ихъ *сологами* — თანდებულო „вмѣстѣ полагаемый“, такъ какъ они полагаются не только въ началѣ слова, но и въ концѣ.

Въ шестыхъ, мы нашли и *нарціи* (ზმნის-ჭკვანბი) *необходимыя для нашего языка* и изложили каждый отдѣлъ особо, подобно сологамъ, о чемъ я радуюсь....

Въ седьмыхъ, — мы распредѣлили междометія на нѣсколько видовъ, необходимыхъ для нашего языка; я *велъ также новыя*, соотвѣтствующія духу его, я *знаю*, *невѣжественные люди отнесутся къ нимъ (нововведеніямъ) не сочувственно, но смесу [ихъ нападки] во имя науки.*

Въ восьмьхъ, я изложилъ много видовъ союзовъ, приведенныхъ мною въ учебную систему [для васъ] дѣти мои, слушайте меня, внимайте учению и не гнѣвайте Господа.

Упомянемъ, наконецъ о синтаксисѣ т. е. о словосочиненіи. Исслѣдую творенія св. отцевъ грузинскихъ, я замѣтилъ, что при всѣхъ разнообразіяхъ (особенностяхъ), всѣ они подчиняются [однимъ и тѣмъ же] синтаксическимъ правиламъ; такъ отглагольное имя имѣетъ характеръ глагола. Я опредѣлилъ когда и какъ сочиняется падежъ прямой (именительный), когда повѣтствовательный и когда звательный; когда подлежащія глагольнаго происхожденія, или имѣющія природу глагола, равно и опредѣлительные и другіе необходимые члены словосочиненія (предложенія). За тѣмъ принаровилъ я къ грузинскимъ звукамъ, произношенію и письму титла, просодію и знаки [препинанія], а число грузинскихъ буквъ я увеличилъ одной весьма необходимой буквой.

Слово 6^{оо}.

Желаю повѣдать о своихъ тяжелыхъ трудахъ тѣмъ, которые меня лично не видѣли, чтобъ сердца ихъ исполнились любовью къ мудрости..... Вы знаете, братья мои, что мое пришествіе къ вамъ [изъ Кутаиса въ Тифлисъ], не было дѣломъ случайности, но, что согласно съ желаніемъ всѣхъ нашихъ современниковъ, было приказано мнѣ царемъ принять управленіе вами, — всѣми Картвелами. Сдѣлавшись же пастырѣмъ вашимъ и, зная, что одного слышаннаго недостаточно, я счелъ своею обязанностью, принявъ сердечное участіе въ васъ, просвѣтить души ваши, какъ пасомыхъ, наукою; [такимъ образомъ] любовь къ вамъ вызвала умъ мой къ дѣятельности и по плодамъ можете узнать сокровенную причину ихъ.

Какъ только вступилъ въ управленіе паствой, сталъ отыскивать я, второй Немія, священный огонь, скрытый Іереміею и хотя священный огонь былъ залитъ водою, но, положивъ его на алтарь всесожженія, снова воспламенился и пожралъ жертву всесожженія; теперь же, когда священный огонь найденъ, умоляю васъ и заповѣдаю вамъ, дѣтямъ моимъ, не дѣлать жертвоприношенія безъ него, ибо посредствомъ него можно будетъ возстановить снова всѣ украшенія Сіона.....“

Очевидно, что этою библейскою образностью Антоній выражаетъ желаніе, чтобы съ этихъ поръ писатели грузинскіе руководствовались грамматическими правилами и не писали кому какъ вздумается, полагая, что этимъ способомъ можно будетъ возсоздать забытыя и утраченныя формы языка въ ихъ прежней полнотѣ и разнообразіи.

„Не могу утверждать, продолжаетъ Антоній, братья мои, что не осталось грузинскаго слова, котораго бы я не упомянулъ въ этой грамматикѣ, да это и не возможно, но, скажу вамъ, что невозможно найти грузинскаго слова, которое бы не подходило подъ то, или другое правило моей грамматики.....

Этимъ оканчивается предисловіе I-ой грамматики Антонія. Здѣсь же приводимъ и „Предисловіе грамматики № 2“.

Въ началѣ предисловія Антоній распространяется о необходимости трудиться для блага ближнихъ и совѣтуетъ избирать „хорошія (вѣрныя?) средства для достиженія хорошихъ цѣлей“ — затѣмъ продолжаетъ: „всѣ наши дѣйствія и настоящій трудъ имѣютъ цѣлью безъ препятствій и заблужденій вести васъ къ дверямъ мудрости, между тѣмъ, философы называютъ предлагаемую книгу *искусства* т. е. грамматику дверью мудрости, такъ какъ *грамматика есть возможность* (ჭეშმარიტება) *правильно говорить и писать*, а не умѣя правильно говорить и писать невозможно любить мудрость, слѣдовательно грамматика есть дверь мудрости. Зная, что единомысліе между ближними украшаетъ мудрость и, что единомысліе между братьями приводитъ къ единой вѣрѣ, надеждѣ и любви, но и съ которыми еще нельзя быть сопричастнымъ Божеству безъ пріобрѣтенія мудрости, которую въ свою очередь можно стяжать мудростью же (знаніемъ), то я не счелъ лишнимъ два раза составить грамматику, служащую дверью мудрости ?).

Причины, побудившія меня къ составленію первой грамматики, я уже изложилъ вамъ, — второй же разъ я снова предпринялъ такой трудъ *потому, что многое казалось мнѣ [въ первомъ трудѣ] несвойственнымъ грузинскому языку и многое было свойственно и необходимо ему, чего не было въ первой моей грамматикѣ*; ибо хотя я и тогда тщательно обсуждалъ каждую часть рѣчи, чему свидѣтельница истина, но, такъ какъ предметъ изслѣдованія былъ для насъ новъ, то неудивительно, что мы не могли тогда составить полнаго и яснаго понятія о немъ.

Послѣ того какъ, во время пребыванія нашего въ Россіи, мы перевели (на груз. яз.) мѣсячную книгу, Параклитикость, Типиконъ, Исторію Александра Великаго Квинта Курція въ 10-ти книгахъ, Полную и Дефинитивную философію (Баумейстера); тогда умъ нашъ еще болѣе изощрился; по возвращеніи же на родину мы перевели еще реторику (Мхитаря?) и категоріи Аристотела⁸⁾. Еще въ бытность нашу въ Россіи спрашивалъ я знатоковъ греческаго, латинскаго, французскаго, итальянскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ объ употребленіи частей рѣчи и принадлежностей ихъ въ упомянутыхъ языкахъ и они мнѣ сообщали (желаемое), отъ чего умъ мой еще больше вникъ въ это искусство (грамматику). Кромѣ того, преподавая ученикамъ своимъ грамматику я старался строго и внимательно обсуждать все, чтобы не сообщить имъ ложныхъ мыслей, въ слѣдствіе этого я всмотрѣлся глубже [въ языкъ] и такимъ образомъ пришелъ я къ тому заключенію, что, такъ сказать, по необходимости долженъ былъ исправить составленную прежде мною грамматику.

Все, что я въ состояніи былъ сдѣлать — сдѣлано въ предлагаемой книгѣ. Она состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей, а вмѣстѣ съ подраздѣленіями ихъ — изъ восьми частей. Въ этой вновь составленной грамматикѣ опредѣленія (грам. категорій), заключающіяся во второй части найдены и составлены мною.

Ученіе о Синтаксисѣ облегчилъ я, обогативъ многими примѣрами. Всѣ три части, сообразно съ новой системой, раздѣлил на параграфы, главы же остались по системѣ Мхитаровой грамматики, впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ какъ лишнія исключены или измѣнены и вмѣсто нихъ введены новыя⁹⁾.

Оканчивая предисловіе Антоній проситъ прощенія за ошибки и приглашаетъ читателей быть признательными и благодарить царя Ираклія (II) подъ покровительствомъ и по инициативѣ котораго принималъ онъ настоящую работу.

Попытаемся теперь, на основаніи предпосланныхъ документовъ, съ уваженіемъ и на другія мѣста разбираемыхъ нами трудовъ, представить характеристику нашего автора какъ грамматика.

а) Первое чтѣ обращаетъ на себя наше вниманіе, — это противорѣчіе въ словахъ Антонія относительно существованія грузинской грамматики до него; мы видѣли, что Антоній отрицаетъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, между тѣмъ въ

§ 258 своей грамматики № 2, говоря объ образовании формы страдательнаго глагола посредствомъ начальной гласной о (з-ცჳ ბუ, з-ო-ცჳ ბო, з-ო-ცჳ-ო, з-ო-ცჳ-ო ბიუს, меня бьютъ), прибавляетъ, что страдательныя формы образуются *въ неокончателномъ наклоненіи* посредствомъ конечной согласной з (ჯდ-ბე, ჯდ-ვ- (?) быть съѣдаему и т. п.) и, что это правило принадлежитъ Петрици (ж. въ XII в.) ⁹⁾, хотя правило это искусственно для неопредѣленнаго наклоненія, плодъ келейной работы головы схоластика - грамматика и таковой страдательной формы не знаетъ грузинскій языкъ въ упомянутомъ наклоненіи, но только въ *настоящемъ времени* (з-ო-ცჳ ბო, или з-ო-ცჳ-ო одинаково правильно); но для насъ важенъ фактъ, который, не смотря на свою ошибочность, показываетъ, что трудъ Петрици былъ остроумный грамматическій трактатъ спеціальнаго характера.

Далѣе самъ же Антоній даетъ св. отцамъ-переводчикамъ Арсенію и Ефимію, равно и Петрици, эпитетъ *грамматиковъ*, наконецъ во многихъ мѣстахъ своихъ грамматикъ Антоній приписываетъ грамматическую терминологию первымъ грузинскимъ грамматикамъ. — Теперь, рождается вопросъ, какъ согласить эти мѣста съ словами Антонія, что „онъ, будучи помазанъ елеемъ невидимой благодати, *первымъ* открылъ законы грузинскаго языка“ ?

До-сихъ-поръ т. е. до изданія предисловія грамматики № I Антонія, противорѣчіе въ словахъ его ни кѣмъ не было замѣчено и объ этомъ никто ничего не зналъ, такъ какъ не было извѣстно содержаніе этой № I грамматики Антонія.

Впрочемъ, нужно признаться, что это отрицаніе грузинской грамматики до 17 ст. у Антонія не ясно высказано, — отрицалъ ли вообще существованіе грузинской грамматики въ древней литературѣ, или только грамматика въ переводѣ (переводнымъ сочиненіямъ Антоній придавалъ особенную важность), — въ послѣднемъ случаѣ противорѣчіе, конечно, само собою исчезаетъ, ибо могла существовать грамматика Петрици, но *не переведенная* съ иностраннаго языка, а *оригинальная*; въ первомъ же случаѣ, т. е. если Антоній совершенно отрицалъ вообще существованіе грузинской грамматики и въ то же время цитовалъ древнихъ грамматиковъ, — тогда вопросъ принимаетъ другой характеръ и мы должны постараться устранить или объяснить происхожденіе этого противорѣчія.

За отвѣтами на нижеслѣдующіе вопросы обратимся къ самымъ же трудамъ Антонія: какъ онъ понимаетъ слово *გრამატიკა* „грамматика“ и *გრამატიკოსობა* „грамматикъ?“ не отрицаетъ ли Антоній существованіе грамматики, вслѣдствіе желанія присвоить себѣ честь перваго грамматика? не нашелъ ли грамматику Петрици въ промежутокъ времени (14 л.) между составленіемъ 1-ой грамматики и 2-ой? Наконецъ что можетъ быть наиболѣе вѣроятной причиной отрицанія существованія грамматики въ древне-грузинской литературѣ?

Подъ именемъ „грамматика“ Антоній понимаетъ „искусство правильно говорить и писать“, слѣдовательно сборникъ правилъ и предписаній о томъ *какъ слѣдуетъ говорить и писать*; подъ названіемъ же „грамматикъ“ онъ понимаетъ: грамматика въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. автора грамматики, кромѣ того, — писателя вообще, ритора, стилиста, ученаго, хорошаго переводчика, комментатора, наконецъ учителя грамматики, даже и изучающаго грамматику. — Такъ грамматиками онъ называетъ св. отцевъ грузинскихъ переводчиковъ (библии и другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, равно и твореній св. отцевъ), двумъ изъ нихъ Ефимію и Арсенію даетъ эпитетъ „*грамматикъ*“, равно какъ и Петрици. Въ грамматикѣ № 1 гл. 21 носитъ такое заглавіе: „о различіи слога у нашихъ *грамматиковъ*. Возвѣщаемъ всѣмъ сынамъ Грузіи какъ молодымъ, такъ и старикамъ, что *наши грамматикъ* писали различнымъ другъ отъ друга слогомъ (*გრამატიკოსობდეს*) въ своихъ переводахъ, такъ какъ эти послѣдніе отличаются другъ отъ друга по языку“. — Въ § 258,з, грамматики № 2, у Антонія сказано: „*спраженіе* называется у *нашихъ перомъ грамматиковъ* *შეკვლევება*. Отъ такого обширнаго пониманія и неопредѣленности словъ „грамматика и грамматикъ“ происходитъ сбивчивость въ трудахъ Антонія, не позволяющая сказать положительно, что авторъ разумѣлъ въ данномъ мѣстѣ своего сочиненія.

Допустить мысль, что Антоній отрицалъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, желая, по обыкновенной слабости человѣческой природы, приписать себѣ честь составителя первой грамматики, — нельзя, потому, что мы знаемъ, какъ высоко отзывается онъ, напримѣръ, о Петрици въ своемъ сочиненіи „Мѣрное слово“ называя его философомъ, астрономомъ, астрологомъ, богословомъ, стихологомъ (поэтомъ), риторомъ и

наконецъ *грамматикомъ*. Далѣе, мы видѣли, съ какою искренною признательностью и любовью Антоній упоминаетъ о сотрудникахъ и учителяхъ своихъ, помогавшихъ ему въ трудномъ дѣлѣ грамматическаго образованія и составленія грамматики.

Предположить, что въ промежуткѣ времени между составленіемъ 1-ой и 2-ой грамматики, Антоній нашелъ грамматическое сочиненіе Петрици, — какъ я сначала думалъ, — тоже нельзя, такъ какъ Антоній цитуетъ и въ грамматикѣ № 1 правило Петрици объ образованіи страдательной формы посредствомъ *з*, не говоря, впрочемъ, кому это правило обязано своимъ происхожденіемъ, какъ это дѣлаетъ въ грамматикѣ № 2.

Наконецъ, мнѣ кажется, что побудительной причиною отрицанія существованія грамматики въ древне-грузинской литературѣ могло служить Антонію его собственное, высокое понятіе о „грамматическомъ искусствѣ“ какъ „двери мудрости“, и съ этой точки зрѣнія всѣ эти грамматико-логическія комментаріи, экзегетическія сближенія и этимологическія толкованія, разъясняющія у писателей различныхъ вѣвовъ, или даже спеціальныя и остроумныя грамматическія трактаты, какимъ, безъ сомнѣнія, было грамматическое сочиненіе Петрици, — Антоній могъ считать дѣйствительно не заслуживающими названія грамматики. Такими же казались ему переводы съ иностранныхъ грамматикъ въ родѣ того, какою былъ сдѣланъ „нѣкимъ тифлисскимъ гражданиномъ Захаріей“, о трудѣ котораго Антоній замѣчаетъ, что онъ „не есть грамматика“ — говорю всѣ эти грамматическія труды, вѣроятно, безъ строгой системы и методы, понятно, не могли удовлетворить схоластико-аналитическаго, самобытнаго ума Антонія, соответствовать его идеалу грамматики и онъ задумалъ составить сначала по образцу Мхиторовой грамматики, а потомъ свою собственную. Этимъ капитальнымъ трудомъ, самымъ подробнымъ и полнымъ грамматическимъ сборникомъ, дошедшимъ до насъ, безпорно, онъ заслужилъ право перваго грузинскаго грамматика, въ строгомъ смыслѣ слова, который смѣло могъ сказать, что „будучи помазанъ елеемъ невидимой благодати первый открылъ законы грузинскаго языка“¹⁰). И такъ отрицаніе, или умаленіе грамматическихъ заслугъ предшественниковъ, вѣрнѣе всего, произошло у Антонія, вслѣдствіе преувеличеннаго мнѣнія о „грамматическомъ искусствѣ“ и неопредѣленности словъ, „грамматика, грамматикъ“. Одно положительно можно сказать что у Антонія были предшественники на грам-

матическомъ поприщѣ, чего онъ самъ не отрицаетъ, что видно между прочимъ и изъ того, что онъ постоянно говоритъ и о первой и о второй грамматикѣ: სხვა შედგენილი ჩემ მიერ, სხვა ღრმბატია „*старая*“ составленная мною грамматика, „*новая*“ грамматика“; но такіе, вѣроятно, которыхъ грамматическіе труды не могли сравниться съ его трудами этого рода. Въ какомъ видѣ Антоній нашелъ грамматическія работы предшественниковъ и что онъ внесъ своего собственнаго, новаго — изслѣдованіе этого интереснаго вопроса предоставляю будущему; по мѣрѣ накопленія необходимаго матеріала для опредѣленія состоянія грамматики въ до — антоніевскую эпоху, надѣюсь поговорить съ любителями древне-восточной литературы, какъ только обстоятельства позволятъ. Пока съ достовѣрностью можно сказать, что могли существовать, по крайней мѣрѣ, общія опредѣленія грамматическихъ категорій, раздѣленіе на части рѣчи, грамматическая терминологія, изложеніе существеннѣйшихъ отдѣловъ грамматики — склоненій и спряженій, словомъ существовалъ же, такъ сказать, скелетъ грамматики.

б) Взгляды Антонія на языкъ, какъ на грамматику, ничѣмъ существенно не отличаются отъ взглядовъ большинства его современниковъ. Онъ часто цитуетъ въ своей грамматикѣ № 2, мѣста изъ Баумейстера и Вольфа при опредѣленіи ли разныхъ категорій грамматики, или трактуетъ о существѣ и значеніи ея предмета. Антоній считаетъ грамматику, какъ мы видѣли, *искусствомъ* (კვლევბე) *правильно говорить и писать*; при такомъ взглядѣ на языкъ и его науку, очевидно, роли между этими послѣдними совершенно мѣняются: *цѣль* — языкъ обращается въ средство, а *средство* — грамматика дѣлается цѣлью. Вслѣдствіе того, что грамматика считается искусствомъ, которое можетъ и должно учить говорить и писать *правильно*, совершенно естественно вытекаетъ заключеніе, что грамматика можетъ и должна *предписывать правила*, по своему благоусмотрѣнію, какія найдетъ необходимыми для достиженія своей цѣли; слѣдовательно, грамматикѣ предоставляется роль *активная, законодательная*, языкъ же въ этомъ случаѣ играетъ роль *пассивную*, принимающую предписанія грамматики не къ свѣдѣнію только, но и въ *руководство*.

Односторонностью и ошибочностью этого основнаго положенія, большей посылки объясняются и ошибки въ выводахъ и приложеніи ихъ къ дѣлу, практикѣ; сюда относятся, наприимѣръ, многія мѣста въ грамматическихъ трудахъ Антонія, позволяющія заключить, что онъ раз-

сма­тривалъ всѣ языки какъ бы выбитыми на одну ко­лоду: что одинъ языкъ имѣеть, — имѣеть и другой или *долженъ получить*, на то и существуетъ грамматика, т. е. искусство, предназна­ченное поправлять и пополнять языкъ, недостающими ему формами. Далѣе изъ сходства языковъ вытекаетъ то положеніе, что грамматическія схемы одного языка могутъ быть примѣнены къ другому. Въ силу такого ошибочнаго пониманія роли *грамматика*, *грамматики* и *языка* нашъ авторъ считаетъ себя въ правѣ *вводить* въ языкъ *звуки* и *формы*, которыми предполагается или облегчить произношеніе (см. стр. 9), или обогатить языкъ (см. § 207 винит. падежъ), или наконецъ, съ педагогическою цѣлью, — для вѣщей ясности и наглядности въ синтаксическомъ или риторическомъ отношеніяхъ, напримѣръ, когда Антоній убѣдился, что для винительнаго падежа въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ особенной, спе­ціальной формы, тогда онъ предлагаетъ отмѣчать слово, имѣющее по смыслу рѣчи, значеніе винительнаго падежа черточкою сверху (см. § 207 № 2). По праву же грамматика, своеобразно понятому, Анто­ній измѣняетъ самыя коренныя особенности грузинскаго языка, — такъ многія изъ *послѣлоговъ* (Postpositiones), которыми этотъ языкъ изобилуетъ, онъ обращаетъ въ *предлоги* (prepositiones), на­примѣръ, послѣлоги *ოჲს* для, *შებ* по (*სხეჲლის-ოჲს*, *კაცის-შებ*): *для* имени, *по* человѣку (собственно: имени — *для*, человѣку — *по*), онъ пишетъ *ოჲს-სხეჲლის*, *შებ-კაცის* равно и порядоч­ное числительное *პირველი* — первый, онъ составляетъ, вѣ­роятно для единообразія, совершенно искусственно и произвольно отъ количественнаго *ერთი* — одинъ: *შეერთი*, этой формы гру­зинскій языкъ вовсе не знаетъ, а замѣняетъ формою отъ другого корня *პირველი*. Между прочимъ и выраженія Антонія въ приве­денныхъ предисловіяхъ достаточно выясняютъ его взглядъ на языкъ: онъ часто говоритъ о себѣ, что *вводилъ* (*შემავიყენებდა*), въ языкъ грузинскій все, что ему казалось для него важнымъ и нужнымъ. Легко понять, что при такомъ *введеніи* (а не *выведеніи*), или нововведе­ніяхъ дѣло не обходилось безъ насилій, урѣзванныхъ и искаженій фак­товъ языка. Словомъ, Антоній понимаетъ грамматику не какъ науку, представляющую сводъ законовъ, управляющихъ жизнью и развитіемъ языка и выведенныхъ изъ тщательно изслѣдованныхъ фактовъ са­мого же языка, но на оборотъ, у него языкъ подгоняется къ готовымъ грамматическимъ схемамъ.

Со взглядами же Антонія на языкъ или слогъ литературный мы имѣли выше случай познакомиться: дѣленіе Антонія литературнаго языка на *для всякъ доступный* (языкъ повѣстей), — на *доступный для образованныхъ* (языкъ бблшей части книгъ Библіи) и на языкъ — *доступный только мудрецамъ* (= ученымъ) и *философамъ*, — обличаетъ въ авторѣ сына своего вѣка.

в) Если ошибочныя понятія о сущности, цѣли и предметѣ грамматики Антоній раздѣляетъ съ большинствомъ современныхъ ему грамматиковъ, даже европейскихъ, за то есть у него недостатки, лично ему принадлежащіе, — нѣтъ у него строгой методы и системы въ распредѣленіи грамматическаго матеріала, приемы и основныя грамматическія положенія не отличаются опредѣленностью и строго логическимъ развитіемъ, въ цѣломъ замѣчается недостатокъ строгой послѣдовательности и соразмѣрности въ частяхъ. Но чрезмѣрное обиліе *анализа* и крайняя скудость *синтеза* — составляютъ главнѣйшіи недостатки грамматическихъ сочиненій Антонія. Въ грамматикѣ его равно мало соблюдено *соподчиненіе* (субординація) менѣе важнаго болѣе важному, въ „грамматическомъ смыслѣ“, — *частнаго общему*: авторъ не даетъ сначала общаго, родоваго понятія, или правила и затѣмъ, частныя, видовыя, которыя относились и заключались бы въ первомъ, какъ части въ цѣломъ, словомъ, чтобы факты и формы языка были бы логически - естественно развиты и распредѣлены, напримѣръ въ § 197 грамматики № 2 говорится, что родительный падежъ въ грузинскомъ языкѣ имѣетъ 6 знаковъ падежныхъ и перечисляетъ ихъ: *oḷo, oḷs, ḷs, aḷs, xḷs, ḷ*, между тѣмъ, достаточно было выставить за общій знакъ родительнаго падежа полный характеръ его флексіи *oḷs* и за тѣмъ оговориться о тѣхъ весьма рѣдкихъ отступленіяхъ (исключеніяхъ), которыя встрѣчаются въ языкѣ въ родѣ *oḷo, aḷs, xḷs*. Далѣе можно было упомянуть, что окончаніе родительнаго падежа *oḷs* иногда (въ просторѣчій) сокращается въ *ḷs* и даже *ḷ*, и тогда все было бы понятно и логично, вмѣсто того, чтобы отдѣльные случаи отступленія отъ общей нормы, незначительныя уклоненія и сокращенія иногда чисто фонетическаго характера, не влекущія за собою никакого грамматическаго измѣненія, считать за особенныя падежныя знаки и ставить на ряду съ полнымъ характеромъ падежа, отъ этого выиграла бы не только научная сторона труда, но и учебно - педагогическая. Относительно распредѣленія болѣе

крупныхъ грамматическихъ категорій и статей существуетъ у Антонія, какъ мы замѣтили, такая же сбивчивость и непослѣдовательность, — часто повторяетъ онъ одно и то же, безъ всякой причины, разсѣкаетъ какое нибудь правило, или положеніе на части и распределяетъ ихъ по разнымъ параграфамъ, тогда какъ въ промежуточныхъ параграфахъ говорится о совершенно другихъ предметахъ, такъ напримѣръ, въ упомянутомъ же § 197 авторъ началъ говорить о родительномъ падежѣ, котораго значеніе онъ объясняетъ, окончиваетъ этотъ періодъ обѣщаніемъ дать нѣсколько правилъ относительно образованія формы родительнаго падежа единственнаго числа, ставитъ двѣ точки и вдругъ ни съ того, ни съ сего, начинаетъ разсуждать объ именительномъ падежѣ множественнаго числа, покочивъ съ этимъ, снова возвращается къ родительному падежу единственнаго числа и приступаетъ къ изложенію обобщенныхъ правилъ образованія этой формы. Такіе примѣры у Антонія далеко не единичны! Нашъ грамматикъ дробитъ иногда совершенно произвольно и искусственно одну форму, или понятіе на будто бы составныя части, другой разъ, на оборотъ, спаиваетъ во едино совершенно не соединимые и разнородные грамматическіе элементы. Таковы вкратцѣ существенные недостатки системы изложенія грамматическихъ трудовъ Антонія. Конечно многіе недостатки его грамматикъ, по крайнѣй мѣрѣ № 1, объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ слѣдовалъ въ изложеніи шитаровой грамматикѣ, однако эта зависимость нисколько не оправдываетъ его, — вольно же было ему отнестись къ ней часто безъ всякой критики!

г) Къ недостаткамъ же грамматическихъ трудовъ Антонія слѣдуетъ отнести, часто попадающееся въ нихъ смѣшеніе самыхъ *явлений*, имѣющихъ мѣсто *въ природѣ* (*materieles*) съ грамматической сферой, *формальной стороной* этихъ явленій, выражающейся въ *языгѣ* (*formales*), таковы напримѣръ, а) письменные знаки — буквы, смѣшиваемые съ *звуками* (§ 156), б) грамматическіе роды — съ *естественнымъ поломъ* (§ 179), в) дѣйствительныя и страдательныя формы глагола — съ *дѣйствіемъ и страданіемъ* въ природѣ физической или нравственной. Этимъ смѣшеніемъ двухъ совершенно различныхъ сферъ объясняются многіе существенные недостатки нашего автора.

д) Языкъ грамматическихъ трудовъ Антонія (какъ и другихъ его сочиненій), тяжелъ и трудно понимается: періоды длинны и запутаны,

вслѣдствіе избытка вводныхъ и придаточныхъ предложеній, риторическихъ украшеній и схоластико-библейскихъ остротъ. Рѣчь его впрочемъ не всегда плеонастична, она отличается порой и особенною эллиптичностью. Ложно понятая роль грамматика, имѣющаго будто бы право предписывать законы не только учащимся, но и языку, вредить, какъ нельзя больше; ясности его рѣчи, напримѣръ, *послѣднимъ* онъ обращаетъ въ *предлоги* (см. стр. 16).

Къ тому же — новизна дѣла, передача многихъ отвлеченныхъ понятій, схоластико-философскихъ идей, сухой грамматической терминологіи, ошибочное мнѣніе о языкѣ, высокомъ слогѣ, которымъ будто бы должны быть написаны учебныя и ученыя сочиненія, — все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ придать языку грамматическихъ трудовъ Антонія (да и всѣхъ его сочиненій) ту тяжеловѣсность, которою они всѣ отличаются; впрочемъ это взглядъ стилиста, взглядъ филолога на языкъ, хотя бы самый искусственный, долженъ быть другой, и, въ самомъ дѣлѣ, эта масса новыхъ словъ и формъ, хотя произвольно и искусственно образованныхъ, встрѣчающихся у Антонія, составляетъ драгоценный матеріалъ для исторіи грузинскаго языка и спеціально — для характеристики этого языка 18 стол.

Мѣстами рѣчь Антонія особенно энергична и онъ выражается какъ „власть имѣющій“, такъ въ главѣ, рассуждающей о знакахъ препинанія и титлахъ (ჰაზრუბი) Антоній грозитъ всѣмъ тѣмъ, которые бы вздумали увеличить титла и безъ нужды, можетъ быть изъ лѣности, стали бы сокращать слова, „растлѣвая [этимъ] языкъ, что всѣ таковыя [писцы, переписчики] подвергнутся заслуженной карѣ закона царскаго „§ 23, № 2. Въ другомъ мѣстѣ, рассуждая о томъ, что въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ формы винительнаго падежа, восклицаетъ: не притащить же его (вин. пад.) насильно веревкою, когда его нѣтъ въ языкѣ (არა იძულებით სხდითა მუცადინუბისათა მარათ-რისთმცა შემსმენელბითა, § 200, 7, № 2)!. Иногда же щеголяетъ библейскою образностью и метафорами, такъ мы видѣли въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что ему помогла благодать [Божья, которую] познавъ умъ его, зачалъ грамматическую науку“ (ვიხადგან შემეწია მე მადლი იგი [ღუთისა] მოუდეს განებაჲ ჩემიჲ და მუცლად იღეს მუცნიეკებაჲ გეკძოდ ღკმმსტიისა).

На себя смотритъ Антоній какъ на нѣкоего избранника Божія, сравнивая съ прор. Давидомъ, „который малъ былъ среди братій

своихъ“, но былъ отличенъ провидѣніемъ. Далѣе говоритъ о себѣ, что „будучи помазанъ елеемъ благодати Божьей первый нашелъ правила грузинскаго языка“, что „Богъ далъ ему духъ безстрашный“ и т. п.

е) Одно и тоже слово пишетъ Антоній на нѣсколько ладовъ, такъ слово „первый“ онъ пишетъ პირველი, პირველ, მე-პირველ-ე, ს-პირველ-ე, მე-ერთ-ე и т. д., „въ частности“ გერძანს შინა, გერძანბითს შინა, ნაწევრკვანს შინა, „вообще“ სხვაგანს შინა, ზეგადის შინა, სხვაგანად.

Представивъ характеристику личности занимающаго насъ грамматика и познакомившись съ его взглядами на языкъ и грамматику, переходимъ теперь къ описанію его грамматическихъ трудовъ, въ какомъ видѣ они до насъ дошли и къ изложенію вкратцѣ ихъ содержанія.

Грамматическіе труды Антонія существуютъ только въ рукописяхъ. Я пользовался рукописями, принадлежащими Аз. музею Акад. Наукъ. Первая изъ нихъ по времени, которую я для удобства обозначу № 1 (по академическому каталогу № 886, b), составлена Антоніемъ въ 1753 г., по его же собственнымъ словамъ (см. § 259 № 2), вторая — № 2 (по академическому каталогу 91, a) въ 1767 году *ibid.*, а о времени появленія третьяго грамматическаго труда № 3, въ видѣ особой книжки мы ничего не знаемъ, да и самъ Антоній не только не упоминалъ о годѣ написанія этого труда, но и нигдѣ въ своихъ грамматикахъ не намекаетъ, что онъ составилъ и третью грамматику. Мы ее (№ 3) рассмотримъ сейчасъ послѣ № 1, частью которой мы ее считаемъ.

§ 2. Рукописный экземпляръ Грамматики № 1 in 4°, состоитъ изъ 450 страницъ, писана, за исключеніемъ заглавій, начальныхъ буквъ и важныхъ въ грамматическомъ отношеніи фразъ (писанныхъ церковными буквами и красными чернилами), гражданскими буквами и черными чернилами; письмо не красивое, но отчетливое и рукопись легко читается. Въ концѣ книги значится 1754; годъ этотъ не можетъ быть годомъ написанія означенной рукописи, такъ какъ на сѣровой бумагѣ, на которой написана эта рукопись, или лучше въ самой бумагѣ, если смотрѣть сквозь при свѣтѣ, прозрачное мѣсто (Wasserschrift) отчетливо показывается 1819 годъ, равно и гербъ, изображающій овальный кругъ, въ которомъ стоитъ левъ на заднихъ ногахъ, держа мечъ лѣвой передней ногой, въ нижней части круга надпись латинскими заглавными буквами „PRO PATRIA“, на верху же круга корона съ крестомъ.

Въ этой рукописи встрѣчается много орфографическихъ ошибокъ и вообще замѣтно большое колебаніе относительно употребленія полу-гласныхъ *ժ, ջ, չ*, которыя замѣняются часто гласными: *յ, օ, ց*, равно и въ употребленіи словъ: напр. „первый“ *Յե-յեոյ, Յե-Յեոյնէլը, Լս-Յեոյնէլը* и терминологіи: вообще *Յոգած, ԼսՅոգածը, ԼսՅոգածուհի Յինս*, причастіе *Յիմըլուծս յ. օ. Յիմըլըլուծս, ԵրբըլուծսՅիմըլըլուծս, Յիմտըլըլուծս*. Орфографическія ошибки, пожалуй, можно приписать переписчику, но колебаніе въ употребленіи словъ и грамматической терминологіи, вѣроятно, самому Антонію, или его предшественникамъ-грамматикамъ, отъ вліянія которыхъ въ этомъ отношеніи освобождается нашъ авторъ въ грамматикѣ № 2, употребляя болѣе понятную, опредѣленную и постоянную терминологію, болѣе соответствующую духу языка грузинскаго.

Мы замѣтили выше, что Антоній въ грамматикѣ № 1 придерживался армянской грамматики извѣстнаго вардапета Мхитара, основателя братства мхитаристовъ ¹¹⁾. Антоній слѣдовалъ ему въ распредѣленіи и расположеніи грамматическаго матеріала, заимствовалъ многія общія опредѣленія грамматическихъ категорій цѣликомъ, какъ увидимъ ниже, но то, что составляетъ грамматическую особенность каждаго языка, — *звуковыя особенности, этимологическія формы и словообразование*, въ обширномъ смыслѣ слова, главнымъ образомъ *склоненіе и спряженіе*, — изложено авторомъ самостоятельно и сообразно съ духомъ грузинскаго языка, рѣзко отличающагося отъ грамматическаго строенія армянскаго языка. Антоній излагалъ коренныя формы грузинскаго языка самостоятельно и въ грамматикѣ № 1, не перенося ихъ механически изъ армянскаго, такъ напримѣръ, у Мхитара падежей числомъ 10, у Антонія ихъ только 8, а въ № 2 даже 7; число склоненій у Мхитара 14 (6 *յւնիւն-ի-ք* частныхъ и 8 *չւնիւնիւն-ի-ք* общихъ; первыя 4 изъ 8 имѣютъ по 2 вида *ի-ք-ի-ք*), между тѣмъ, у Антонія только *три* склоненія и то основанныхъ на различіи *родительнаго* и *дательнаго* падежей *Единственнаго числа*, тогда какъ Мхитаръ дѣлитъ ихъ на основаніи различія *окончаній* и предшествующихъ имъ *гласныхъ* знаковъ, имѣющихъ мѣсто въ род. и твор. падежахъ обоихъ чиселъ.

Такая же разница замѣчается и въ изложеніи глаголовъ у этихъ грамматиковъ: у Мхитара, за исключеніемъ существительнаго глагола и нѣкоторыхъ другихъ, отступающихъ отъ общей нормы спря-

женій, всѣ флексіи глаголовъ представлены въ 4-хъ спряженіяхъ, изъ которыхъ первое, второе и четвертое имѣютъ по 3 вида, третье же 5; дѣленіе основано и здѣсь на различіи гласныхъ, являющихся въ послѣднемъ слогѣ преимущественно въ настоящ. врем. Изъяс. накл.; у Антонія же № 2, 8-мъ спряженій, изъ которыхъ первое имѣетъ 7 видовъ (სტო*) = *Կերպ*); второе—15; третье—7; четвертое—10; пятое—8; шестое—4; седьмое—1; восьмое—7 видовъ.

Но насколько Антоній *въ изложеніи грамматическихъ формъ собственно грузинскаго языка* отступаетъ отъ Мхитаровой грамматики, настолько же онъ придерживается этой послѣдней *въ общемъ планѣ изложенія грамматическихъ положеній и опредѣленій разныхъ грамматическимъ категорій, которыя онъ переводитъ иногда слово-въ-слово*; для примѣра приведемъ мѣста изъ обѣихъ грамматикъ и укажемъ ошибки, неизбежныя при такомъ буквальномъ переводѣ. Послѣ приведеннаго предисловія (стр. 5) прямо слѣдуетъ такое заглавіе:

„Начало первой части, называемой дверью грамматики, въ которой (части) изложены просто (вкратцѣ) склоненія именъ, спряженія глаголовъ и собраніе (перечень) другихъ частей рѣчи, которыя должны быть наизусть изучены, начинающими учиться грамматикѣ, — съ присовокупленіемъ вообще (общихъ) вопросовъ объ опредѣленіяхъ, измѣненіяхъ (флексіяхъ) и другихъ принадлежностяхъ частей рѣчи, которыя должны быть также впечатлѣны въ умѣ учащихся.

Вотъ и подлинныя слова Мхитара и грузинскій переводъ его Антонія:

დასაბამი ბიჭუჭლის ნაწილის *Մասն առաջին որ և կոչի գու-
ճումლის քոջბულ յարև ճանմա. ոն քերականու թեան: Հորում
լուցան, ճումლის մեհոն մարտոյս զարդապէս դնին Հորումունք
ճաջբულ ճանլուտ ճիւղնցն, Յ- անուանց, | ծորդութի ք բայից,
յուզանն Յմնտանն ճա Յյգրքանն և գումարք ա յլոց մասանց բանին,*

*) Въ грамм. № 1 Антоній употребляетъ часто арм. слово *Կերպ* «видъ, образъ» въ смыслѣ *სსტო*, «видъ (= forma, species), образъ, икона», между тѣмъ оно употребляется въ груз. яз. исключительно въ значеніи *кумира, идола*, такъ слова запов. «не сотвори ти себѣ кумира» по груз. гласятъ: *საჲ ჭუჲ გეჭვი თაჲისა შენისა...*

სხვათა სიტყვისწილთანი, რომელნიცა ზეპირსწავლად უმის უგ ახლდომბატოკოსთა სწავლის შინათა: ხელთ ზედკიდებულ მეკმეტსა სხვადგანთ კითხვანი, წყალებისა თვის და განკმეთს (ესე იგი მდევანთა) სწილთა სიტყვათა ზოგებოთსა შინა (ესე იგი სსზოგადისა), ჯერ არს მათიცა გამოსტყვა გონებისა სწავლით შინათასა:

ორე სერთოღარარ ილანსტრეხენ კაჯახერთაგ: ხლ აოასტრინხას ლარემინე რაჯანანაგ, ერატანმანე, ლ დყარაღაქიგ მასანე რანტინ ჴ ჴასარაქი, ირატსა ღი ლ ნოქინ სერთოღარარ თაყალორტრინ 'ი მრთუ ილანოღაგ:

По сличеніи этихъ мѣстъ оказывается, что слова დასაბამი „начало“ въ армянскомъ оригиналѣ нѣтъ, а начинается прямо *մասն առաջին* „часть первая“, и на оборотъ, армянская частица *և* „и, еще, также“ не переведена на грузин. языкъ; но не въ этомъ ошибка, а въ слѣдующихъ за симъ словахъ: დასაბამი პირველისა ნაწილისა რომლისა წოდებულ კანი დომბატოკოსისა „начало первой части, которой названіе—дверь грамматики“. Во второй половинѣ этой фразы на грузин. языкѣ родительн. падежъ употребленъ вмѣсто дательн. или именительн. падежа и недостаетъ вспомогательн. глагола 3-го л. არს „есть“ წოდება „названіе, называется“ сочиняется съ именительн. падежомъ, какъ причастіе вмѣстѣ съ вспомогательн. глаголомъ, или съ род. падежомъ, какъ существительное съ глаголомъ же вспомогательнымъ, и, наконецъ, съ дательнымъ какъ глаголь, такимъ образомъ одинаково правильно: წოდებულ არს „который названъ есть“, или რომლისა წოდება არს „котораго названіе есть“ или, наконецъ, რომელსა ეწოდება „который (буквальн. которому) называется“. Очевидно, что, если относительное мѣстоименіе რომელი въ разбираемомъ нами отрывкѣ оставить въ род. падежѣ, то слѣдуетъ, вмѣсто причастной формы глагола წოდება, „называть, —ся“ употребить отглагольное ния წოდება „названіе“ съ существ. глаголомъ არს „есть“ რომლისა წოდება არს, а лучше всего оставить это мѣстоименіе въ именительн. падежѣ, какъ въ армянскомъ, и согласовать съ причастіемъ съ вспомогательн. глаголомъ: *ორ ლ კიტი* = რომელი ატრთვე წოდებულ არს (=წოდების) „который или которая (родовъ нѣтъ ни въ грузинск. ни армянск. яз.) также названа есть“. Далѣе, въ предложениі *მარტოვად დადებულ სახელთა ბუნებანი*

„изложены просто (вратцѣ) склоненія именъ“, недостаетъ вспомогат. глагола *აჩიან* „суть“ который часто сокращается въ *ა*, но никогда не опускается въ груз. языкѣ, и такъ, слѣдовало: *მარტივად დადებულ აჩიან სსეგლთა ბრუნჳანი...*

За тѣмъ слѣдуютъ слова: *ზეპირ სწავლად უმსკე სხელ დრამატოგოსთა სწავლის შინათა...* Эта фраза вышла у Антонія весьма темной, между тѣмъ, у Мхитара она ясно выражена: *սերտողարար ուսանելիք են յաշակերտաց...* [*ჟერ აჩს ჩათა*] *ზეპირ შესწავლოდ იქმნენ მარტივთა შიკ...* должны быть наизусть изучены учениками; Антоній переводитъ слово *յաշակերտաց* род. п. мн. числа отъ *աշակերտ* ученикъ, воспитанникъ „молодыми грамматиками“ а *ուսանելիք են* — словами, при, въ изученіи, во время ученія, тогда какъ ихъ правильнѣе перевести *ჟერ აჩს შესწავლად* „должны быть изучены, надлежитъ изучить“...

При словѣ *ზედ-კედებულ* „прибавлены“ недостаетъ сущ. глагола 3-го л. слѣдовало: *ზედ-კედებულ აჩიან* „суть прибавлены“. Потому слово въ род. и творительномъ падежахъ: *ზოგადებითა შინა ე. ო. სზოგადის,* — не вѣрный переводъ армянскаго слова *ի Հասարակի*, которое есть нарѣчіе и значить „вообще“ отъ имени *Հասարակ* „общій, обыкновенный“, въ формѣ *ablativo* оно имѣетъ значеніе нарѣчія и соотвѣтствуетъ грузинскому *საზოგადოდ* „вообще“.

Послѣдняя фраза *ჟერ აჩს მათიდა გამოსტყდა გონების სწავლოთ შინათს*, не совсѣмъ понятна, особенно послѣдняя половина ея; это мѣсто у Мхитара гласитъ: *որպէս զի, և նոքին սերտողարար տպաւորիցին ՚ի միտս ուսանողաց...* „чтобы [и эти] также наизусть напечатлѣлись въ умѣ учащихся“. Антоній и здѣсь переводитъ армянское слово *ուսանողաց* въ формѣ причастія род. падежа мн. ч. отъ глагола *ուսանիլ* (учиться, образоваться, упражняться) „учащихся“, — *სწავლოთ შინათს* „при изученіи, во время ученія“ т. е. существительнымъ съ послѣлогомъ „въ“ въ дательн. падежѣ, имѣющимъ въ этой формѣ значеніе прилагательнаго *). Словомъ, нашъ переводчикъ одни слова подлинника описалъ, другія буквально передалъ, такъ, что во многихъ мѣстахъ грамматическія формы подлинника вѣрно переданы, но смыслъ выходитъ другой, какъ напримѣръ, выше разобранный *ի Հասարակի* —

*) Буквальн. «въ умѣ подлежащемъ ученію».

დრწვეტილნი, ფორმა *ablativus*, კაქჲ ეგო პერეოდიქიქჲ პონაქჲ, ნო ეტა ჯე ფორმა უპოტრეობლარჲ კაქჲ ნარწვიე, ი იმენო ვჲ რაზბირაეომაჲ ნაიოთრეოქჲ, კოტორაგო ტოქნიქჲ პერეოდიქიქჲ პრედავლარჲმჲ ჯდჲსჲ სჲ ისპრავლენიემჲ ვსჲქჲ იშოქოქჲ, კაქჲ ქისტო გრამატიქესიქჲ, ტაქჲ ი ორფოგრაფიქესიქჲ: დასაბანი პირწჲლჲსა ნაწილჲსა რომელისა აგრქეთეე წოდება არს (ილი ლუქსე ი ბლიჯე კჲ პოდლინიქუ: რომელი აგრქეთეე წოდებულ არს) კარკი ღრმამატოკისა, რომელისა შოკის მარტოვად დადებულ არიან სსხელთა ბრუნჲსანი, შეუიღჲსანი ზმნათანი და სსხელ-დებანი (შეკრებანი) სს-ქათა სიტუქს ნაწილთანი, რომელინტა ზეპირ სწავლად უკმს ეე მოწაჲეთა (ვმწხო: სს-ღ-ღრმამატოკოსთ სწავლის შინათა): ხელჲ ზედ-კიდებულ არიან მერმეცა სს-ღ-ღრმამატოკოსთ (ე. ო. განსა-ზღჲრებათა) კითხჲსანი, [აგრქეთეე] წუადებისათჲს და გარქემათა, (ე. ო. მდევართა ნაწილთა სიტუქსათა სს-ზოკადოდ (ვმ. ზოკებოთისა შინა, ე. ო. სს-ზოკადისა), ხელჲ ჯერ არს მათიგა ზეპირ გამოსატყვა გონებასა მოსწავლეთასა (ვმ. სწავლით შინათასა).

ნო გდჲ ანთონიქჲ ნაროქო ნე სტარაეტა ბუქჲ ნეპონაქნიქჲ დია ობუქნოვენნიქჲ სმერტნიქჲ, თ. ე. ნე იმჲბეტჲ ვჲ ვიდი ოდნიქჲ „უქენიქჲ ი ფილოსოფოვჲ“, ი პერეოდიქიქჲ „ნე მუდრსტუა ლუკავო“, ტოტა ეგო ლეგო პონაქჲ, კაქჲ უვიდომჲ ნიჯე. მოჯეტჲ ბუქჲ ი ვიშეუგაზანიქჲ იშოქოქჲ სლჲდუეტჲ ობუქანიქჲ ეტიქჲ ჯელანიემჲ პისარჲ „უქენიქჲ სლოგოქჲ“, ინაქე ონჲ სლიშქოქჲ ელემენტარნი, ქობი მოჯო ბუქჲ იქჲ დოპუსტიქჲ; პრი ეტოქჲ, ვჲროქიქჲ, ნე მალაა დოლა იქჲ ობუქანიქჲ სვოიქჲ პრინსოქჲდენიემჲ ი ნეუქჲჯესტვენნიქჲ პერეპისქიქჲ ნაშეი რუკოპისი, კაქნიქჲ ონჲ, ბეჯჲ სომწვიანი, ბულჲ, სუდია პო მასჲ ორფოგრაფიქესიქჲ იშოქოქჲ.

ვტორაა ი ტრეტია ქატი გრამატიქიქჲ № 1 ნოქაქჲ ტაქოე ჯაგლავიე: ისლჲდუეტა (იძიების) ვტორაა ქატი: ობჲ ოპრედჲლენიქჲ, იმჲბენი-ნიქჲ ი პრინადლენიქჲსა ქატიქჲ რწვი.

იძიების; ნაწილჲ მერქე: განსა- **შაან ხერქორქე ჯარღასაჯმან-**
 ზღჲრებისათჲს და განწუჯებათა **აქ რაქანმანეგჲ ი ყარარაქიქჲ**
 და მდევართა სიტუქს ნაწილთასა. **მასანე რანქინ:**

ისლჲდუეტა ქატი ტრეტია: ო სოგლასოვანი ქატიქჲ რწვი (სლოვო-სოქინენი) ი უპოტრეობენი იქჲ.

იძიების: ნაწილი მერქე; შეთხზჲ- **შაან ხერქორქე: ზარღასა ჯარ-**
 ებისათჲს ნაწილთა სიტუქსათა **აქარო-ქენან მასანე რანქინ ი**
 და მქქემებისა მათისა. **ქერაო-ქენანეგჲ სოქინ:**

Въ предъидущихъ примѣрахъ всѣ слова вѣрно переданы на грузинскій языкъ; слово же *ადიების* „изслѣдуется“ принадлежитъ переводчику, его нѣтъ въ армянскомъ текстѣ.

Первая и третья части разбираемой нами грамматики имѣютъ въ свою очередь „прибавленія“, первое изъ нихъ гласитъ: *Симетне* первой части грамматики: вопросы и отвѣты о грамматикѣ и частяхъ ея, которыя должны быть выучены наизусть учениками.

სამეტნე; ღრმმატიკის ჰინგუ-
ლის გეკბოს; გითხვატეხანი ღრმ-
მატიკისათვის და ნაწილთა მისთა,
რომელთა ზეჰინგუმის ეგებამოსტ-
ვაჲ გონებასს სწავლის შინათსს.

*Հաւելումն առաջնոյ մասին
քերականութիւն: Հարցմունք, և
պատասխանիք զքերականութիւն,
և զմասանց նորին, զորս սերտողա-
բար ՚ի միտս առնուլ պարտին
աշակերտքն յայսմիկ վայրի:*

Въ приведенномъ отрывкѣ Антоній замѣняетъ армянское слово *յաւելումն* „прибавленіе“ словомъ „симетне“ и слово *աշակերտքն* „ученики, учащіеся“ переводитъ и здѣсь „въ—, при изученіи“.

Прибавленіе къ третьей части: нѣкоторыя свѣдѣнія, относительно правописанія, произношенія и чтенія, касающіяся грамматическаго искусства.

დამეტებაჲ მესამის ნაწილის,
ცნობა რომელთამე შესატყვის [მარ-
თელ] წეკათა თვის, გამოღებათა და
ადმონცნობათა რომელნიცა აღიყვან-
ებთან სამქედგეგელის გელოვნე-
ბის მიმართ:

*Հաւելումն երրորդի մասին.
Առադեցութիւնք ոմանք սակս
յարմարագրութիւն, արտաբերու-
թիւն, և վերծանուեն որք վերա-
բերին առ արհեստն քերթողու-
թիւն:*

§ 3. Грамматика Антонія № 3 носитъ названіе „Симетне“ и есть, какъ мы замѣтили выше, ни что иное какъ „прибавленіе къ первой части грамматики“ его № 1. Она написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, обнимаетъ всю этимологию вератцѣ, и, въ этомъ отношеніи, она весьма удобна для употребленія въ школахъ, что, вѣроятно, и послужило причиной появленія этого трактата въ видѣ отдѣльной тетради, но когда это случилось, послѣ ли составленія грамматики № 2, или между грам. № 1 и 2 (1753—1767), не извѣстно. Самъ Антоній нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что онъ составилъ и третью грамматику.

Рукопись этого грамматического трактата, которую я пользовался, (кат. груз. кн. Азиат. Муз. Ак. Н. № 91) in 4°, стр. 102, писана плоским почеркомъ, гражданскими буквами, на половину сѣрвовой толстой бумагѣ; годъ написанія незначится въ рукописи, только прозрачное мѣсто въ бумагѣ показываетъ 1807 г. На 1-й стр. написано по грузински: „принадлежитъ царевичу Теймуразу 1819 г., Ноября 14“¹³⁾. Этотъ Теймуразъ былъ сынъ грузинскаго царя Георгія XIII.

Я привожу нижеслѣдующія мѣста изъ „Симетне“ параллельно съ мѣстами изъ грамм. Мхитара, между прочимъ, въ доказательство того, что этотъ грамматическій очеркъ не есть отдѣльный, самостоятельный трудъ Антонія.

Отдѣлъ этотъ въ грамм. Мхитара, какъ и Антонія № 1, носитъ заглавіе, выписанное нами выше (стр. 26) дагѣ слѣдуетъ:

დრამატოგის ნაწილთაჲს თავი
მეზიარებულე. **ვარადა მასანგ ქერականო-
რნ: ვილქი ანაღჩხ:**

О частяхъ грамматики. Глава первая.

კითხვა, რაჲ არს დრამატო-
გია. **ჯარგომინ: ვინჯ ზ ქერაკა-
ნორჩინ:**

Вопросъ: что такое грамматика?

მიკება, დრამატოგია არს კვლე-
ნება წყველ რქმადისა და უცთო-
მელ ქსელისა. **ქათასიანჩ: [ქერაკანორ-
ჩინ]ქარჯხათილღაყქს სოხელქ,
ღ ანსიქაქარარ ჯარაგრჩქქ:**

Отвѣтъ: грамматика есть искусство правильно говорить и безошибочно сочинять (писать).

კ. რადგენნიარსან უზიარტესნი
ნაწილნი დრამატოგისანი; **ჯრე: დანჩ. ზნ ექსაორ. ზ მას-
ონ. ზ ქერაკანორჩინ, ღორიგ ქრჩქ
ოსონინ.**

В. Сколько частей грамматики, *которая слѣдуетъ учить* (эта послѣдняя фраза есть только въ армянскомъ, въ грузинскомъ же ея нѣтъ)?

მ. რთნი (ესე იგი); წიგნი, **ქათას: ჯორ. ზნ. ზ ვქრ, ქანქ,
მარტულო, ღქქსი და სიტუბა.
რანო ღ რან:**

Օ. Четыре: знакъ [письменный], слогъ, слово и предложіе.

գ. Կա՞յ ձևն Գիցնի.

Հից: Օ՛րնչ է գիրն:

В. Что такое знакъ (письменный)?

Ձ. Գիցնի ցիւղքիմ ձևն ճոմիլի ճոմիլի մնիցնիլի սևուս: Եղալ սևա ձևն ուրիշ ճոմիլի նախքերու-
ծոտի, ճոմիլի թիւքերուս. ճոմիլի-
ծիս սեցիս տան սևուս ճոմիլիս
գիցնիս ցիւղիլիս:

Պիտիս: գիրն է գիծ ինչ որ
կայուցեալ է առ ՚ի նշանակել
զտառն. և տառն է հնչումն ինչ
յօղելի. զի կապի, յօգի ընդ
այլումն տառի, և զկատարեալ
նայն արտահայտի.

Օ. Знакъ [письменный] есть то (въ армянск. нѣкая черта), что
стоитъ показателемъ буквы, буква же есть такой членораздѣльный
вдохъ (дыханіе = звукъ), который, соединясь съ другими буквами
(звуками), образуетъ полный голосъ (звукъ).

գ. Կա՞յ ձևն մարգիլի:

Հից: Օ՛րնչ է վանկն:

В. Что такое слогъ?

Ձ. մարգիլի յիցիլի ձևն գիցնի
ճոմիլի, ճոմիլի յիցիլիս ուրիշ
ցիւղիլիս միտիցնիս արտաբերի ՚ի բե-
րանոյ մարդոյն:

Պիտիս: վանկն է նայն ինչ, որ
միով հնչումար արտաբերի ՚ի բե-
րանոյ մարդոյն:

Օ. Слогъ есть такой звукъ который произносится устами человека
однимъ дыханіемъ (въ одинъ приемъ?)

գ. Կա՞յ ձևն լոյսի:

Հից: Օ՛րնչ է բառն:

В. Что такое слово?

Ձ. լոյսի ցիւղքիմ ձևն գիցնի ս-
նիմու (ցիւղիլի) գիցնի ճոմիլի
նիմուսն նուստ լոյսիս ճոմիլիս,
նոյ միցիլիսն լոյսիսն ճոմիլիսն
ցիւղիլիսն միտիցնիս:

Պիտիս: [բառն] է նայն նշանա-
կան. ինչ է նայն մի, որ միշտնշա-
նակ է զիր ինչ, կամ զգործողու-
թի իրին, և կամ զպարագայս
նոցին:

Օ. Слово есть звукъ знаменательный т. е. звукъ, выражающій
всегда какое-нибудь дѣло (въ арм. գիր, իր = вещь и дѣло), или
дѣйствию дѣла (предмета, вещи), или же обстоятельства (принадлеж-
ности) ихъ.

գ. Կա՞յ ձևն ցիւղիլի ցիւղիլիսն
լոյսիսն:

Հից: Ի քանիս ցիւղիլիսն ճոմիլիսն
բառն:

В. На сколько родовъ раздѣляются слова?

მ. რწა გუარად (ესე იგი) სსხე-
ლად, ნაკლსხელად, ზმნად, მიმღე-
ობად, თანდებულად, ზმნისზედად,
შოკის დებულად, კავშირად, გარსა
ესე უოგეღნი ნიშენენ რადმეს;

ჟინსი: 'ი კოლენ ვხელ. უ 'ი
კანონ, 'ი რერანონ, 'ი რა, 'ი
'ი კენიონხელ, 'ი ნახარკო-
ლ, 'ი მსკრა, 'ი მხვარკო-
ლ, 'ი ჯარკაყ. ო, 'ი კოქი
ამ, რხან ნჯანსკენ ვიშნ;

О. На восемь, а именно: имя, мѣстоимѣніе, глаголь, причастіе, нарѣчіе, междометіе, союзъ; всѣ сін (части и частицы рѣчи) означаютъ что-нибудь.

გ. რად არს სიტუტა;

ჲრე: ო, 'ი ნჯ რანს;

В. Что такое предложеніе?

მ. სიტუტა არს თხუფლებად
დუქსთა მასჩინოე ჭზრისა გარ-
სს;

ჟინსი: რანს ჯ ჯარამანო-
ლ, 'ი რაოქე კაკონიო თრამაქო-
ჯოლ, 'ი მარკო;

**О. Предложеніе есть сочиненіе словъ, выражающее мысль чело-
вѣка.**

კ. რად არს სხელო;

ჲრე: ო, 'ი ნჯ ჯ ანონს;

В. Что такое имя?

მ. სხელო არს ნწილი სიტუტეს,
რემელოცა არსებასა სქმისსა
დანიშნავს.

ჟინსი: ანონს ჯ მას რანს,
ორ ვქოლ, 'ი რქს ნჯანსკ;

**О. Имя есть часть рѣчи, которое означаетъ существованіе дѣла
(вещи).**

კ. რად არს ზმნა და რადენად
იწვალეებს;

ჲრე: ო, 'ი ნჯ ჯ რანს, 'ი
რანსი ანჯათი;

В. Что такое глаголь и на какіе [роды] дѣлится?

მ. ზმნად ვიდრემე არს ნწილი
სიტუტეს რემელო ქმნასა დაენებასა
ჭნიშნავს ქმეშეკამისა მინოთო-
რთ, ხოლო განიოთეებს არსებობად
სქმითად;

ჟინსი: რანს ჯ მას რანს,
ორ ვანთ, 'ი ჯამ ვქირა ჯოლ
ენი, 'ი მამანსკალ ნჯანსკ, 'ი
რანსი 'ი ქასკან, 'ი კო-
რანს;

О. Глаголь есть часть рѣчи, означающій дѣйствіе и страданіе съ [указаніемъ] времени и лица, и раздѣляется на [глаголь] существительный и дѣйствительный.

Словомъ, эта работа, считающаяся за третью грамматику Антонія, есть ничто иное какъ „прибавленіе къ первой части“ грам. Мхитара, служившей Антонію образцомъ при составленіи своей первой грамматики, заключающей въ себѣ и этотъ отдѣлъ подъ названіемъ „синетне (прибавленіе) къ 1-ой части“, совершенно въ томъ же видѣ въ какомъ она находится и отдѣльно.

Переводъ этого отдѣла вышелъ у Антонія гораздо правильнѣе и понятнѣе предшествующихъ — что, конечно, много зависитъ и отъ характера изложенія (въ вопросахъ и отвѣтахъ) этого отдѣла.

Терминологія, какъ въ этомъ трактатѣ, такъ и въ другихъ грамматическихъ трудахъ Антонія, больше приближается къ греческой и латинской, но попадаютъ и такія техническія названія, которыя позволяютъ заключить, что они переведены съ армянскаго языка, а не непосредственно съ греческаго или латинскаго, такъ, слово „падежъ“ не переведено на груз. словомъ *ჴადაბი*, *ჴადაბი* (соотвѣт. русскому „паденіе, случай“ нѣмец. Fall), какъ слѣдовало ожидать, судя по греч. *πτῶσις* лат. *casus*, но переведено словомъ *ბრუნბი* „круженіе, верченіе“ какъ и въ арм. *Հաղմ* буквально „катаніе, круженіе, обращеніе“. Равно и слово „склоненіе“ не передано словомъ *ჴადაბი*, какъ въ греч. *κλίσις* лат. *declinatio*, но словомъ *ბრუნბი* „скатываніе, круженіе, обращеніе“, какъ и въ арм. *Հաղմ*.

§ 4. Экземпляры грамматики Антонія № 2 гораздо больше распространены, чѣмъ № 1 и № 3; грамматика эта составлена Антоніемъ, какъ мы замѣтили выше, въ 1767 г. (см. § 257, № 2). Въ рукописи азіатскаго музея (№ 88^а), которою я пользовался, не значится года написанія; тогѣе послѣсловіе гласитъ по грузински „написана книга сія грамматика по приказанію пресветлѣйшаго царевича Георгія рукою недостойнаго іеромонаха Гамалиила“. И такъ, Георгій XIII еще не былъ царемъ, онъ вступилъ на престолъ въ 1798 году. На 1-ой ст. этого рукописнаго экземпляра написано другимъ почеркомъ по грузински же: „книга эта принадлежитъ Теймуразу сыну царя Георгія XIII“, а на стр. 9 снова другимъ почеркомъ, что она „принадлежитъ Давиду сыну грузинскаго царя“. Приписки эти показываютъ, приблизительно какъ время написанія этой рукописи, такъ и

достоинство ея какъ рукописи, какъ списка. Экземпляръ, о которомъ идетъ рѣчь больш. in 4°, написанъ на очень хорошей бумагѣ, въ которой прозрачное мѣсто показываетъ гербъ съ короной, внутри же герба во всю длину латинскими заглавными буквами отпечатано „IBERIA“; писанъ въ два столбца не только четко, но и изящно, буквами гражданского алфавита, заглавныя же буквы, равно и слова и, даже цѣлыя фразы, имѣющія особенное грамматическое значеніе писаны церковными буквами. Страницы не нумерованы. Вся книга состоитъ изъ трехъ частей и „прибавленія“ къ третьей части, раздѣлена на главы и параграфы, всѣхъ главъ 66, §§ 545; начинается предисловіемъ, приведеннымъ нами выше (стр. 10), далѣе слѣдуетъ оглавленіе и, наконецъ, изложеніе самой грамматики. Кромѣ того, первыя и послѣднія страницы испещрены приписками историческаго содержания, относящимися къ исторіи Грузіи конца прошедшаго столѣтія.

Вотъ названіе статей (по заглавному реестру самой книги), вошедшихъ въ нее.

„Часть I (§§ 152), въ которой просто (кратко) изложена каждая часть рѣчи съ примѣрами. Гл. 1 — о склоненіи именъ, гл. 2 — о склоненіи собственныхъ именъ; гл. 3 — о склоненіи мѣстоименій; гл. 4 — о спряженіи существительнаго глагола; гл. 5 — о спряженіи дѣйствительныхъ глаголовъ и прежде всего о первомъ спряженіи и его видахъ; главы отъ 6—14 включительно посвящены восьми спряженіямъ; гл. 15 — о предлогѣ; 16 — о нарѣчій; 17 — о союзѣ; 18 — о междометіи.

Часть II (§§ 153—306): объ опредѣленіяхъ [грамматическихъ категорій], измѣненіяхъ (флексіяхъ) и принадлежностяхъ частей рѣчи. Гл. 1 — о грамматикѣ и главнѣйшихъ частяхъ ея; гл. 2 — о буквѣ; 3 — о слогѣ; 4 — о словѣ; 5 — о имени вообще; 6 — о имени; 7 — о принадлежностяхъ имени вообще; 8 — о первой и второй принадлежностяхъ имени, т. е. о родѣ и составѣ; 9 — о третьей принадлежности имени — о видѣ; 10 — о четвертой принадлежности — о склоненіи; 12 — о мѣстоименіи и его измѣненіяхъ (флексіяхъ); 13 — о принадлежностяхъ мѣстоименій; 15 — о принадлежностяхъ глаголовъ и прежде всего, о залогѣ, составѣ и видѣ; 16 — о числѣ, лицѣ и временахъ глаголовъ; 18 — о производствѣ временъ, формѣ и составѣ лицъ глаголовъ въ настоящ. и прошед. временахъ изъявительн. наклоненія; 19 — объ отлагательномъ имени; 20 — о неопредѣлен-

номъ наклоненіи; 21 — о нѣкоторыхъ правильныхъ глаголахъ, происходящихъ отъ восьми спряженій и, распадающихся на два спряженія; 22 — о разныхъ неправильныхъ глаголахъ; 23 — о причастіи и его принадлежностяхъ; 24 — опредѣленіе предлога и его принадлежностей, 25 — опредѣленіе нарѣчія и его принадлежностей; 26 — о союзѣ; 27 — о междометіи, его опредѣленіе.

Часть III (§§307—545). О синтаксисѣ или сочиненіи частей рѣчи (словъ) и ихъ употребленіи. Гл. 1 — о четырехъ родахъ согласованія частей рѣчи вообще; гл. 2 — о первомъ согласованіи, какъ-то, глагола съ именемъ; гл. 3 — о второмъ согласованіи т. е. имени существительнаго съ прилагательнымъ; гл. 4 — о третьемъ согласованіи, — относительнаго мѣстоименія съ предшествующимъ [членомъ предложенія къ которому оно относится]; гл. 5 — о четвертомъ согласованіи, — отвѣта съ вопросомъ; гл. 6 — о падежахъ, требуемыхъ различными частями рѣчи (словами) вообще; гл. 7 — о падежахъ, требуемыхъ дѣйствительными глаголами въ частности; гл. 8 — о падежахъ, требуемыхъ средними глаголами; гл. 9 — объ отыменныхъ глаголахъ, принимаемыхъ дѣйствительными глаголами какъ имя въ видѣ дополнительнаго [члена предложенія]; гл. 10 — о неопредѣленномъ наклоненіи и причастіяхъ, требуемыхъ глаголами въ видѣ дополненія; гл. 11 — о падежахъ, требуемыхъ причастіями; 12 — объ именахъ прилагательныхъ и требуемыхъ ими падежахъ; гл. 13 — о правильномъ расположеніи частей предложенія [по правиламъ] грамматическаго искусства, [показанное] на нѣсколькихъ примѣрахъ; гл. 15 — примѣры, взятые изъ разныхъ писателей для упражненія въ синтаксисѣ грамматическаго искусства; гл. 16 — о нѣкоторыхъ свойствахъ граммат. синтаксиса; гл. 17 — о нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ грамм. синтаксиса“.

Далѣе слѣдуетъ: „приложеніе къ 3-й части, нѣкоторыя свѣдѣнія относительно письма, разговора и чтенія, подлежащихъ граммат. искусству: гл. 1 — о письмѣ; гл. 2 — о произношеніи и гл. 3 — о чтеніи.

Изъ этого реестра содержанія граммат. Антонія № 2 видно, что первыя двѣ части ея заключаютъ этимологію, третья — синтаксисъ, а фонетической части отведено мѣсто въ началѣ II-ой части и въ „прибавленіи къ третьей части“, впрочемъ, о звукахъ Антоній распространяется во многихъ мѣстахъ своего труда. Особенно хорошо разработаны у Антонія главы: о словопроизведеніи, сложеніи частей

рѣчи о словообразованіи въ тѣсномъ смыслѣ слова; склоненія и спряженія также принадлежатъ къ лучшимъ и наиболее совершеннымъ частямъ его труда. Главнѣйшій недостатокъ его и здѣсь — это погоня за излишнею подробностью, граничащей часто съ мелочностью.

Чѣмъ грамматика № 2 отличается отъ грам. № 1, это указываетъ самъ Антоній въ приведенномъ выше (стр. 11) предисловіи, изъ котораго видно, что хотя общій планъ распредѣленія грамматическаго матеріала остался, въ главныхъ чертахъ, тотъ же самый, но во всемъ остальномъ онъ представляетъ трудъ самостоятельный: опредѣленіе грамматическихъ категорій и понятій, ихъ распредѣленіе, разработка подробностей и особенностей свойственныхъ грузинскому языку, болшею частью, новы и оригинальны. Нѣтъ болѣе колебанія въ правописаніи, строго и методически проведена классическая система правописанія, напримѣръ, придых. ჳ, ჳ, ჳ не замѣнены посредствомъ ჳ, ჳ, ო, но удержаны вездѣ; наконецъ, сама терминологія и техническія выраженія не носятъ болѣе слѣдовъ буквальнаго перевода, но они представлены по звуковымъ и этимологическимъ законамъ груз. языка, такъ не встрѣчается болѣе, или весьма рѣдко: სზოკადის ჳობს, вмѣсто სზოკადის კკის ჳობს ვმ. კკიმად, или одно и тоже слово на два и три способа: სტო, კკვი, ჳესხედაო = (арм. *Կերպ*) „видъ“ и т. п.

Въ прочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что освободившись отъ вліянія Мхитара, Антоній замѣтно поддается вліянію европейскихъ грамматиковъ и философовъ, съ которыми онъ въ послѣдствіи познакомился и переводилъ на грузинскій языкъ, такъ, онъ часто приводитъ слова Вольфа, Баумейстра, конечно, и здѣсь, какъ и въ грам. № 1, только для опредѣленія общихъ грамматическихъ понятій и категорій, что же касается до особенностей груз. языка, то онъ и здѣсь чуждъ иностраннаго вліянія, равно нерѣдко оспариваетъ и отступаетъ отъ прежнихъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ грам. № 1.

Предположеніе, будто Антоній пользовался при составленіи своей грам. № 2 и грамматикой Ломаносова, — я не могу подтвердить, какъ по отсутствію всякихъ указаній объ этомъ предметѣ у Антонія, такъ и по многимъ существеннымъ противорѣчіямъ между грамматиками этихъ авторовъ, тогда какъ ссылки на другихъ писателей или прямо указаны у Антонія, или читатель легко замѣтитъ сходство многихъ общихъ мѣстъ его грамматики съ таковыми же въ граммати-

ческихъ, или логическихъ трудахъ европейскихъ писателей, знакомыхъ Антонію; мы приведемъ для этого нѣсколько примѣровъ:

„Буква *sona* (соб. членъ) есть знакъ, выражающій членораздѣльный звукъ (*ბაწვეგრბითი რხეცა*)“ № 2, § 156, а. *Voces sunt soni articulati, quibus notiones significantur. Baumestrii Log. LII, p. 12.* „Букву разсматриваютъ древніе грамматики, замѣчаетъ Антоній *ib.* §, какъ нѣчто первичное, на подобіе стихійныхъ элементовъ: огня, воздуха, воды, земли, составляющихъ начало и основаніе тѣлъ, также какъ и буквы суть начала и элементы звуковъ“; такъ понимали и греческіе грамматики функцію буквъ. См. Штейнталь, *Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern, Berl. 1863.*

Далѣе, при опредѣленіи значенія *дѣйствительнаго* и *страдательнаго* глаголовъ, Антоній прямо ссылается (№ 2, § 235) на Дефинитивную Философію Бауместра § 49; въ этомъ параграфѣ у Бауместра въ латинскомъ подлинникѣ нѣтъ ничего, относящагося къ опредѣленію дѣйствія, но есть въ § ССССХС, III, который мы приводимъ ниже.

მოქმედებითად ზმნად უწოდებთ მას რომელი დასაზმნავს ცუქლებას ქქუჭ-მდებარისა მდგმოებისსა, რომლისდა მიზეზი აზოების თვთ ქქუჭმდებარესა შინა ცუქლებულსა.

„Глаголомъ дѣйствительнымъ называемъ то, что означаетъ измѣненіе состоянія предмета, причина котораго (измѣненія) заключается въ самомъ предметѣ, подверженномъ измѣненію“.

Вышеуказанный § у Бауместра гласитъ такъ: *actio est mutatio status cujus ratio continetur in subjecto quod eandem mutat.*

ბოლო ვნებითად ზმნად უწოდებთ მას, რომელი ნაზმნავს ცუქლებას მდგმოებისა ქქუჭ-მდებარისსა, და ცუქლებისა მის მიზეზი ცარკვან ქქუჭმდებარისა მის აზოებოდას. „Страдательнымъ же глаголомъ называемъ то (слово), что означаетъ измѣненіе состоянія предмета, причина же измѣненія его находится внѣ предмета“. При этомъ опредѣленіи значенія страдательнаго глагола Антоній (*ib.* §) ссылается на § 492 Дефинитивной Философіи Бауместра, у котораго ничего не говорится о страданіи вообще въ указанномъ Антоніемъ §, но въ предъидущемъ § ССССХСІ, III: *passio est mutatio status, cujus ratio continetur extra subjectum, quod statum suum mutat* (этой послѣдней фразы нѣтъ въ грузинскомъ).

Этимъ оканчиваемъ библиографическую характеристику грамматическихъ трудовъ Антонія; слѣдуетъ замѣтить, что ближайшіе, по

времени, послѣдователи Антонія на грамматическомъ поприщѣ: Гаіозъ, царевичъ Давидъ, Варлаамъ строго придерживаются его грамматики и въ терминологіи, и опредѣленіяхъ, и общемъ планѣ, но у Додаева, Чубиновыхъ, Иоселіани является уже нѣсколько другая система и терминологія, болѣе опредѣленная, приближающаяся, по точности техническихъ выраженій, опредѣленій и по системѣ, къ болѣе рациональному, современному изложенію и распредѣленію грамм. матеріала.

§ 5. Грамматика *Гаіоза* ¹⁸⁾, на грузинскомъ языкѣ, напечатана въ Кременчугѣ 1789 г. 2-го октября, стр. 143, §§ 283, in 8°, частью церковными, частью же гражданскими буквами. Грамматика эта безъ предисловія и оглавленія (по крайней мѣрѣ, экземпляръ Аз. Музея Ан. Наукъ, которымъ я пользовался, не имѣетъ ихъ), раздѣлена на 3 части: этимологию, синтаксисъ и орфографію.

Первая часть начинается „*вступленіемъ*“, въ которой дается опредѣленіе *грамматики*, какъ и у его предшественника Антонія; за тѣмъ говорится „о четырехъ главныхъ частяхъ грамматики“: о буквахъ (წჱწხ), слогахъ (ძჱძჳჴჵჶჷჸჹ), словахъ (სიტყვა) и предложеніи (სიტყვათა). Алфавитныхъ знаковъ въ грузинскомъ языкѣ Гаіозъ считаетъ 40. Онъ мало отступаетъ отъ грамматики Антонія, которую сокращаетъ весьма удачно и со знаніемъ дѣла.

Ч. I. Имя, говоритъ Гаіозъ, раздѣляется на двѣ части, на имя *существительное* и имя *прилагательное*.

Далѣе слѣдуютъ отдѣлы: о степеняхъ сравненія. О родахъ, которые находятъ онъ *четыре*, какъ и его предшественникъ. О составѣ (ბჱბჳბჵბჷბჹ) и видахъ (სხვა). Онъ перечисляетъ 10 категорій производимыхъ словъ. Эта глава одна изъ лучшихъ у Гаіоза. Чиселъ два. Падежей 8. Гаіозъ признаетъ *только одно склоненіе*, говоря, что всѣ имена склоняются въ грузинскомъ языкѣ одинаково во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ *родительнаго падежа*, для котораго даетъ нѣсколько совершенно достаточныхъ правилъ. Въ этомъ состоитъ его неоспоримая заслуга.

Мѣстоименіе (§§ 86—101) имѣетъ всѣ принадлежности имени: родъ, видъ, составъ, число, лице, склоненіе.

О глаголахъ (§§ 102—109). Глаголы *сложные* съ предлогами, одно изъ хорошо разобранныхъ и самостоятельныхъ мѣстъ у Гаіоза. Главныхъ временъ глагола три: *настоящее, прошедшее и будущее* и кромѣ того еще *три прошедшихъ* времени; наклоненій *четыре*: опре-

дѣленное (საზღვრებოთი), неопредѣленное (განუსაზღვრებოთი), повелительное (ბრძანებოთი), гипотетическое (ჭიშკრეობის, ანუ ქმრ-წყობილებოთი). Правильныхъ спряженій глагола 6. Далѣе въ гл. 4 — 8 слѣдуетъ изложеніе другихъ частей и частицъ рѣчи.

Ч. II. Синтаксисъ. Гл. 1—8. О согласованіи частей рѣчи вообще. О сочиненіи имени съ глаголомъ. О согласованіи неправильныхъ глаголовъ. О согласованіи неопредѣленного наклоненія, причастія и отглагольнаго имени. О согласованіи именъ т. е. имени существительнаго съ именемъ существительнымъ, прилагательнымъ, причастіемъ и мѣстоименіемъ. О согласованіи предлога, нарѣчія, союза и междометія съ именемъ и глаголомъ. О согласованіи отвѣта съ вопросомъ. О художественномъ слогѣ. Объ эстетическомъ слогѣ.

Ч. III. О правописаніи.

Гл. 1 — 3. О правильномъ чтеніи. О знакахъ препинанія и титлахъ. О раздѣленіи сочиненій на части, главы, параграфы и статьи.

§ 5. Грамматика *царевича Давида* существуетъ въ рукописяхъ; въ предисловіи своей грамматики авторъ обращается къ царственной особѣ, котораго имени не упоминаетъ, но котораго внукомъ (ძის ძე) называетъ себя, слѣдовательно Ираклію II: „для того, чтобы наше шествіе было направлено къ дверямъ мудрости, говоритъ авторъ, и, будучи движимъ сердечною любовью къ вамъ и народу вашему, который (народъ) вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ не имѣлъ досуга изучать благородныя искусства или философію, составилъ я эту маленькую, удобопонятную книгу въ вопросахъ и отвѣтахъ на основаніи *древнихъ и новыхъ грамматикъ*; она есть путь къ мудрости или ключъ знанія... Но дерзая просить ваше величество, что въ случаѣ найдете ошибки простите мнѣ, такъ какъ въ знаніи я еще не опытенъ; хотя это сознаніе и казалось мнѣ препятствіемъ, но вѣрноподданическая преданность къ вамъ и любовь къ народу вашему преодолѣли препятствія и, сколько силы мои позволяли, рѣшился составить книгу, называемую основаніемъ мудрости, которая не мало пользы принесетъ народу вашему и мнѣ самому: имъ — поелику покажетъ путь и дверь къ благороднымъ искусствамъ, мнѣ — потому, что этимъ я выскажу желаніе усердно служить вашему величеству.

Ихъ величества милостиваго государя низайшій рабъ, внукъ ихъ Давидъ“.

Давидъ сынъ и наслѣдникъ Георгія XIII, внукъ Ираклія II, умеръ въ 1829 г. Судя потому, что онъ въ предисловіи обращается къ дѣду (Ираклію), какъ еще царствующей особѣ, слѣдуетъ полагать, что эта грамматика не была составлена позже 1798 года, когда умеръ Ираклій и вступилъ на престолъ грузинскій, сынъ его Георгій, управлявшій всего два года.

Грамматика эта находится только въ рукописяхъ. Рукопись которою я пользовался (Кат. Азіат. Музея Акад. Наукъ № 93; in 4°) написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, которыхъ 298; стр. 72. На переплетѣ отпечатана по русски „Философическая грамматика“. Она оканчивается философскимъ объясненіемъ грамматическихъ категорій и изображеніемъ разныхъ круговъ, связанныхъ между собою, съ надписями: сущность, форма, безродный родъ (უბნაკისკვსი ნაკისვი) смѣшеніе, простота, плотская душа (*душа* въ отличіе отъ *духа*?) живой камень, чувственное растеніе и т. п.

Послѣ предисловія начинается изложеніе грамматики, не отличающейся отъ предшествующихъ ни методичностью изложенія, ни простотою опредѣленій грамматическихъ понятій, ни, наконецъ, языкомъ, которымъ она написана; авторъ, желая *философствовать* только затѣмняетъ многія опредѣленія, которыя „не мудрствуя лукаво“ онъ передалъ-бы понятіе, лучше и проще. Онъ часто смѣшиваетъ *логическія* понятія и опредѣленія съ *грамматическими*. У него не менѣе своеобразнаго схоластическаго толкованія, чѣмъ у Антонія.

„Грамматика, говоритъ онъ, т. е. словесность (буквальн. „книжничество“), ზნეზნობისა ე. ი. შვიგნობისა, рассуждаетъ о знакахъ, слогахъ, словахъ и предложеніяхъ; слоги раздѣляются на буквы, буквы на граммы, (γράμματα), граммы на точки, точки же не раздѣляются болѣе“ 14).

Вотъ его разсужденіе о природѣ звуковъ (вопр. 10—27): „Вопросъ. Сколько видовъ имѣетъ родовое понятіе *вздохъ, дыханіе*“ ზღერა? Отвѣтъ. Два вида: *звукъ* (голосъ) ხმა и *незвукъ* (шумъ?) ზღერა. В. Какіе суть *незвукъ*? О. *Незвукъ* — это [шумъ], издаваемый неодушевленными предметами, на примѣръ: шелестъ листьевъ (ფოთლისა შროლა), грохотъ грома (ქუხილთა გრიალა), гудъ колокола (ზანთა ბეჭება), журчаніе воды (წყლისა ჩქება), скрипъ колесницъ (ქულისა გრიალა), и т. п. В. Какіе бываютъ *звуки*? О. *Звуки* бываютъ людей и животныхъ. В. Какъ раздѣляется *звукъ*? О. Раздѣляется

на *членораздѣльный* (ბაწკვტაბნდ) и *членный* (ბაწკვტა ნეჩლო-раздѣльный?) В. Какіе суть звуки членные? О. Тѣ, которыхъ нельзя изобразить письмомъ, какъ напримѣръ, звуки животныхъ и птицъ. В. Какіе суть звуки членораздѣльные? О. Звуки людей, такъ какъ ихъ можно передать письмомъ. В. Какъ раздѣляется звукъ членораздѣльный? О. На *знаменательный* (ბაწკვტაბნდ) и не *знаменательный* (ტბაწკვტა). В. Какіе суть не знаменательные звуки? О. Тѣ, которые хотя и могутъ быть изображены знаками, но ничего неозначаютъ (აბ ბაწკვტა აბ ტაწკვტა, для примѣра слѣдуютъ по три точки : : : : :). В. Какіе суть знаки знаменательные? О. Тѣ, которые могутъ быть изображены письмомъ и означаютъ что-нибудь. В. Извольте сказать (ბაბტბნკ მკ ადმტბნკს სტაბს) мнѣ значеніе буквы? О. Какъ человекъ состоитъ изъ души и тѣла и безъ души не можетъ тѣло издавать звука (კამტვტა ბბბს), такъ и буквы (?) состоятъ изъ *гласныхъ* и *безгласныхъ*, и безгласная не можетъ имѣть безъ гласной звука, но только соединясь вмѣстѣ образуютъ полный звукъ“.

Падежей 8. Названія падежей тѣ же самыя, какія у Антонія. Вопр. 116 — 123 нашъ авторъ объясняетъ названіе и внутреннее значеніе падежей, которое ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго толкованія, принятаго въ грамматикахъ. За тѣмъ излагаетъ ученіе о мѣстоименіяхъ и глаголахъ (вопр. 163—203), нѣсколько разбавленное для учениковъ, но, въ сущности, тоже самое что и у Антонія. Время допускаетъ: 4 прошедшихъ, одно настоящее и одно будущее. Наклоненій (სტბაბს) 5: определенное, повелительное, жалательное, гипотическое, или условное и не определенное. Принадлежности глагола: основа глагола (ბაბ ტბბბს), соединительныя буквы (სტბაბ მკამტვტაბტბბ), характеры лицъ (წბბბ ბაბბტვტბბ), знаки числа (წბბბ ბაბტვტბბ).

Далѣе распространяется: о причастіи, сологѣ (предлогахъ и послѣлогахъ), нарѣчій, междометіи, союзѣ.

Синтаксическая часть представляетъ также не мало своеобразнаго.

§ 7. Братская грузинская грамматика, сочиненная на руссiйскомъ языкѣ. Въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1802 г., in 8° стр. 64. Грамматика эта начинается коротенькимъ предисловіемъ также на русскомъ языкѣ, подъ которымъ стоятъ буквы: В. А. Г. т. е. *Варлаамъ Архіепископъ Грузіи*, въ послѣдствіи митрополитъ и первый грузинскій экзархъ, былъ родомъ изъ князей Эри-

стовыхъ, умеръ въ Москвѣ 1830 г. „Хотя слогъ грузинскаго языка не имѣетъ толикой привлекательности, гласитъ предисловіе, чтобы обратить къ себѣ нѣкоторыхъ вниманіе касательно совершеннаго его понятія; но судя по отношеніямъ, каковыя послѣдовать должны между Россією и Грузією по случаю ихъ соединенія, не обинуясь сказать можно, что діалектъ сей въ связи общественнаго онаго правленія для жителей Россіи есть нынѣ не бесполезенъ, особливо для тѣхъ, коихъ всемогущая Монарха Россійскаго рука поставила тамо правити судъ и дѣлати всякую правду. И вотъ на семъ-то основаніи разсудилъ я издать въ свѣтъ краткую сію грамматику, стараясь сколько можно было, помѣстить въ ней все то, что потребно къ правильному грузинскаго языка уразумѣнію.

Да будетъ убо, почтенные словесности любители! сей малый трудъ мой предъ лицемъ вашимъ пріятель и любезенъ, да будетъ миль неотвратителенъ. Впрочемъ желаю, чтобы изученіе книжицы сей составило хотя малѣйшее пособіе къ взаимному Грузіи съ Россією отношенію“.

Грамматика эта довольно удачное сокращеніе грамм. Гаіоза со-держать этимологію и важнѣйшія правила синтаксиса, расположенныя почти въ томъ же порядкѣ какъ и у Гаіоза. Бувъвъ считаетъ Варлаамъ только 39, а не 40, какъ Антоній, Гаіозъ и царевичъ Давидъ.

Падежей 8, склоненій 5 — по числу конечныхъ гласныхъ.

По Варлааму грузинскія мѣстоименія имѣютъ два рода (?): средній и общій. Первыми бывають мѣстоименія, замѣняющія *неодушевленные* предметы, вторыми же — предметы *одушевленные*. Это правило искусственно и произвольно составлено.

Временъ по Варлааму 7. Спряженій также 7, но онъ даетъ, для краткости, образцы только трехъ изъ нихъ. О сочетаніи словъ. Въ этомъ отдѣлѣ Варлаамъ даетъ только 7 важнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ.

§ 8. Въ каталогъ грузинскихъ книгъ библіотеки свѣтлѣйшаго князя Іоанна Григорьевича Грузинскаго значится еще „Грузинская грамматика составленная *Іоанномъ Картвеловымъ*. Тифлисъ, 1809 г. рукопись“. Я не видѣлъ этой грамматики.

§ 9. Грамматика *Лессея Чубинова*, на груз. языкѣ, печ. церковными буквами, безъ заглавнаго листа, равно и безъ имени автора, (по крайней мѣрѣ, они не обозначены на экземплярѣ С.-Пб. Пуб-

Языкъ грамматики менѣ книжный, чѣмъ у его предшественниковъ, опредѣленія его кратки, просты и понятны, вся система грамматики упрощена, и, если онъ повторяетъ въ общемъ своихъ предшественниковъ, то въ лучшемъ видѣ, и какъ учебникъ одинъ изъ лучшихъ, словомъ, въ авторѣ видѣтъ грамматическій смыслъ и ясное представленіе того, что онъ писалъ. Авторъ колеблется между древне-грузинскимъ языкомъ и ново-грузинскимъ, приводитъ примѣры то одного, то другаго.

§ 10. Самоучитель содержащій въ себѣ грамматику, разговоры, правоученія и лексиконъ на російскомъ и грузинскомъ языкахъ. Сочиненныя служащими въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ *Годерзіемъ Фираловымъ*. თუთ მასწავლებელი რომელი იპყრობს თჳს შორის ღრმამატეკას, ზნეობის სწავლას, საუბარს და ლექსიკონს რუსულს და ქართულს ენას ზედა: შეთხზული მასწავლებლის სახელმწიფოსა კოლლეგიას შინა უცხელ მხრისთა ნადგობრის სოვეტნიკის და კავკლეკის გოდერძი ფირალაფისგან: въ С.-Петербургѣ. Въ типографіи Іос. Іоанесова 1820 года, in 4° больш. форм. стр. 187, напеч. въ два столбца, параллельно по русски и по грузински. Грамматика, разговоры, правоученія лексиконъ все передано съ буквальнымъ грузинскимъ переводомъ, часто неправильнымъ и непонятнымъ.

Самъ авторъ Фираловъ былъ мдиваномъ (секретаремъ) царя Георгія, когда онъ былъ еще наследникомъ престола грузинскаго. Онъ передалъ на русскій языкъ, въ видѣ драмы, грузинскую поэму Вепх-висъ-тхаосани (см. ტრადუა ვეფხვის ტუალსნი. მასკოვს 1852 წ.).

Самоучитель начинается „предисловіемъ“ на грузинскомъ и на русскомъ языкахъ; авторъ высказываетъ побудительныя причины, планъ и цѣль составленія этого сочиненія: „со всевозможнымъ тщаніемъ, говоритъ онъ, сочинилъ сію книгу самоучителя, для познанія двухъ языковъ, Россіанамъ—Грузинскаго, а Грузинамъ—Россійскаго“.

Самоучитель состоитъ изъ VI частей и 21 главъ. Часть I, гл. 1—3. „О Азбукѣ Грузинской, складахъ и произношеніяхъ. О числахъ. О слогахъ и рѣченіяхъ.“

Ч. II, гл. 1—2. О Россійской Азбукѣ, складахъ и произношеніяхъ ихъ. О словахъ и рѣченіяхъ.

Ч. III, гл. 1—16. О грамматикѣ вообще. О знакахъ препинанія. О словопроизведеніи. О имени вообще“ и другихъ частяхъ рѣчи;

окончивается эта часть „словосочиненіемъ и слогуудареніемъ“. Далѣе „Ч. IV Нравоученія. Ч. V. Разговоры. Ч. VI. О лексиконѣ и толкованіи именъ человѣческихъ“.

Языкѣ Фиралова „болѣе удобопонятный“, говоря словами Антонія, чѣмъ у его предшественниковъ, но у него также есть колебанія въ употребленіи словъ и грамматической терминологіи. Что же касается собственно грузинской грамматики, то она весьма слабо передаетъ даже то, что было сдѣлано его предшественниками.

На грамм. строй собственно грузинскаго языка не обращено никакого вниманія, лишь изрѣдка замѣтитъ авторъ кое-что о будто-бы незначительныхъ отступленіяхъ его отъ русской грамматики и то въ примѣчаніи, такъ на стр. 31 онъ, перечисляя падежи русскаго языка, говоритъ: „Въ грузинской грамматикѣ склоненій числомъ не определено, какъ въ Россійской; но вообще всѣ имена кончащіяся на самозвучащія или безгласныя буквы, *склоняются по свойству языка чрезъ падежъ (!)*“. Хорошо объясненіе! Въ другомъ мѣстѣ по поводу русскихъ мѣстоименій Фираловъ замѣчаетъ:

„Въ грузинскомъ языкѣ мѣстоимерій суть только два рода, *общій и мужескій*“, но не указываетъ, какія это общаго рода мѣстоимѣнія и какія мужескаго рода, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются? Да такихъ и не укажетъ, потому, что ихъ нѣтъ въ грузинскомъ языкѣ. Равно ошибочно и слѣд. прим. стр. 59. „Какъ выше о мѣстоимѣніяхъ сказано, что въ грузинскомъ языкѣ родовъ только два: *общій и мужескій, такъ и о малолѣтахъ прошедшихъ время разумѣть надлежитъ (!)*“ При этомъ нужно замѣтить, что авторъ ни разу не подкрѣпляетъ примѣрами свои замѣчанія о грузинской грамматикѣ. Вотъ еще образчикъ его разсужденій:

„Въ грузинской грамматикѣ хотя спряженій глаголовъ по окончаніямъ своимъ считается 7 (?), но какъ онны сходны съ Россійскимъ (!), то за лишнее почитаю здѣсь о нихъ упомянуть“ стр. 59. Словомъ, его трудъ есть ни что иное, какъ *изложеніе общихъ опредѣлений грамматическихъ категорій съ краткимъ обзоромъ русскихъ склоненій и спряженій, съ ссылкой иногда и на грузинскую грамматику*, въ томъ родѣ, какъ мы выше выписали. Къ сожалѣнію, и переводъ съ русскаго на грузинскій весьма слабъ, обличая въ авторѣ поверхностное знакомство съ грузинскимъ языкомъ и незнаніе

самых обыкновенных идиотизмов его, которыми онъ долженъ былъ замѣнить буквалья. переводъ съ русскаго, часто не имѣющій никакого смысла и не понятный на грузинскомъ, если не посмотрѣть въ русскомъ параллельно напечатанномъ текстѣ. Вотъ немного изъ множества такихъ примѣровъ, стр. 107: „Я вамъ весьма обязанъ“ Фираловъ переводить: „მე თქვენდა მი თრიად შეკრულ ვარ“ слово: *обязанъ* въ грузинскомъ языкѣ употребляется исключительно въ смыслѣ *физическомъ*, „связать, связывать“ и никогда въ смыслѣ *нравственномъ*, — въ смыслѣ „одолженія“, и сочиняется всегда съ род. п. съ послѣлогомъ *ვან* отъ, *მიერ* чрезъ, *თქვენგან*, *თქვენ მიერ*, а не съ дат. съ послѣлогами *მიან*, *მიად*, *ვან*, — какъ это дѣлаетъ Фираловъ; и такъ, слѣдуетъ перевести: *მე თქვენ მიერ (ვან) თრიად დაჯგუბული ვარ*“. Въ фразѣ: *გმადლობ თქვენ თქვენს აკრისს ზედა* (послѣлогъ *ზედა* „на“ употребленъ вмѣсто *თვის* для): „благодарю васъ за вашу ласку“. Фразу стр. 130. „Полю въ которомъ онъ находится претерпѣлъ въ семь дѣйстви много“, Фираловъ переводить: *შალეკმან, რამელსაცა შინა იგი იმუთყება, მოითმინა მოქმედებას შინა მრავალი*, послѣдняя половина фразы имѣетъ *противуположный русскому смыслъ*, благодаря совершенно буквальной и механической передачѣ слова „претерпѣлъ“. Вотъ еще образчикъ механической передачи: слова „положитесь на меня“ стр. 134. Фираловъ переводить: *დასჯეკით ჩემზედა*, буквалья. „положите на меня“.

Но, не смотря на существенные недостатки, можетъ быть книга эта была не бесполезна въ то время, когда совсѣмъ не было учебниковъ подобнаго рода, по пословицѣ „на безрыбьи и ракъ рыба“.

§ 11. Шёгрень говорить, что онъ „самъ имѣетъ рукописную грузинскую грамматику, составленную царевичемъ *Ioанномъ* ¹⁶⁾“ (стр. 114, in 4°) въ 1829 г. въ Спб. (*Literar. Anzeige. St-Petersb. Ztg.* 1838, № 27, p. 2). Я не видѣлъ экземпляра этой грамматики.

§ 12. Кратвая грузинская грамматика, изданная *Соломономъ Додаевымъ*. Тифлисъ 1830. Въ типографіи издательскаго комитета. *შემოკლებული ქართული ღრამმატიკა გამეტყეული სოლომონ დოდაევის მიერ, ტფილისს 1830 წ. სტამბას შინა გამეტყეულისა გომეტყისსს*; in 4° малаго формата стр. 80 §§ 156. Напечатана на груз. языкѣ гражданскими буквами. Языкъ грамматики довольно обработанный и легко доступный всякому, по крайней мѣрѣ, въ то время. Определѣнія грамм. категорій и техническіе термины болѣе

сближены съ разговорнымъ языкомъ, чѣмъ у его предшественниковъ, хотя изложеніе и объясненіе ихъ не многимъ отличается отъ грамм. системы предшественниковъ; число склоненій, падежей, спряженій, все тоже, даже четыре грамматическіе рода, общая ошибка всѣхъ ихъ. И его грамматика дѣлится на три части: словопроизведеніе ლექსთ-წარმოება, (гл. 1 — 8), словосочиненіе ლექსთ-თანხვეება (гл. 1 — 8), правописаніе მართლ-წერა (гл. 1 — 3). Склоненій 4: 1) всѣ слова, кончающіяся на согласныя; 2) слова кончающіяся на *ს, ჯ, ჴ, ჳ*; 3) всѣ слова на *ო, ჳ*; 4) слова на *ა, ჴ*. Спряженій два, на основаніи личныхъ показателей.

Довольно поучительна орфографическая часть этой грамматики: гл. 1 — 3. О правильномъ употребленіи буквъ. О большихъ буквахъ. Объ употребленіи гласныхъ и двугласныхъ буквъ. Объ употребленіи безгласныхъ буквъ. Въ этихъ рубрикахъ авторъ даетъ нѣсколько остроумныхъ объясненій нѣкоторыхъ грузинскихъ звуковъ.

§ 12. Первоначальныя правила грузинской грамматики, составленныя *Платономъ Игнатьевичемъ Иоселиани*. Тифлисъ 1840 г. *მთავრად-დაწვებითნი კანონნი ქართულის ღვთაშობის, შედგენილნი ზღაპრად კენტის ძის იოსელიანის მიერ. აღბეჭდილნი ქ. თფილისს, წიგნთა სბეჭდვის შინა ო. და დ. სწახნოვთა 1840, სტრ. 84, §§ 103 in 4°*. Автора многихъ историческихъ, археологическихъ, географическихъ трудовъ о Грузіи, обличающихъ въ немъ большую начитанность, хотя, къ сожалѣнію, не всегда научнаго характера. Грамматика эта излагаетъ только этимологію. Но ни съ матеріальной, ни формальной стороны не представляетъ большей разницы отъ предшествовавшихъ ему трудовъ: ни по языку, ни по расположенію грамм. матеріала, ни по внутреннимъ достоинствамъ, какъ учебникъ и элементарное пособіе для изученія роднаго языка. Въ ней повторены тѣ же крупныя ошибки предшественниковъ, наприимѣръ, все тѣ же роковыя четыре рода, хотя авторъ могъ заглянуть въ грамматику г. Броссе и устранить эту общую ошибку всѣхъ туземныхъ грамматиковъ. Какъ предшествующій грамматикъ — *Додаевъ*, *Иоселиани* также дѣлитъ грамматику на три части, употребляя, почти безъ измѣненія, тѣ же техническія выраженія, опредѣленія и названія разныхъ грамматическихъ категорій. *Г. Иоселиани* полагаетъ какъ и *Додаевъ* четыре склоненія.

Падежей признаетъ Исселіани 6: им., дат., повѣств., твор., зват. Онъ считаетъ въ грузинскихъ глагольныхъ измѣненіяхъ 5 времени. Наклоненій четыре. Опред., Услов., Повел., Неопред. Спряженій два, какъ и у Иессея Чубинова: 1) спряженія съ преф. для 1 л. ჰ , въ наст. вр. изъяв. накл.; 2 л. ს , ჟ , ო , ჟ , $\frac{3}{2}$; 3 л. суфф. ს . II) спр. для 1 л. преф. ჰ ; 2 л. ღ ; 3 л. ჟ , $\frac{3}{2}$.

При этомъ дѣлаетъ (стр. 47) Исселіани справедливое замѣчаніе, что „у нѣкоторыхъ грузинскихъ грамматиковъ справедливо приняты для груз. глаголовъ два спряженія, хотя и это дѣленіе не совершенно удовлетворительно, но лучше, чѣмъ, напримѣръ, Антонія, который считаетъ 10 (?) и Гаіоза 6 спряженій, затрудняя этимъ ихъ изученіе и различеніе другъ отъ друга; поэтому всѣмъ послѣдующимъ грузинскимъ грамматикамъ остается только заботиться о томъ, какъ-бы ихъ сократить и выразить въ болѣе простыхъ схемахъ“. На стр. 49 замѣчаетъ авторъ, что „всѣ грузинскіе глаголы неправильны (?!), каждый глаголь можетъ образовать новый глаголь черезъ прибавленіе извѣстныхъ слоговъ; многія другія части рѣчи также обращаются въ глаголь (подобнымъ же способомъ); отсюда происходитъ трудность установить правила для нихъ, но въ этой особенности языка (груз.) заключается, вмѣстѣ съ тѣмъ, богатство и разнообразіе его“.

Особая примѣчанія (стр. 69, 1 — 12) о свойствахъ грузинскихъ глаголовъ заключаютъ въ себѣ немало, заслуживающаго вниманія.

Разбираемая нами грамматика въ существенныхъ чертахъ, правда, ни чѣмъ не разнится отъ предшествующихъ трудовъ, особенно грамматикки Додаева, но въ ней уже замѣтна попытка, кромѣ св. Писанія, обращать вниманіе и на свѣтскія сочиненія Вепхвисъ-Ткаосани, Шавтели, не рѣдко указано и употребленіе словъ, грамм. формъ въ разговорномъ языкѣ, такъ напримѣръ, ჟბღს , სეღძჟ и др., равно и въ примѣчаніяхъ дѣлаетъ авторъ нѣкоторыя, довольно мѣткія соображенія объ особенностяхъ груз. яз., его грамм. формахъ. Все это составляетъ отрадное отступленіе отъ принятой въ прежнихъ грамматикахъ рутины. Но какъ учебникъ (насколько мнѣ извѣстно, и до-сихъ-поръ употребляемый какъ руководство въ мѣстныхъ школахъ), не соответствуетъ своему назначенію — ни по языку, которымъ она написана, ни по изложенію и распредѣленію грамматическаго матеріала.

§ 13. Краткая грузинская грамматика *Д. Чубинова*. Спб. 1855 г. in 4°, стр. 76, самая послѣдняя, по времени, грамматика грузинскаго

языка и лучшей учебникъ, преимущественно, новаго грузинскаго языка. Въ фактическомъ отношеніи не много новаго, но въ формальной сторонѣ ново то, что изложеніе и распредѣленіе грамм. матеріала не сравненно болѣе рационально, систематично, чѣмъ у его предшественниковъ.

Въ началѣ авторъ даетъ знаки грузинскихъ алфав. и указываетъ нѣсколько случаевъ измѣненія звуковъ въ грузинскомъ языкѣ, замѣченныхъ, впрочемъ, еще г. Вроссе въ *L'art libéral*; затѣмъ слѣдуютъ статьи:

§ 5 объ имени существительномъ. § 8 о прилагательномъ; § 10 о мѣстоименіи; § 12 о глаголѣ; § 21 о нарѣчій; § 22 о предлогѣ; § 23 о союзѣ; § 24 о междометіи; § 25 о частицахъ утвердительныхъ. § 26. О словосочиненіи: § 27 а). О согласованіи словъ; § 28 б) объ управленіи словъ; г) объ образованіи именъ и глаголовъ: д) объ образованіи именъ прилагательныхъ; е) объ образованіи глаголовъ; ж) о грузинскомъ стихосложеніи. Этотъ послѣдній отдѣлъ о *словообразованіи*, составляетъ самую обширную и поучительную часть грамм. г. Чубинова, хотя, къ сожалѣнію, дѣленіе производныхъ словъ на различныя категоріи страдаетъ отсутствіемъ строгой системы.

Нельзя не отнести сочувственно и къ тому, весьма похвальному, отступленію отъ принятой рутинны, которое обнаруживается у автора въ попыткѣ объяснить и нѣкоторыя явленія живой, народной рѣчи, а не только литературной съ его „трема слогами“, какъ это было прежде. Очевидное доказательство того, что авторъ смотритъ на предметъ грамматики именно такъ, представляетъ множество примѣровъ, приведенныхъ для упражненія изъ басенъ кн. Сулханъ-Сабба Орбелиани, писанныхъ далеко не „классическимъ слогомъ“ XVII стол., но языкъ которыхъ представляетъ странное сочетаніе архаическихъ формъ, древнѣйшихъ литературныхъ съ новѣйшими народными.

ОТДѢЛЪ II.

§ 14. Первая груз. грамматика на иностранномъ языкѣ, которую мы имѣемъ, составлена католическимъ миссіонеромъ¹⁷⁾ и издана въ Римѣ въ 1643 г., второй разъ въ 1670 г. Она написана на латинскомъ языкѣ и носятъ нижеслѣдующее обширное заглавіе: *Syntag-*

maton linguarum orientalium quae in georgiae regionibus audiuntur auctore Francisco Maria Madggio clerico regulari, panormitano. Romae. MDCXLIII. Ex Tipographia Sacrae Congregationis de Propaganda Fide. In folio мал. р. VIII, 143. Второе издание, Romae MDCLXX, тоже in folio р. VIII, 143. Подъ упомянутымъ заглавіемъ соединены двѣ „книги“: а) Liber primus complectens georgianae, seu Ibericae vulgaris linguae institutiones grammaticas; б) Liber secundus complectens Arabum et Turcarum orthographiam ac Turcicae linguae institutiones. Эти два изданія ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, ни по содержанію, ни по внѣшней формѣ.

Въ началѣ книги авторъ обращается къ Папѣ Урбану VIII, которому онъ посвящаетъ свой трудъ, говоря, что по 8 лѣтнемъ странствованіи, возвращается снова въ Римъ, чтобы повергнуться къ стопамъ св. отца, что, будучи посланъ въ Иверію и Колхиду онъ перенесъ, въ продолженіи этого опаснаго странствованія по Азіи и Европѣ, много трудовъ и лишеній. Описываетъ, нѣсколько витіевато, преграды, которыя ставили ему люди и сама природа тѣхъ странъ... Въ Грузіи встрѣчаетъ своихъ земляковъ-миссіонеровъ, „привлеченныхъ туда не желаніемъ золота, увлекшаго нѣкогда Армянъ съ береговъ Греціи, но единственно повинувъсь велѣнію Папы“¹⁸⁾.

За тѣмъ говоритъ Маджіи, что, будучи посланъ туда съ цѣлью привести въ учебную систему загадочные языки тѣхъ странъ, цѣли этой онъ посвятилъ почти 22 года, путешествуя, кромя Грузіи, по Арменіи, Сиріи, Персіи и Аравіи. По прибытіи въ Грузію старается всѣми силами собрать книги (codices) на основаніи которыхъ, между прочимъ, онъ составилъ свою грамматику. Проникнувъ въ Гурію и тамъ даже встрѣчаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ братій (...ad Gurgios penetraui, ubi et alios e fratribus vidi).

За обращеніемъ къ Папѣ слѣдуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ совѣтуетъ каждому миссіонеру, желющему успѣшно „просвѣщать варваровъ“, непременно запастись его книгою, принаровленной къ этой цѣли. За тѣмъ перечисляетъ извѣстныхъ миссіонеровъ „просвѣтителей“, „апостоловъ“ тѣхъ странъ (Грузіи и ея областей) и знатоковъ мѣстныхъ языковъ. Въ концѣ предисловія проситъ у читателя, какъ водится, быть снисходительнымъ какъ къ ошибкамъ автора, такъ и опечаткамъ типографщиковъ.

Маджіи называетъ свой трудъ грамматикой *грузинскаго народнаго* языка, основанной и на письменныхъ фактахъ, почерпнутыхъ

изъ *рукописныхъ грузинскихъ книгъ* (codices), въ этомъ отношеніи трудъ его особенно важенъ. Авторъ, видно, имѣлъ хорошее грамматическое образованіе и природный, здравый смыслъ, вслѣдствіе чего онъ успѣлъ составить, независимо отъ туземныхъ грамматиковъ (по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ объ нихъ не упоминаетъ), довольно полную и подробную грамматику грузин. языка, имѣющую въ настоящее время, правда, лишь историческое значеніе, но въ свое время она была единственнымъ и полезнымъ учебникомъ, привлечшимъ вниманіе европейцевъ на упомянутый языкъ.

Нѣкоторые отдѣлы грамматики хорошо разработаны, напримѣръ, отдѣлъ о словопроизведеніи. Склоненія представлены весьма просто и ясно; вѣрно угадано также, что грузинскій языкъ не имѣетъ грамм. родовъ. Къ слабѣйшимъ отдѣламъ грамм. Маджія принадлежитъ изложеніе глаголовъ, хотя формы *временъ* и *наклоненій* вѣрно угаданы, но дѣленіе спряженій на категоріи не вѣрно, не основано на характеристическихъ признакахъ; примѣры подобраны не удачно, большею частью неправильные, недостаточные и сложные глаголы, и то безъ системы и порядка; благодаря этой неурядицѣ въ западной Европѣ, до конца прошедшаго столѣтія, существовало мнѣніе, что каждый грузинскій глаголъ имѣетъ будто-бы свое особое спряженіе, пока, наконецъ, грамм. труды природныхъ грузинъ — Гаіоза, Варлаама и др. не разсѣяли это ходячее мнѣніе. Вообще относительно системы изложенія грамматики Маджія слѣдуетъ замѣтить, что она въ главныхъ чертахъ представляетъ общепринятую схему латинской грамматики, приравненной груз. языку. Понятно, что при такихъ приемахъ особенности этого языка не могли быть угаданы; къ этому же присоединилось довольно поверхностное знакомство автора съ упомянутымъ языкомъ и не точное пониманіе, различеніе его звуковъ, вслѣдствіе чего въ его изслѣдованіи получились часто результаты не только ошибочные, но и смѣшные, такъ напримѣръ, въ междометіяхъ подъ рубрикой *exultantis, sive laudantis* онъ помѣстилъ слово ბაგკალი (bagkali) „стежно, мышка“, вмѣсто дѣйствительно употребляемаго въ Грузіи воскваленія ბაგაკ-ალა (bagak-alla), отъ араб. **رَبِّكَ** اللَّهُ да благословить тебя Богъ (въ смыслѣ: bravo! славно!)

Что касается до латинской транскрипціи Маджія, то нужно замѣтить, что онъ описываетъ многіе грузин. звуки не вѣрно; такъ *ჭ* у него

равняется *к*, между тѣмъ для *к* въ груз. языкѣ есть другой, вполне соответствующій звукъ — *ǰ*, а *ǰ* есть *kh*, или *k̄*, равно и *ǰ* у него = *gh*, между тѣмъ, этотъ звукъ вполне соответствуетъ лат. *g* (русск. *г*) безъ всякаго *h*, а *ǰ*, которую онъ описываетъ *ghh*, можно вырзизить только *gh*, и звучить какъ славян. или малорусское *г*. *ǰ* = *j* (= русск. *ж*) у Маджйа *sg*, равно ошибочны: *ǰ* = *ph* (*p̄*), *ǰ* = (*sc* (*s̄*, *ш*)); *ǰ* = *zz* (*ц*); *d* = *z* (*дз*), *ǰ* = *cc* (*c̄* = *тч*), *b* = *chh* (русск. *х*), *ǰ* = *gi* (*г̄*); *ǰ*, *ǰ* и *ǰ* Маджйй описываетъ одинаково — *hh*, между тѣмъ *ǰ* совершенно другаго рода звукъ, онъ соответствуетъ русск. *х*, а въ основаніи двухъ слѣдующихъ знаковъ лежатъ звуки *ʰ* (*а*) и *ʷ* (*о*) аспирированные, произносимые съ шумомъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что у Маджйа въ транскрипціи латинскія буквы произносятся по итальянски, такъ онъ употребляетъ *c* вмѣсто *ć* (русск. *ч*); груз. *b* (*c̄* = русск. *ч*) онъ описываетъ *cin* (*cin* = *чин*), такъ *ǰǰǰ* *seǰta* (не *цекма*, а *чекма*) сапогъ, равно *ǰivari* (слѣдуетъ читать по итальян. *дж(и)вари*, а не какъ по лат. *гівари*) крестъ.

Отъ ошибочнаго пониманія груз. звуковъ и невѣрной транскрипціи ихъ произошла и невѣрная передача цѣлыхъ словъ, такъ напр., на pp. 76, 77, 75 мы находимъ слѣдующія ошибки: *ǰǰ* *vitulinus*, вмѣсто *bd*; *ǰǰ* *gladius* вм. *bd* = *bd*; *bd* *puer* вм. *bd*; *ǰǰǰ* *infans* вм. *ǰǰǰ* (= *ǰǰǰ*, *ǰǰǰ*, *ǰǰ*); *ǰǰ* вм. *ǰǰ* *iuvenis* (?) сынъ, дитя мужескаго пола; *ǰǰ* *plebs* вм. *ǰǰ*; *ǰǰ* *muliercula* (?) дочь, вм. *ǰǰ*; *ǰǰ* *pretium* вм. *ǰǰ*; *ǰǰǰǰ* *superbus* вм. *ǰǰǰǰ* и т. п. Грамматика эта состоитъ изъ четырехъ частей: 1 часть (p. 32) содержитъ въ себѣ „правила о правописаніи“ (*orthographia prima pars grammatices hoc est de recta legendi, ac scribendi ratione institutiones*). 2 часть (p. 77) посвящена этимологіи (*Etymologia altera pars grammatices hoc est de partium orationis formatione institutiones*). Въ 3 части (p. 15) авторъ разсуждаетъ о Синтаксисѣ (*Syntaxis tertia pars grammatices hoc est de partium orationis constructione institutiones*). Въ 4 части (p. 6) трактуются о просодіи (*Prosodia quarta et ultima pars grammatices hoc est de syllabarum dimensione institutiones*). I-я, орфогр. часть въ свою очередь, раздѣляется на главы: I — III обнимаютъ порядокъ буквъ обоихъ груз. алфавитовъ, начертаніе, названіе, значеніе ихъ, раздѣленіе и т. п. (*Litterarum series, figurae, nomina, potestates, divisiones etc.*). Алфавитный порядокъ и начерта-

нѣ знаковъ почти тоже самое, какія соблюдаются и въ настоящее время; число же знаковъ меньше, а именно, 37 (нынѣ оно доходитъ до 39), такъ, у него нѣтъ буквъ *z* (*hie*) и *φ*; равно и вмѣсто *дыханія* *h* (*hie*) у Маджій встрѣчаемъ *o* (*i*). Гл. IV: „Litterarum Arithmetica potestas, et appellatio“. Онъ даетъ въ этой главѣ числовое значеніе знаковъ груз. алфавита, на ряду съ этимъ и арабскія цифры (*potae arabicae numerorum, quibus pluries usi sunt in Irbia*) р. 18. Въ этой же главѣ авторъ разсуждаетъ о знакахъ препинанія, изъ которыхъ Маджій въ употребленіи въ груз. рукописяхъ находятъ только двѣ, или три точки, поставляемыя послѣ каждаго слова. Гл. V. *Nexus syllabarum, et exercitatio lectionis Ibericae*. Въ этой главѣ Маджій даетъ много образцовъ всевозможныхъ соединеній между собою отдѣльныхъ буквъ и цѣлыхъ слоговъ. Гл. VI-й заключаетъ въ себѣ *армянскій* и *арабскій* алфавиты съ соотвѣтствующими грузинск. буквами, и вотъ почему: „Cum Iberiae Regionem, hostium incursionibus devastatam, iam diu non modo Graeci et Persae, sed Armenii flamines, et Antistites incoluerint: inde ortum est etiam, ut in ea, passim plura Opuscula inveniantur, vernacula quidem, atque Iberica lingua: sed literis vel Armeniis, vel arabicis exorata, quae magni refert nostra intelligere, ut eorum ritus, atque errores deprehendamus. Ideo visum est sub finem hujus Ibericae Orthographiae, harum Gentium elementa paucis adijcere. Эта первая (орфографическая) часть Маджія оканчивается таблицей, содержащей буквы груз. гражд. азбуки, представленныя въ 3 — 5 разныхъ начертаніяхъ.

2 ч., какъ мы видѣли, Маджій посвящаетъ этимологій. Здѣсь онъ распространяется о каждой части рѣчи отдѣльно. Въ гл. I разсуждаетъ объ имени и его принадлежностяхъ: родѣ, числѣ, склоненіи, видѣ и степеняхъ сравненія. Родѣ, говоритъ онъ справедливо, у грузинъ одинъ и неизмѣняется (*genus apud Iberos unicum est et invariabile*); онъ подкрѣпляетъ это примѣрами: *ჴჴჴჴო ჳჳო pulcher homo*, *ჴჴჴჴო ჳჳო pulchra femina*. Чиселъ два, замѣчаетъ Маджій, *единственное* и *множественное*; послѣднее образется изъ перваго, присоединяя къ концу частицу *ბო* (*bi*) (?), напр., *ჴჴჴჴ ბო* отецъ мн. ч. *ჴჴჴჴ ბო* (?). Справедливо даетъ Маджій только одинъ знакъ мн. *ბი* (*bi*) (*ბი*), какъ единственно употребляемую въ народномъ языкѣ форму мн. ч. для существ. и прилагат. именъ; но онъ ошибочно пишетъ знакъ мн. ч. *ბი*, вм. *ბი* (*ebi*): отъ *ჴჴჴჴ ბი* отецъ мн. ч. будетъ не *ჴჴჴჴ ბი*, но *ჴჴჴჴ ბი*;

დედს^ა мать, не დედაბი, но დედ-ები; гласныя ед. ч. ა и ი выпадаютъ передъ знакомъ мн. ч. ები, напр., დიდი большой, დიდები (не დიდი-ები), დედას^ა мать, დედ-ები (не დედას-ები); гласная ე ед. ч. остается и во множ. ч., образуя вмѣстѣ съ ე, знакомъ мн. ч. ები, долгуя ე (ე) т. е. два е, напр., სსე^ე лице, мн. ч. სსე-ები, равно и конечная ე и ე не выпадаютъ передъ ები (ebi), напр., გოგო^ე дѣвушка, не გოგ-ები, и не გოგობი, какъ у Маджия, равно и не უცნებო чужой, иностранецъ или უცნობი, но გოგო-ები, უცნო-ები; კე^ე черепаха, мн. ч. კე-ები; ღრეკე^ე лукавый, ღრეკე-ები.

Маджій находятъ въ груз. яз. *одно склонение* и шесть *надежей*: им., род., дат., зват., отлож. (ablat), вин. Падежи эти, говоритъ онъ, образуются посредствомъ известныхъ буквъ или слоговъ, присоединяемыхъ къ концу словъ: род. п. ს (s) или სს (sa); дат. п. имѣетъ ту же букву или частицу (particula) безъ ი (i) или другой гласной, на которую оканчивается слово. Зват. п. букву ე (o); abl. частицу სს-გან (sa-gan), соответствующую лат. a, ab, ex: вин. сходенъ съ именит., который принимаетъ частицу (particula?) შს, если же слѣдующее слово начинается гласною, говоритъ Маджій, тогда (?) შს принимаетъ еще букву ბ (n) = შსბ (man), напр. ღმერთის^ა ბ^ა Deus scit, соб. Богъ — тотъ вѣдаетъ. Для поясненія и подтвержденія всѣхъ этихъ правилъ Маджій приводитъ нѣсколько примѣровъ склоненія, въ которыхъ много ошибокъ противъ флексii груз. языка, также какъ и въ правилахъ, въ подтвержденіе которыхъ они приведены. Такъ полное окончаніе род. п. не სს, какъ думаетъ Маджій, но ისს (isa), სს (sa) же есть окончаніе д. п.; напр. შის^ა отецъ, род. შის-ისს, дат. შისს-სს, კაცო^ა человекъ, род. კაც-ისს, дат. კაც-სს.

Въ концѣ обзора надежей Маджій даетъ и образчики склоненія мн. ч. на ბი (ni) и его флексii: Demum plerumque in Codicibus, pluralem numerum reperi in ბი (ni) particulam exeuntem; eiusque genitivum, in particulam თს (tha); et in eandem dativum; vocat in ბე (no) et ablativum in particulam თსგან (thagán)... потомъ прибавляетъ: sed haec nominum inflexio, in scribendo potius, quam in loquendo usurpatur; p. 41.

Глава о категорiяхъ производныхъ словъ составляетъ лучший отдѣлъ въ грамм. Маджия; она обличаетъ въ авторѣ наблюдательность и большой лингвистическiй талантъ. Маджій перечисляетъ категорiи производныхъ отъ существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчiй, числи-

тельныхъ и др. числомъ до 15, объясняетъ образованіе и сущность понятій, выражаемыхъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, при этомъ, конечно, дѣло не обошлось и безъ ошибокъ (хотя сравнительно не грубыхъ), какъ въ отнѣшеніи опредѣленія функцій производныхъ словъ, такъ и ихъ образованія. Далѣе Маджіи *сочиняетъ* правила для степеней сравненія и *составляетъ* примѣры по этимъ правиламъ. Эта глава принадлежитъ къ слабѣйшимъ частямъ его труда, большая часть правилъ и примѣровъ степенной сравненія у Маджіи ошибочны, напр., онъ говоритъ, что *сравнительная степень* образуется черезъ прибавленіе суффикса სი (si) къ формѣ положительной степени: ლამაზი pulcher, სი-ღამაზე pulchrior (?), წმინდა sanctus, სი-წმინდე sanctior (?), მძიმე gravis, სი-მძიმე gravior (?) p. 65. Подобной формы для степеней сравненія не знаетъ груз. языкъ. Посредствомъ префиксовъ სი (si) образуются отъ прилаг. существительныя съ абстрактнымъ значеніемъ, такъ слова: სი-ღამაზე, სი-წმინდე, სი-მძიმე не выражаютъ ни высшей, ни низшей степени достоинства, качества, но значать единственно: pulchritudo, sanctitas, gravitas (красота, святость, тяжесть).

Для формы превосходной степени онъ полагаетъ тройное образованіе: всѣ они, по его мнѣнію, перифрастическія, образованныя посредствомъ სულა (sula) весь, ბევრი много, უფრო больше: სულა (სრულად) ლამაზი pulcherrimus; სულა (სრულად) წმინდა sanctissimus. Наконецъ, по Мадж. превосх. степень образуется посредствомъ род. п. ед. ч. или мн. ч. (genitivo plurali, vel singulari, qui multitudinem significet, nulla addita particula nomini positiva (?): კაცების ღარიბი (?) hominum pauperrimus; ქალების აზნაურნი (?) mulierum nobilissima. Подобной формы прев. степени не только не существуетъ въ груз. языкѣ, но она вообще даже какъ сложное слово не имѣетъ никакого смысла; равно бессмысленны и ничего не выражаютъ слѣдующія, искусственно составленныя авторомъ формы: წმინდა მპე (?) infortunatissimus; მკრთალი უსარკველნი (?) stolidissimus.

Если предшествующая (V) глава была одна изъ слабѣйшихъ, то слѣдующая глава (VI. p. 67—76), посвященная изложенію мѣстоименій одна изъ лучшихъ, особенно въ формальномъ отношеніи, хотя въ матеріальномъ авторъ не вполне исчерпываетъ эту, безспорно, одну изъ важнѣйшихъ частей рѣчи. Въ III гл. (p. 77—91) Маджіи разсуждаетъ о *магомъ*. Эту главу дѣлитъ онъ на *три параграфа*,

какъ онъ выражается, собственно на 3 спряженія, въ которыхъ онъ излагаетъ будто-бы всѣ видоизмѣненія глаголовъ. Эта часть труда принадлежитъ къ слабѣйшимъ отдѣламъ его. Категоріи спряженій не основаны на характеристическихъ чертахъ механизма груз. глаголовъ, примѣры подобраны неудачно. I. De communiori inflexione Verborum. Общимъ спряженіемъ Маджій называетъ то, по которому большая часть глаголовъ спрягается, особенно тѣ, которые выражаютъ движеніе (conjugatio communior, quae pluribus verbis competit, et ijs praecipuae, quae motum significant), такъ: *მევალ* venio, *წავალ*, не „eo“, но *აბეო*, „eo“ же значить *ვალ*. II озаглавляется: De alijs (?) Verborum inflexionibus. III, de verbis substantivo, negativo, impossibili, transtivo (т. е. causativo) et affixis. При этомъ замѣчаетъ Маджій весьма жѣтко: *pronomina mihi, tibi, sibi, et ego, tu, ille frequenter expriment Iberi literis quibusdam verbo affixis, nimirum მ (m), ჳ (g), ს (s) მ-ს-უწნე (მსჯობნე неправ.) ostende mihi, ჳ-ს-უწნე (?) ostende (?) tibi, ს-უწნე ostende illi. მ-აწუენ-ს (მსჯენს неправ.) mihi nocet. ჳაწუენ-ს tibi nocet, აწუენ-ს illi nocet.*

Времена: Praesens, Praeteritum, Imperfectum, Praet. perfectum magis propinquum, Praet. plusquam perfectum, Futurum. Наклоненія: Indicativus, Imperativus, Desiderativus. Изъяв. имѣеть всѣ 6 временъ; жел. 4: наст., прош. не сов., прош. сов. Неок. накл. по Мадж. имѣеть 2 времени: наст. и прош. *მოსულას* venire et venisse (?). За тѣмъ Герундій, для котораго примѣры ошибочно подобраны: *მოსლენი* veniendi, *მოსლულას* veniendo, *მოსლულას* veniendum. Причастія: а) глагольныя (verbalia, quae a verbis deducuntur) и б) именныя (nominalia, quae a nominibus effluunt). а) *მომსულელას* veniens est, *წამსულელას* abiens est, *მომსულელი* venturus, *წამსულელი* iturus, *მოსული* qui iam venit, *წასული* qui iam ivit, *გატეხილი* fractus; б) именныя secundi generis Participia, fiunt praeadita syllaba და atque adiecta nominibus particula ული: *ხსჯი* impensa, *და-ხსჯი-ული* impensus, *ბნელი* obscurus, *და-ბნელი-ული* obscuratus. Далѣе (р. 98—113) слѣдуютъ: гл. V о нарѣчійхъ. Эту главу Маджій разсматриваетъ подробно, раздѣляя на 2 части: а) разныя категоріи нарѣчій, б) ихъ образованія. Гл. VI о послѣлогѣ и предлогѣ (De postpositione et praepositione). Гл. VII о междометіи и гл. VIII о союзѣ. Всѣ эти категоріи разсмотрѣны авторомъ подробно, въ нихъ много новаго, народнаго, не книжнаго. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслу-

живають изложеніе междометій, о которыхъ Маджіи особенно распро-
страняется, вводя въ эту частицу рѣчи даже такіа слова, которыя по
природѣ своей и по значенію не могутъ имѣть мѣста въ ней. Онъ
даетъ подробно различныя формы и значеніе междометій въ алфавит-
номъ порядкѣ, дѣлитъ ихъ на 20—23 категоріи, выражающихъ раз-
личныя состоянія души (quae varios animi affectus indicant). Въ какія
подробности вдается при этомъ Маджіи, желая представить всевозмож-
ные крики, возгласы, обращенія, воззванія, клички, звукоподражатель-
ныя слова, видно изъ того, что, напримѣръ, подъ рубрикою „congre-
gantis“ находитъ подраздѣленія обращенія къ разнымъ породамъ птицъ
и животныхъ: anseres: ბულო, ბულო, ბულო feles: წო, წო, წო, galinas:
ბულოო, ბულოო, ბულოო; capras; წკის, წკის, წკის; oves: თრუ, თრუ,
თრუ, ბეჭ; sues: წბკკო, წბკკო, წბკკო, წბკკო; vaccas: კებშ, კებშ,
ბოლ.

Синтаксисъ р. 113—123. Гл. I, о согласованіи словъ. Эта часть
труда вообще неудовлетворительна; въ ней встрѣчается много ошибокъ
грамматическихъ и орфографическихъ; но вѣрно подмѣчены нѣкоторыя
особенности разговорной рѣчи, такъ Маджіи говоритъ въ главѣ I
р. 113, что сказуемое не всегда согласуется съ подлежащимъ въ числѣ,
первое можетъ стоять въ ед. ч., второе во мн. ч. и на оборотъ: ვაჟ-
ბა ოცობა (такого слова въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ, но есть მკვნიკნი)
მკვნიკნი, doctos adolescentulos diligo, в.м. (მკვნიკნი ანუ მსწავლეუნი)
ვაჟბა მბუჯარ-(არა)-აბ.

Гл. II — IV. О согласованіи глаголовъ. О сочиненіи нарѣчій.
О сочиненіи другихъ частей рѣчи.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе *просодии*. Авторъ на основаніи будто
бы *количества* и *удареній* послѣднихъ и предпослѣднихъ слоговъ
дѣлитъ всѣ слова на двѣ категоріи: I) разсуждающая о количествѣ
предпослѣднихъ слоговъ (de penultimaarum syllabarum quantitate),
имѣетъ 10 разрядовъ; II) о произношеніи многосложныхъ словъ, при-
нимающихъ въ концѣ удареніе, съ тремя подраздѣленіями, на основа-
ніи гласныхъ *ა*, *ო* и *ჟ* (de polysyllabis dictionibus quae cum accentu
in fine pronunciantur), онъ приводитъ для подкрѣпленія имъ же сочи-
ненныхъ правилъ болѣе 30 примѣровъ, изъ которыхъ почти ни одинъ
не имѣетъ въ концѣ ударенія, но, или на предпослѣднемъ, если слово
двухсложное, или на 3-ъемъ отъ конца слогѣ, если трехсложное и
болѣе. Словомъ, вся эта просодическая часть, какъ правила, такъ и

примѣры, составлена, по механическому подражанію схемамъ латинской грамматики, весьма искусственно.

Этимъ оканчивается груз. грамм. Маджія; далѣе слѣдуетъ общее подробное оглавленіе всей грамматики (131—136), а къ концу книги приложенъ краткій Катехизисъ (р. 137—143). Catechesis Christiana sive aliquot fidei rudimenta. Содержание: Signum Sanctae Crucis. Trisagion. Oratio dominicalis. Salutatio angelica. Symbolum Apostolorum. Decem praecepta Dei. Opera misericordiae corporalia. Septem ecclesiae Sacramenta. Litaniae Mariae Virginis. Языкъ этого Катехизиса простонародный, употребляемый въ зап. мѣстностяхъ Грузіи, преимущественно въ ахалцыхской области, переданный со многими грамматическими и орфографическими ошибками. Даже 10 заповѣдей подверглись сокращенію и измѣненію, чѣмъ католическіе миссіонеры никогда не стѣснялись, такъ 10-ая заповѣдь гласитъ: „не позволяй сердцу увлечься сребролюбіемъ“ (ბჟ. ზრუხლს: ეტუჯო: ზიტატუბღღ: სბ-ჯაბუბლს:); какъ извѣстно, подобной 10-й заповѣди не существуетъ. или, напримѣръ, въ Символѣ вѣры 10 членъ гласитъ: „и одну св. каеолическую и апостольскую церковь, исповѣдую едино крещеніе“ а 11 только „во оставленіе грѣховъ“... Dominus vobiscum, patres-illuminatores barbarorum!

§ 15. Языкъ грузинскій принадлежитъ къ грубымъ горскимъ языкамъ, говоритъ *Аделунгъ* въ своихъ грамматич. замѣткахъ о груз. языкѣ¹⁹⁾, такъ какъ между его 37 буквами 10 шипящихъ и 9 гортанныхъ, которыя европеецъ почти не въ состояніи произнести, при этомъ встрѣчается и стеченіе твердыхъ согласныхъ. Этотъ языкъ не имѣетъ члена, производныя слова образуются посредствомъ суффиксовъ и префиксовъ. Всѣ слова одного рода. Мн. число образуется посредствомъ слога *bi*, (?) во многихъ существительныхъ *ebi*, *ibi* (?). Имѣетъ только одно склоненіе и оно очень просто (*einfach*), ибо измѣняетъ правильно свои окончанія по падежамъ, которыхъ 6. Срав. степень прибавляетъ *si* къ положительной (?) Превосх. *sula* (?) Мѣстоимѣнія здѣсь въ полномъ составѣ, какъ и въ другихъ развитыхъ языкахъ. Хотя въ грамматикѣ принято только 4 спряж., по которымъ большая часть глаголовъ спрягается, въ особенности глаголы, означающіе движеніе, но, при этомъ, каждый глаголъ имѣетъ свое особое спряженіе (!), отличающееся отъ другихъ по своимъ окончаніямъ, вслѣдствіе этого спряжений почти безчисленное множество (?) и они очень

трудны. Страд. форма глагола перифрастическая (?). Въ изъяв. накл. имѣется 6 вр. и, кромѣ обыкновенныхъ прош., еще два прош. вр. Въ спряженіи глаголь измѣняетъ свои окончанія; *но при этомъ и мѣстоимствія приставляются къ глагольной формѣ въ началѣ*. Груз. языкъ имѣетъ *мало предлоговъ* (prepositiones), но *много послѣлоговъ* (postpositiones). Удареніе не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, а ставится, то на послѣднемъ, то на предпослѣднемъ, то даже на третьемъ отъ конца слогъ; р. 430—431. Mithridates etc. v. Adelung. I, Н. Berl. 1806.

Эта краткая характеристика грамм. строенія груз. языка, сдѣланная Аделунгомъ, безъ сомнѣнія, грѣшитъ во многомъ, какъ и Маджіи, которымъ онъ пользовался, но нельзя отрицать и того, что нѣсколько особенностей груз. языка подмѣчено съ проникательностью лингвиста, таковы: мѣстим. префиксы, существованіе большого числа послѣлоговъ и т. п.

§ 16. Извѣстный въ свое время лингвистъ *Северинъ Фатеръ* составилъ краткую грамматику груз. языка по тремъ грамм. трудамъ, Маджіи, Варлаама и Фиралова, и помѣстилъ въ своихъ Vergleichungstafeln der Europäischen und Süd-West-asiatischen Stamm-Sprachen, herausgegeben v. Iohann-Severin Vater. Halle 1822. Этотъ трудъ Фатера носитъ заглавіе: grusinische oder georgische Sprachlehre nach Maggio, Ghai (Warlaam) u. Firalow; in 8, р. 38. Грузинскія буквы замѣнены латинскою транскрипціею. Планъ этой компиляціи достойный Фатера, но матеріальная, фактическая сторона уступаетъ ему во многомъ, что весьма естественно отъ человѣка, незнавшаго груз. яз. и, пользовавшагося скудными и не совсѣмъ достовѣрными грамм. источниками въ родѣ Маджіи и Фиралова. Содержаніе отдѣловъ, вошедшихъ въ этотъ трудъ: Alphabet, въ этомъ отдѣлѣ авторъ разсуждаетъ объ особенностяхъ груз. звуковъ и начертанія ихъ церковными и гражданскими алфавитными знаками. Затѣмъ излагаетъ этимологию (Fogmenlehre); падежныя окончанія съ примѣрами склоненія (р. 188—195) на основаніи вышеупомянутыхъ же грамм. трудовъ. Подъ рубрикою: Adjective рѣчь идетъ объ образованіи степеней сравненія; послѣ чего слѣдуетъ Ргопоменъ съ примѣрами мѣстоименій. Особенною простотою и систематичностью отличается его изложеніе глаголовъ, о которыхъ Фатеръ разсуждаетъ относительно подробно (р. 108—216). Въ противоположность мѣвнью Аделунга, руководство-

вавшася, впрочемъ, только словами Маджіа, что почти каждый глаголь имѣеть свое особое спряженіе (см. § 15), Фатеръ говоритъ: *хотя дѣйствительно, спряженія груз. глаголовъ не просты* (sind nicht einfach), *но они не такъ запутанны* (verwickelt), *чтобы, въ особенности, при новѣйшихъ средствахъ и пособіяхъ* (Hilfsmitteln), *нельзя было бы выдѣлить болѣе опредѣленныхъ аналогій*. За тѣмъ подробно разбираетъ знаки временъ и наклоненій, подкрѣпляя примѣрами спряженій (р. 205 — 216). Наконецъ (р. 217 — 219), слѣдуетъ краткій обзоръ: Adverbium, Praepositionen, Conjunctionen.

§ 17. Существовала еще рукописная грамматика одного католическаго миссіонера Джиролама да-Норчіа. Объ этой грамматикѣ говоритъ Ротіеръ: P. Girolamo da-Norgia (католическій миссіонеръ, жившій около половины 18 столѣтія) четырнадцатый настоятель (préfet) (въ Грузіи) владѣль груз. языкомъ въ совершенствѣ; онъ даже *составилъ* груз. грамматику на итальян. языкѣ въ руководство ново пріѣзжавшимъ [миссіонерамъ]; она хранится въ монастырѣ гор. Гори. Было-бы весьма полезно сдѣлать распоряженіе привезти ее въ Европу, чтобы увеличить число списковъ, или же напечатать ее. Journal asiat. novembre, 1827, t. XI, p. 276, artiel. de M. le colonel Rottiers. Я не знаю навѣрно, была ли она доставлена въ Парижъ; но предполагаю, что она была доставлена и „грамматика одного католическаго миссіонера“ (второго имени не упоминаетъ Клапротъ), которая послужила основаніемъ для груз. грамматики этого ученаго, кажется, была грамматика Норчіа, о которой идетъ рѣчь въ *Éléments de la langue géorgienne* par M. Brosset. Paris 1837 г., р. III.

§ 18. *L'Art Libéral, ou grammaire Géorgienne*, par Brosset jeune, Membre du conseil de la Société Asiatique. Paris. Imprimerie lithographique de Roissy. MDCCCXXXIV. р. XVI, 291; in 8, большаго формата.

II. *Éléments de la langue Géorgienne*, par M. Brosset jeune, memre adjoint de l'Académie Impériale de Russie et membre du conseil de la Société Asiatique de Paris. Ouvrage publié aux frais de la Société Asiatique. Paris, imprimé a l'imprimerie royale MDCCCXXXVII. р. LVI, 366, in 8 больш. форм.

Труды г. академика Броссе составили эпоху въ изученіи грузинскаго языка, равно какъ и грузинской археологій, исторіи, исторіи литературы. Онъ первый, на основаніи подлинныхъ, туземныхъ источниковъ, позна-

воинствъ и продолжаетъ знакомить, въ продолженіи почти полстолѣтія ученую Европу съ памятниками груз. письменности. Сначала въ Парижѣ (1827 — 1836 г.), потомъ въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ члена Спб. Акад. Наукъ, въ многотомныхъ изданіяхъ, какъ и въ многочисленныхъ отдѣльныхъ статьяхъ, занимается изслѣдованіемъ духовной жизни груз. народа въ былое время. Распространяться здѣсь о громадныхъ заслугахъ, почтеннаго ученаго, по части изученія Грузинъ въ историческомъ, археологическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ, — заслугахъ, хорошо извѣстныхъ всѣмъ оріенталистамъ, — выходитъ изъ предѣловъ нашей настоящей задачи, мы ограничимся только библиогр. обзоромъ его грамматическихъ трудовъ о груз. языкѣ.

Если вспомнить, какъ мало было сдѣлано до него въ Европѣ по части изуч. груз. языка, что на европейскихъ языкахъ не было ни одного груз. словаря, который бы заслуживалъ этого названія, ни грамматики, при помощи которой можно было бы выучиться груз. языку, между тѣмъ, первые же труды г. Броссе обличаютъ въ немъ весьма основательнаго знатока упомянутаго языка, то легко представить себѣ, какія неимоверныя препятствія приходилось преодолѣть этому замѣчательному труженнику при изученіи занимающаго насъ языка! Въ Парижѣ знаменитый лингвистъ Ев. Бюрнуфъ привѣтствовалъ появленіе первой грамматики Броссе (*Journ. des Savants, mars 1835*), а въ С.-Петербургѣ Ак. Шёгрень написалъ библиографическія замѣтки о обѣихъ грамматикахъ его (*Lit. Anz. S.-Petersb. Ztg. 1838*). Перечисливъ въ краткомъ очеркѣ туземныя и иностранныя грамм. труды, предшествовавшіе грамматикамъ г. Броссе, Шёгрень говоритъ: „Вслѣдствіе краткости и неудослѣдворительности учебниковъ груз. языка, писанныхъ на европ. языкахъ, былъ необходимъ учебникъ грузинск. языка (*grus. Sprachlehre*), который, при бѣльшей подробности, отличался бы систематичностью и ясностью изложенія; необходимость въ такомъ учебникѣ вдвое сильнѣе должна была чувствоваться въ наше время, когда изученіе языковъ (*Sprachstudien*) проявляется въ такихъ широкихъ размѣрахъ и, особенно, индо-европейскихъ языковъ, возбуждая всеобщій и живѣйшій интересъ; вслѣдствіе чего, многимъ могла придти въ голову мысль, что можетъ быть и кавказскія земли (*Kaukasus-Länder*) можно было бы разсматривать за соединительные члены (*Zwischenglieder*) упомянутой семьи языковъ, каковыми могли считаться языки: армянскій, грузинскій и осетинскій. Удовлетворить упомянутую по-

требность въ учебникѣ груз. языка не въ состояніи былъ никто лучше г. Броссе, который въ теченіи многихъ лѣтъ ревностно занимался изученіемъ груз. языка и показалъ себя основательнымъ, и многостороннимъ знатокомъ груз. литературы, частью посредствомъ многихъ статей, являвшихся въ „*Journ. Asiatique*“, частью въ другихъ, болѣе подробныхъ трудахъ, какъ напр., переводъ и объясненіе *Chronique Géorgienne* 1830 г. и *Mémoires inédits, relatifs à l'histoire et à la langue géorgienne* 1833. И какъ грамматикъ онъ справился своею задачею въ обѣихъ своихъ грамматикахъ превосходно“. Мы съ своей стороны скажемъ, что послѣ грамм. Антонія, грамматика № I г. Броссе самая подробная, а въ системѣ изложенія и распредѣленія грамматическаго матеріала далеко превосходитъ грамматику Антонія; г. Броссе не ограничивается только трудами авторовъ, писавшихъ, по Антонію, „высшимъ или ученнымъ слогомъ“, или вообще литературнымъ языкомъ, которыми этотъ послѣдній пользовался. Авторы, которыми пользовался г. Броссе писали и высшимъ, и среднимъ, и простонароднымъ языкомъ, таковы: поэмы, романы, письма и т. п. Вотъ эти сочиненія: 1. *Le Nouveau Testament et l'ancien*; 2. *Le catéchisme de Tlukhaant*. 3. *Le code*; 4. *La Chronique imprimée par la Soc. Asiat. en 1830*. 5. *Le Tariel*. 6. *Le Synaxaire et la liturgie*, 7. *Les divers manuscrits historiques de la Soc. Asiat. publiés 1833*. 8. *Diverses lettres formant ma correspondance. Les Romans d'Omain, de Baram et de Miri*. 10. *Le lexique de Soulkhan et la traduction de la tragédie d'Alziae*. *L'art Lib.* p. IX.

Г. Броссе въ предисловіи своей I-ой грамм. упоминаетъ о предшествующихъ ему грамматикахъ съ краткимъ отзывомъ о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ трудовъ, таковы: Петрици, Антоній Кат., царевичъ Давидъ, Гай, Фираловъ, Фатеръ, Маджій. Часто цитуетъ этихъ авторовъ въ своихъ грамматикахъ, оспариваетъ ихъ мнѣнія, указываетъ и поправляетъ ихъ ошибки; *quant aux grammaires d'Antoni et du P. David, говорить г. Броссе, elles ne me sont parvenues qu'en 1833, époque ou mon travail était terminé, et déjà cité au Journ. As. 8-bre 1828. p. 294. je me suis fait une loi de donner la substance de l'Art libéral (т. е. грамматика Антонія № 2) soit pour discuter l'opinion d'Antoni, quand il s'est trouvé que j'en avais adopté une contraire, soit pour m'appuyer de son autorité, et enrichir mon livre de nombreux détails qui m'avaient échappé. Dans tous ces cas*

j'ai cité avec un scrupule consciencieux chacun des emprunts que j'ai faits" *ib.* p. IX.

Мы представимъ сначала содержаніе 1-й изъ упомянутыхъ грамматикъ г. Броссе, затѣмъ 2-ой.

§ 19. № I. Первая грамматика г. Броссе, названная l'Art Libéral, начинается предисловіемъ р. I — XI, въ которомъ перечисляются до него существовавшія грузинскія грамматики, съ замѣчаніями объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, второй перечень содержитъ написанныя уже выше нами названія 10-ти печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, изъ которыхъ авторъ почерпалъ свои примѣры и, наконецъ, нѣкоторыя замѣчанія о планѣ своего сочиненія. За предисловіемъ слѣдуетъ оглавленіе съ указаніемъ главъ, параграфовъ и страницъ. Уже полное и подробное (стр. 1 — 37) изложеніе грузинскаго алфавита, которымъ начинается I глава, съ необходимыми объясненіями о начертаніи, произношеніи, употребленіи и измѣненіи буквъ показываетъ, что письменному изложенію этой грамматики предшествовало тщательное и долговременное изученіе грузинскаго языка. Также подробно, общедоступно ученіе о имени существ., прил. и ихъ флексіяхъ гл. II — V. Затѣмъ, въ гл. VI (стр. 111 — 127) подъ рубрикою: de la Derivation авторъ разсуждаетъ о производствѣ словъ. Слѣдующія за тѣмъ 3 главы посвящены числительному имени и мѣстоимѣнію. Даже самая трудная часть груз. языка — ученіе о глаголахъ, является въ разбираемой нами грамматикѣ, въ двухъ главахъ X и XI (стр. 169 — 251), гораздо полнѣе, яснѣе и систематичнѣе, чѣмъ у Антонія, котораго взгляды о глаголахъ г. Броссе основательно оспариваетъ и поправляетъ. Главы XII — XVI (стр. 254 — 282) содержатъ въ себѣ нарѣчія, сологи (composition = предлоги и послѣлоги), союзы, утвердительныя частицы и междометія; послѣдняя глава XVII (стр. 283 — 289) заключаетъ въ себѣ Lettres pädagogiques. Грамматика оканчивается „conclusion“, общими замѣчаніями объ отношеніи груз. языка къ индо-европейскимъ языкамъ, особенно къ азіатской вѣтви этой группы языковъ. Въ пяти положеніяхъ высказывается мысль о сродствѣ груз. языка съ индо-европейскими.

Чтобы, насколько возможно, облегчить начинающему учиться груз. языку, каждую главу сопровождаютъ, для постепеннаго упражненія, отрывки изъ романа Миріани съ подстрочнымъ и свободнымъ переводами; кромѣ того, въ началѣ грамматики тамъ-и-сямъ

грузинскія слова сопровождается также латинская транскрипція, и вездѣ съ необходимою послѣдовательностью. Обращено надлежащее вниманіе также и на обыкновенный разговорный языкъ (la langue vulgaire), котораго отступленія отъ древне-литературнаго языка авторъ указываетъ вездѣ съ возможною тщательностью.

§ 20 № II. Вторая грамматика этого же автора имѣетъ только то единственное преимущество передъ первой, что она *напечатана*; между тѣмъ, какъ № 1 и предшествующія ему сочиненія Chronique Géorgienne и Mémoires etc. *литографированы*, слѣд. для большаго круга читателей менѣе доступна, чѣмъ № II. Но первое сочиненіе гораздо болѣе самостоятельная, связанная и цѣльная работа автора, тогда какъ, второй печатный трудъ, начатый уже другимъ, Клапротомъ, г. Броссе, по порученію Парижскаго Азіатскаго Общества, долженъ былъ продолжать и дополнить. Какъ говорится ввведеніи разбираемаго нами труда р. III, Клапротъ приступилъ къ печатанію грузинской грамматики, въ основу которой легъ грамм. трудъ о груз. языкѣ „одного итальянскаго миссіонера“, объ изданіи такой грамматики было упомянуто еще въ 1827 г.; напечатанномъ Vocabulaire de la langue Géorgienne Клапрота, но этотъ ученый умеръ до выхода въ свѣтъ своего труда, въ августѣ 1833 г., когда были напечатаны лишь 7 листовъ его груз. грамматики. Парижское Азіатское Общество, напечатавшее и словари на свой счетъ, пригласило г. Броссе продолжать работу, начатую Клапротомъ и онъ съ 113 стр. довелъ до конца; такимъ образомъ, издалъ печатную грузинскую грамматику по плану Клапрота, который, однако, при составленіи своей грамматики больше имѣлъ матеріала, чѣмъ при составленіи своего жалкаго грузино-французскаго и французско-грузинскаго Vocabulaire'a, сколоченнаго на скорую руку по весьма недостовернымъ источникамъ, въ родѣ Маджія и Паулини. По этому г. Броссе видѣлъ себя вынужденнымъ припечатать къ 112 страницамъ Клапрота еще XXXIV страницъ „ergata et additions“, которыя онъ помѣстилъ между своимъ „введеніемъ“ и началомъ Клапротовой работы, чтобы дать читателю путеводную нить при изученіи этой части (полной ошибокъ) книги. Такъ какъ Клапротъ началъ излагать глаголы по старому, избитому способу, то г. Броссе нашелся вынужденнымъ присоединить въ концу главы о глаголахъ стр. 138, новую главу объ этой же части рѣчи, которая простирается до стр. 199 и, по его собственнымъ словамъ, большею частью, есть выдержка изъ X главы

его же грамматики *L'Art Libéral*, при этомъ выпущены всѣ тѣ подробности и тонкости, которыя въ элементарной книгѣ, какова № II, не могли имѣть мѣста. Въ остальномъ порядкѣ, по которому матеріалъ разбитъ на главы, почти тотъ же самый что и въ *L'Art libéral*. Новымъ прибавленіемъ является здѣсь глава XIII (стр. 230 — 236) о синтаксисѣ; затѣмъ глав. XIV (стр. 257.—362) содержитъ постепенное упражненіе, раздѣленное на 4 отдѣла, а именно: 1) не большое собраніе фразъ разговорнаго языка, 2) и 3) не напечатанные еще: жизнь св. а) Давида и Константина и б) Алексѣя человѣка Божія, писанныя — первая литературнымъ языкомъ, вторая — разговорнымъ, народнымъ (*vulgaire*), съ нѣкоторыми особенностями, свойственными имперетинскому говору; наконецъ 4) рассказъ „*აბრეშის*“, заимствованный изъ тифлисской газеты. Въ первыхъ отрывкахъ происшествіе большею частью передано и латинскою транскрипціею, текстъ сопровождается двойной переводъ: подстрочный и болѣе свободный. Книга оканчивается общимъ оглавленіемъ содержанія.

Второй интересный перечень, присоединенный къ № II заслуживаетъ особеннаго вниманія; онъ составляетъ второй отдѣлъ введенія (стр. VI — XXI), названный *Tableau raisonné de la littérature Géorgienne*, раздѣльный по предметамъ. Онъ заключаетъ въ себѣ названія грузинскихъ сочиненій какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, туземныхъ и иностранныхъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Здѣсь перечислены подъ VIII рубриками (*Religion, Dictionnaires, Grammaires, Philosophie et Legislation, Histoire, Géographie, Voyages, Littérature proprement dite*) 132 или, если взять все приведенное вмѣстѣ, болѣе 170 назвній, за исключеніемъ отдѣльныхъ статей о грузинскомъ языкѣ, литературѣ и исторіи, помѣщавшихся въ *Journ. asiat.* въ періодъ времени отъ 1827—36, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ самому Броссе. Е. Бюрнуфъ написалъ маленькую рецензію, какъ мы выше замѣтили, о I-ой грамм. г. Броссе. Въ началѣ статьи Бюрнуфъ сожалѣетъ, что его специальныя работы не позволили ему заняться груз. языкомъ, поэтому самостоятельнаго взгляда не можетъ имѣть о немъ, все что онъ знаетъ о языкѣ, литературѣ и исторіи Грузіи почерпнуто имъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. За тѣмъ рецензентъ даетъ краткія географическія и историческія свѣдѣнія о Грузіи, о первомъ знакомствѣ европейцевъ съ груз. языкомъ и литературою; далѣе, перечисляетъ груз. грамматическія и лексикографическія труды,

писанные на европейскихъ языкахъ, какъ-то: грами. Маджіа, Джиролама да-Норчіа, Гая (Варлаама), самоучитель Фиралова, словари: итальяно-грузинскій Паулини и Ирбаха, грузино-французскій и французско-грузинскій Клапрота съ краткими замѣчаніями объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ; наконецъ, переходитъ къ грамматикѣ г. Броссе *L'Art libéral* и дѣлаетъ общій библиографическій обзоръ, не входя въ критическую оцѣнку этого труда, и вотъ почему: *il faudrai pour apprécier le caractère de la langue géorgienne*, говоритъ Бюрнуфъ, *en avoir fait comme M. Brosset, une etude approfondie; l'exposé de la nomenclature grammaticale que nous pourrions donner ici n'en offrirait au lecteur qu'une vue imparfaite. Il nous suffira de dire que le géorgien offre dans son système de flexion des exemples d'une organisation intéressante à étudier. M. Brosset pense que les particules postpositives ont, un sens propre et qu'elles sont employées avec ce sens même dans la langue; et en effet la part que prennent ces suffixes à la formation d'autres mots donne à cette opinion une grande vraisemblance. La structure des verbes fournit encore à l'auteur la matière de nombreux éclaircissements. Enfin son livre porte dans toutes ses parties l'empreinte du travail, et les traces d'une lecture étendue*". Далѣе рецензентъ оспариваетъ мысль о средствѣ груз. языка съ индо-европейскими, въ пользу которой высказался г. Броссе въ своей грамматикѣ и, затѣмъ, заключаетъ свою рецензію такъ: *Au reste, quand même quelques personnes desireraient que l'auteur eût fourni une série plus nombreuse de preuves à l'appui de son opinion, l'utilité de son ouvrage n'en serait aucunement diminuée. Cette opinion n'est en effet qu'une de conclusions de ce livre. Si c'est la plus importante, et, dût-elle être l'objet de quelque contradiction, il resterait toujours à M. Brosset le mérite d'avoir livré aux amateurs de la langue géorgienne un traité plus methodique et plus complet que ceux qu'on possédait jusqu'à ce jour*"... *Journal des Savants*, mars, 1835.

ОТДѢЛЪ III.

Кромѣ цѣльныхъ грамматическихъ трудовъ о грузинскомъ языкѣ, отъ времени до времени, появлялись и разсужденія объ отдѣльныхъ частяхъ его грамматики, (напр., Фр. Мюллеръ о глаголахъ), равно и сравнительныя изслѣдованія о грамматическомъ строеніи этого языка

въ отношеніи къ другимъ языкамъ (Боппъ); наконецъ, и другія, родственныя съ грузинскимъ нарѣчія: мингрельское, лазское, сванетское не были забыты лингвистами, — о характерѣ-то литературы, посвященной всѣмъ этимъ вопросамъ и намѣрены мы поговорить вератцѣ въ настоящемъ отдѣлѣ нашего труда.

§ 21. Проф. Фр. Мюллеръ помѣстилъ въ *Sitzungsberichte der phil. — historischen classe der. K. Wiener Akademie der Wissenschaften*. В. 60. 1869, р. 152, маленькое изслѣдованіе о грузинскихъ глаголахъ „*Zur Conjugation des georgischen Verbrums*“, какъ не разъ замѣчено, о самой запутанной части грузинской грамматики. Статья эта отличается всѣми обычными качествами свойственными этому языковѣду: простотою и ясностью изложенія, систематичностью, остроуміемъ и смѣлостью выводовъ; но, къ сожаленію, въ основаніе же, первую посылку верались ошибки, отъ чего и весь силлогизмъ изслѣдованія, какъ ни логично и строго построенъ въ другихъ частяхъ, все-таки даетъ ошибочное умозаключеніе. Выводы, къ которымъ проф. Мюллеръ приходитъ въ своей статьѣ, такъ новы и важны, что, если бы могли оправдаться, безъ сомнѣнія, за ихъ авторомъ осталась бы честь открытія принципа, управляющаго *внутреннимъ механизмомъ* груз. глаголовъ, считавшихся, начиная съ Маджіа и кончая Шлейхеромъ, всѣми какою-то загадкою, не подчиняющагося никакой системѣ и правиламъ грамматическимъ. Хотя я имѣлъ уже случай и лично и печатно высказать почтенному профессору свое мнѣніе объ его изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе, важность предмета изслѣдованія обязываетъ меня еще разъ обратиться къ этому вопросу; тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выражаетъ желаніе въ своей статьѣ, обратить вниманіе специалистовъ на этотъ важный вопросъ, съ цѣлью выяснить истину. Сущность вывода къ которому приходитъ авторъ изслѣдованія можно резюмировать въ слѣд. словахъ: *въ грузинскіе глаголы, въ наст. вр. изъяс. накл., сложены изъ существительнаго глагола и изъ существительной или причастной основы.*

Съ теоретической стороны мысль эта не представляетъ ничего необыкновеннаго. Образованіе различныхъ грамматическихъ формъ посредствомъ сложенія играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей въ экономіи языка вообще. Извѣстно, что одно изъ замѣчательнѣйшихъ (если не самое замѣчательное) открытій, сдѣланныхъ Боппомъ, — то, что даже, повидному, самая цѣльная и органическая форма индо-европей-

всѣхъ глаголовъ, оказалась *сложеной* изъ существительнаго глагола и глагольной основы, но этимъ путемъ образовались далеко не всѣ времена, и притомъ не важнѣйшія изъ нихъ, какъ настоящее. Словомъ мы можемъ и должны допустить, что въ упомянутой семьѣ языковъ нѣкоторыя глагольныя формы образовались путемъ сложенія, но мы не въ состояніи доказать, что *есть* времена и наклоненія, *есть*хъ рѣшительно глаголовъ обязаны своимъ происхожденіемъ *сложенію* *). Этотъ способъ образованія глагольныхъ формъ находитъ еще большее примѣненіе въ туранскихъ языкахъ, такъ напр., въ турецкомъ не только прошедшія и будущія вр. образуются посредствомъ сложенія существительнаго глагола съ несклоняемыми причастными основами, но и настоящее время въ немъ такого происхожденія **.)

Тоже самое явленіе имѣетъ мѣсто и въ изолированныхъ языкахъ, принадлежащихъ преимущественно къ классу приставочныхъ, такъ, въ баскскомъ языкѣ *большая часть* глагольныхъ формъ сложены изъ существ. глагола и причастій, которыя, по правиламъ грамматики этого языка, называются *правильными*, остальная же, сравнительно весьма не значительная, часть глаголовъ, чуждыхъ этого сложенія, называется *неправильною* ***).

Послѣ всѣхъ этихъ аналогическихъ явленій, существующихъ въ различныхъ языкахъ, дѣйствительно, можно было сдѣлать предположеніе, что, можетъ быть, и механизмъ грузинскихъ глаголовъ основанъ на подобномъ же сложеніи именныхъ и глагольныхъ элементовъ. Этою остроумною мыслью задался Фр. Мюллеръ въ упомянутой статьѣ, но, по ему мнѣнію, не разрѣшилъ его, благодаря неудачно подобраннѣмъ примѣрамъ, не подкрѣпленнымъ звуковыми законами грузинск. языка. Дѣйствительно, въ груз. языкѣ существуетъ цѣлая группа *глаголовъ сложныхъ и въ настоящемъ времени*, какъ-то: ჯ-გ-დ-ვ-ს-ჲ ხოჯუ (буквально — *ходящъ есмь*), გ-ზ-ვ-ს-ჲ სიჯუ (буквально. — *сидящъ есмь*), ვ-დგუ-ვ-ს-ჲ სთუ (стоящъ есмь), ვ-წუ-ვ-ს-ჲ ლეჯუ (лежащъ есмь), ვ-გ-დ-ვ-ს-ჲ ვიჯუ (выходящъ есмь), ჯ-გ-დ-ვ-ს-ჲ ნიჯუ

*) Franz Bopp, über das Conjugationssystem der Sanskritsprache etc. Frankfurt 1816, p. 8. 96.

**) Общая грам. турецко-татарск. языка мирзы А. Каземъ-Бека. Казань, 1846 г. стр. 25, 271.

***) Шлейхеръ: die Sprachen Europas. Bonn. 1850.

(нисходящъ есмь) *), მ-ო-უჭყბ-ბ-ს я люблю тебя (ты мнѣ любезенъ еси), ტ-ო-უჭყბ-ვ-ს ты любишь меня (я тебѣ любезенъ есмь), მ-ო-უჭყბ-ს-(ს)-ს , ტ-ო-უჭყბ-ს-(ს)-ს , я его люблю, ты его любишь (мнѣ, тебѣ онъ любезенъ есть) и тому подобныхъ сложныхъ глаголовъ можно насчитать, можетъ быть, десятка два, три, и то большинство изъ нихъ въ прошедшемъ и будущемъ врем. просты, всѣ же остальные, т. е. болѣе, чѣмъ $\frac{1}{10}$ глаголовъ, совершенно просты, и обходятся въ настоящемъ, равно какъ и другихъ главныхъ временахъ, безъ всякаго существительнаго глагола, при томъ же упомянутыя сложныя формы не встрѣчаются, или весьма рѣдко, въ древнѣйшихъ памятникахъ языка, какъ евангеліе.

Указанная нами статья проф. Фр. Мюллера есть послѣднее слово европейской науки о характерѣ механизма грузинскихъ глаголовъ, если она не разрѣшила вопроса, то все-таки, какъ всякая остроумная мысль, безъ сомнѣнія, обратить вниманіе послѣдующихъ изслѣдователей на этотъ трудный, но въ высшей степени важный предметъ.

§. 22. Кромя вопросовъ, касающихся той или другой части грамматики груз. языка, лингвисты съ давнихъ-поръ начали изслѣдовать этотъ языкъ съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія, т. е. старались опредѣлить отношеніе его къ другимъ семьямъ языковъ; съ этою цѣлью стали посвящать этому вопросу нерѣдко отдѣльныя статьи и изслѣдованія. Въ разсужденіи объ этомъ предметѣ, какъ и слѣдовало ожидать, разошлись изслѣдователи между собою во многомъ такъ, что, съ теченіемъ времени, выяснились три направленія, которыя считаютъ въ числѣ своихъ приверженцевъ извѣстнѣйшихъ лингвистовъ европы: приверженцы перваго направленія относятъ груз. языкъ къ *индо-европейской семьѣ* языковъ; приверженцы втораго направленія къ *туранской семьѣ*; наконецъ, приверженцы третьяго направленія считаютъ его съ родственными идиомами *изолированную группу* языковъ. Займемся краткимъ обзоромъ литературы и представителей всѣхъ этихъ направленій.

Еще у туземныхъ груз. грамматиковъ встрѣчаемъ мы часто сопоставленіе грамматическихъ явленій груз. языка съ аналогическими свойствами другихъ языковъ; такъ Антоній (грамм. № 2, § 207) говоритъ, что по аналогіи *греческаго, латинскаго и армянскаго* язы-

*) *Корми* и *основы* ფო , ბო , ფბო , ვბო , ვბს въ вышеприведенныхъ примѣрахъ я передалъ причастіями (искусственно составленными) единственно во избѣжаніе пущей безсмыслицы, которая могла имѣть мѣсто въ случаѣ буквальнаго передачи ихъ на русск. языкъ.

ковъ допустилъ существованіе формы винительнаго пад. и въ груз. языкѣ, но, съ теченіемъ времени, по тщательномъ изслѣдованіи онъ убѣдился, что таковой формы нѣтъ въ упомянутомъ языкѣ, какъ нѣтъ ея, напр., во *французскомъ, итальянскомъ и латинскомъ* для словъ средняго рода. Фираловъ въ „Самоучитель“ часто сближаетъ, какъ мы видѣли, хотя весьма искусственно и произвольно, грам. формы груз. языка съ формами русской рѣчи. Наконецъ, у г. Иоселіани (грам. стр. 40) находимъ ми мѣсто, гдѣ онъ при объясненіи формы и значенія грузинскихъ глаг. causativa (з-з-ჟბ-ჟბ- (о-б)-ჟბ, з-ს-წჟბ- (об)-ჟბ заставляю строить, заставляю писать) указываетъ на аналогическія формы въ арабскомъ и еврейскомъ языкахъ глагол. 5 и 6 классовъ.

Во всѣхъ этихъ сближеніяхъ, конечно, нѣтъ и тѣни сравнительнаго изслѣдованія языка, но есть попытка, по возможности, обобщить и объяснить груз. грамматическія формы аналогическими явленіями, имѣющими мѣсто въ другихъ языкахъ.

Гораздо опредѣленнѣе цѣль и метода сравненія у европейскихъ авторовъ. Объ отношеніи груз. языка къ индо-европейскимъ первый сталъ разсуждать Лейбницъ. Въ письмахъ своихъ къ извѣстнымъ въ то время знатокамъ восточныхъ языковъ и литературъ, этотъ философъ началъ проводить мысль объ отношеніи груз. языка къ греческому, латинскому, армянскому. Въ одномъ изъ такихъ посланій онъ высказалъ опредѣленнѣе и подробнѣе свое мнѣніе объ этомъ предметѣ *).

Gratias ago, пишетъ Лейбницъ, quod communicatam tibi a Reverendissimo Domino Abbate Luccensi notationem meam, de cognitio jam veteribus consensu linguae Aegyptiae cum Colchica, nationis Armenis vicinae literis humanitatis et doctrinae plenis remunerari voluisti. Dubito et ego; продолжаетъ онъ, an Colchica (lingua) vetus eadem sit cum Georgiana hodierna... Est mihi ad manus dictionarium linguae Georgianaе, typis Congregationis propagandae Fidei Romae 1629, editum, in quo agnosco multa consentire cum lingua Graeca... Такимъ образомъ Лейбницъ усумнившись въ тождествѣ *древне-колхидскаго* языка съ современнымъ ему *грузинскимъ*, находитъ на основаніи грузино-итальянскаго словаря Паулини и Ирбаха, что *этотъ послѣдній сходенъ съ греческимъ*, и

*) G. g. Leibnitii epistola ad Andream Acoluthum. Hanovera, 10, Octobr. 1695, въ собраніи его сочиненій: Leibnitii opera (collecta studio Ludovici Dutens) Genevae MDCCLXVIII. p. II. Collectanea Etymologica, t. VI. p. 138—139.

вотъ, начинаетъ приводить доказательства въ пользу этой мысли: около 140 словъ взяты изъ упомянутого словаря и сличены съ греческими, латинскими, итальянскими словами. Почти половина груз. словъ переданы ошибочно, благодаря, отчасти, автору словаря Паулини; числительныя же имена переданы вѣрно. Приводимъ нѣсколько образчиковъ приѣмовъ сравнительнаго изслѣдованія Лейбница: *organî* (слѣдовало *org' ano ორგანო*) = *ὄργανον* органъ, *kliti* (слѣдов. *klite კლიტი*) = *κλεις*, *clavis* ключъ, *aera* (слѣд. *haeri ჰაერი*) = *aer* воздухъ, *seri* (*სერი, სერია*) *vesper* вечеръ, *seroba* (*სერობა*) *saena* (?) ужинъ, вечерняя трапеза, а не *ობდა*, *orbis* (слѣд *orbi ორბი*) *aquila* *credo cognatum cum ὄρνις* (*ὄρνις*) орель, *fanali* (слѣд. *fanani, fanagi ფანაგო*) фонарь, *ab italico fanale* и т. п. Число такихъ сближеній Лейбницъ легко могъ увеличить вдвое и втрое на основаніи тѣхъ приѣмовъ, которые приведены у него же, такъ напр., ничто не мѣшаетъ, по его методѣ сравненія, отождествить груз. *სა* (*sa*) небо съ греч. *Ζεύς*, Зевесомъ, богомъ неба, или *ὀπίς* (*p'echi*) нога, съ лат. *pes*, *pedis* и т. п. Искусственность и крайняя шаткость сравнительныхъ приѣмовъ Лейбница очевидны: одна половина словъ, приведенныхъ имъ въ подтвержденіе своей мысли, иностраннаго, греко-латинскаго происхожденія; они вошли въ языкъ путемъ (книжнымъ) заимствованія и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если они представляютъ поразительную аналогію съ своими греко-латинскими прототипами, но на основаніи такого искусственнаго сближенія строить теорію о средствѣ упомянутыхъ языковъ съ грузинскимъ — больше чѣмъ не научно. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другой половинѣ грузинскихъ словъ, сравниваемыхъ Лейбницемъ съ греческими и латинскими словами и, не имѣющихъ ничего общаго между собою, кромѣ внѣшняго, случайнаго звуковаго сходства, какъ *seri* (*სერი*) = *vesper* вечеръ. Но не будемъ взыскательны къ Лейбницу, писавшему болѣе, чѣмъ полтора столѣтія до нашего времени, когда еще не было и помину о сравнительномъ языковѣдѣніи, тѣмъ болѣе, что даже и въ наши дни встрѣчаются у лингвистовъ не менѣе курьезныя сближенія и соображенія при сравненіи разныхъ языковъ.

Съ первой четверти текущаго столѣтія г. Броссе сталъ проводить какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ *Journal asiatique*, такъ и въ своихъ обѣихъ грамматикахъ мысль о средствѣ груз. языка съ индо-европейскими языками: въ одной изъ этихъ послѣднихъ

(L'art libéral ou Grammaire géorgienne, par Brosset jeune, Paris 1834, p. 290), высказалъ свое мнѣніе прямо, подъ рубрикою conclusion, въ пяти слѣдующихъ положеніяхъ: Il résulte des faits contenus dans cette grammaire,

1°. Qu'une très grande partie des mots géorgiens appartient au fonds commun des langues dites Indo-Germaniques, en se rapprochant spécialement du sanscrit, de l'ancien persan, et de la langue du zend, le plus souvent par l'intermédiaire de l'arménien;

2°. Que les formes nominales, une bonne partie de la déclinaison, et la marque du comparatif sont absolument sanscrites ou zendes;

3°. Que la même remarque s'applique à la presque totalité des pronoms Géorgiens;

4°. Que la forme, la classification, et une partie de la conjugaison, est analogie à celles du persan, du sanscrit et du grec;

5°. Que, pour la syntaxe et un nombre considérable de mots le géorgien parait être sui juris, bien que tous ces rapports constatés permettent d'en supposer d'autres, que découvrira sans doute un plus habile explorateur.

Эти заключительныя положенія, выведенныя г. Броссе въ своей грамматикѣ, дали поводъ Е. Бюрнуфу высказать въ рецензій на эту грамматику, свое мнѣніе о задачахъ, цѣли и границахъ сравнительной методы языковѣдѣнія вообще, и сравненій груз. языка въ частности; мнѣніе Бюрнуфа объ этомъ предметѣ такъ же современно и важно въ наше время, какъ оно было почти 40 лѣтъ тому назадъ, когда его высказалъ этотъ замѣчательный языковѣдъ, вотъ оно: „Des analyses auxquelles il s'est livré, говорить Бюрнуфъ о г. Броссе, et des comparaisons qu'il a établies entre les formes de la déclinaison ou de la conjugaison géorgienne et les formes correspondantes, appartenant à quelques idiomes de la famille indo-germanique, M. Brosset a cru pouvoir conclure que le Géorgien appartient à cette grande division des langues de l'ancien monde. Nous regretons de ne pouvoir exprimer nous-même une opinion sur cet intéressant sujet. Nous désirons sans doute aussi vivement que perssonne, voir cette branche immense des idiomes indo-européens s'enrichir d'un dialecte nouveau, et nous comprenons tout ce que l'affinité du géorgien et de l'arménien peut ajouter de vraisemblance au sentiment de M. Brosset; mais nous pensons aussi qu'il faut procéder aux recherches de ces genre avec une extrême ré-

serve, et ne comparer entre elles que des formes dont la nature véritable est, de part et d'autre, nettement déterminée. Il subsiste encore dans l'esprit, de quelques personnes trop de préjugés contre la philologie comparative pour qu'on ne prenne pas les précautions les plus sévères contre les rapprochements incomplets et les conclusions précipitées. Nous n'en pensons pas moins avec M. Brosset que le géorgien offre dans ses pronoms par exemple, des rapports assez reconnaissables avec quelques anciens idiomes de la famille indo-européenne. Ce que nous voulons dire seulement ici, c'est que nous ne connaissons par assez le géorgien pour vérifier par nous-même la portée de ces ressemblances, et pour déterminer avec exactitude l'ensemble des caractères par lesquels cet idiome se distingue des autres langues auxquelles M. Brosset le rattache. Car, on ne peut trop le dire, ce ne sont pas seulement les ressemblances qu'il importe constater, c'est la nature de ces ressemblances, ce sont les points sur lesquels elles portent, ce sont surtout les traits individuels qui sont propres à chacun des idiomes comparés, et qu'elles mettent en lumière. Si les deux idiomes que l'on rapproche appartiennent réellement à la même souche, les ressemblances ne manqueront pas, et il suffira d'une sagacité ordinaire pour les découvrir. Mais tant que la mesure de rapport ne sera pas trouvée, on ne devra pas espérer d'avoir obtenu un résultat vraiment scientifique. Or, cette mesure ne peut être que le produit d'une comparaison suivie et complète des deux langues; elles n'est donnée que du moment où les caractères qui les distinguent l'une de l'autre se sont nettement détachés de ce qui forme leur patrimoine commun". *Journal des Savants*, Mars 1835.

Знаменитый основатель *сравнительной* *методы* изслѣдованія въ наукѣ языкознанія, берлинскій профессоръ и академикъ *Франц Боппъ* пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи. Онъ, въ двухъ своихъ академическихъ чтеніяхъ 11-го декабря 1842 и 23 октября 1845 гг., старался доказать мысль о сродствѣ груз. языка, равно и другихъ иберійскихъ нарѣчій, съ индо-европейскими языками. Эти изслѣдованія, печатавшіяся сначала въ академическихъ період. изданіяхъ, появились въ послѣдствіи въ видѣ особой брошюры подъ заглавіемъ: *Die Kaukasischen Glieder des Indoeuropäischen Sprachstamms*, von Franz Bopp. Berlin 1847, in 4, p. 83. Въ началѣ (р. 5) брошюры Боппъ говоритъ: для того, чтобы доказать исконное сродство (*Urverwandtschaft*) между

грузинскимъ и санскритскимъ языками, слѣдуетъ обратиться для этого непосредственно къ самому санскриту (а не черезъ посредство армянскаго языка), съ которымъ грузинскій и лазскій показываютъ удивительное сходство во всѣхъ частяхъ организма языка, въ флексіяхъ именъ, степеняхъ сравненія, мѣстоименныхъ основахъ и склоненіяхъ, въ глаголахъ-спряженіяхъ, знакахъ лицъ, чисель, времени и наклоненій. Освѣтить эти стороны сходства составляетъ цѣль настоящаго разсужденія. Затѣмъ приступаетъ къ сравненію груз. языка съ санскритскимъ, при этомъ ограничивается сравненіемъ одной только этимологической, или морфологической части, оставляя безъ вниманія фонетическую часть, звуковую систему и законы груз. языка, безъ которой не мыслимо никакое строго-научное сравненіе языковъ. Начинаетъ сравненіемъ именныхъ флексій р. 8, образования и знаковъ степеней сравненія р. 20, далѣе переходитъ къ сравненію мѣстоименій, о которыхъ говоритъ, что „они представляютъ богатый кладъ доказательствъ исконнаго сродства грузинскаго языка съ санскритскимъ“ р. 24. Сравненіемъ числительныхъ именъ упомянутыхъ языковъ окончиваетъ Боппъ первое чтеніе р. 31 — 42. Второе чтеніе начинается сравненіемъ глаголовъ р. 43. Это чтеніе оканчивается обзоромъ и сравненіемъ словообразовательныхъ префиксовъ, предлоговъ, и сравнительнымъ анализомъ категорій груз. сложныхъ словъ, которыя Боппъ сближаетъ съ санскритскими сложными *kaṁmadhāraya* (опредѣлительная форма), *bahuvrīhi* (притяжательная), *tatpuruṣa* (зависимая) р. 64 — 67. Въ концѣ брошюры находятся примѣчанія и дополненія р. 68 — 83. Къ этому сравнительному труду подали поводъ Боппу грамматическія изслѣдованія д-ра Розена о языкѣ лазовъ, мингрельцевъ, свановъ и абхазцевъ, хотя самъ Розенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ничего не говоритъ о индо-европейскомъ характерѣ упомянутыхъ языковъ, и напротивъ того, общій тонъ его изслѣдованій легко позволяетъ заключить противное. Боппъ въ этомъ сравнительномъ изслѣдованіи, по истинѣ съ удивительнымъ остроуміемъ старается доказать, что названные имъ въ тѣсномъ смыслѣ кавказскими языками, югозападныя идіомы, составляющіе иберійскую группу, а именно: грузинскій, мингрельскій, лазскій, сванетскій имѣютъ тѣсную связь съ санскритскимъ языкомъ. И дѣйствительно, доказательства, приводимыя Боппомъ, и тѣ случаи, на которые онъ указываетъ въ подтвержденіе своего взгляда, располагаютъ въ пользу этого пред-

положенія каждаго, кто самъ не имѣлъ случая поближе познакомиться съ упомянутыми языками. Разумѣется, Боппъ не утверждаетъ, чтобы груз. языкъ съ родственными нарѣчіями имѣлъ съ санскритскимъ такого рода связь, какъ напр., новые индійскіе ідіомы, т. е. чтобы онъ былъ отпрыскомъ и дальнѣйшимъ развитіемъ народнаго языка, сохранившагося въ древнихъ гимнахъ Ведъ и лежащаго въ основаніи санскрита, какъ языка письма. Такое мнѣніе нашло бы не много вѣры у каждаго, кто имѣетъ хотя бы только слабое понятіе о строеніи этихъ языковъ. Боппъ думаетъ, что груз. языкъ съ родственными нарѣчіями имѣетъ индо-европейскій характеръ (или скорѣе, близко родственннй съ этимъ семействомъ). Если же это, дѣйствительно, такъ, то мы должны признаться, что Боппъ грѣшитъ въ высшей степени противъ научной методы сравненія, сближая упомянутыя ідіомы исключительно съ санскритомъ, чтобы обнаружить въ нихъ индо-европейскую природу, ибо, если иберійскіе языки, въ самомъ дѣлѣ, члены великой индо-европейской цѣпи языковъ, то мы не имѣемъ права сличать отдѣльныя формы въ одномъ только индо-европейскомъ языкѣ, не обращая вниманія на другіе члены той же семьи, и притомъ, еще меньше имѣемъ право ограничиться въ этомъ случаѣ такимъ языкомъ, согласные звуки котораго, съ одной стороны, своеобразно развились, съ другой — подверглись не маловажнымъ измѣненіямъ. О шаткости методы сравненія въ упомянутомъ трудѣ Боппа, искусственности и произвольности многихъ сближеній и толкованій, равно и не вѣрности результатовъ добытыхъ такимъ путемъ, я имѣлъ случай высказаться (Жур. Мин. Н. Пр. № Сентябрь, 1872 г.). Не оспоримой заслугой Боппа (хотя отрицательной) останется то, что онъ, благодаря своему необыкновенному остроумію, пронизательности, дару комбинаціи и знанію санскрита, привелъ *всю доказательства* въ пользу индо-европейской природы груз. языка, какія только можно было отыскать; словомъ, въ этомъ трудѣ Боппъ высказалъ все, что можно было сказать въ защиту упомянутаго направленія, и, если результаты, противъ ожиданія автора, получились *отрицательные*, то, тѣмъ не менѣе, задача, цѣль *ислѣдователя* достигнута. Кромѣ этой отрицательной пользы изслѣдованіе Боппа имѣетъ и положительныя достоинства; въ этомъ трудѣ Боппъ неограничивается сравненіемъ формъ одного только груз. языка, но часто обращаетъ вниманіе и на лазскій, мингрельскій, сванетскій, грамматическія формы, которыхъ сравниваетъ между собою; о грамм.

строеніи этой иберійской группы языковъ разсыпано у Боппа въ занимающемъ насъ трудѣ множество весьма остроумныхъ и вѣрныхъ соображеній, и объясненій вполне достойныхъ этого необыкновеннаго лингвиста. По поводу этого изслѣдованія г. академикъ Броссе написалъ открытое письмо Боппу, помѣщенное въ Bull. de l'Acad. Imp. des sciences de S.-Pétersbourg, Т. II, № 9, въ которомъ частью защищаетъ свои взгляды, оспариваемыя Боппомъ, частью же поправляетъ ошибки, вкравшіяся въ изслѣдованіе Боппа. (Lettre a M. Bopp sur son Rapport relatif aux recherches philologiques de M. le docteur Rosen, par. M. Brosset. Lu le 1 novembre 1844).

Послѣ упомянутой брошюры Боппа не появлялось больше спеціальнаго разсужденія, посвященнаго вопросу о индо-европейскомъ характерѣ груз. языка; Боппъ мало кого убѣдилъ своимъ изслѣдованіемъ, и напротивъ того, большая часть изъ тѣхъ лингвистовъ, которые еще вѣрили въ возможность индо-европейскаго происхожденія груз. яз., убѣдились въ трудѣ Боппа, что основанийъ для такого предположенія весьма мало.

Другое направленіе, существовавшее, существующее отчасти и въ настоящее время, относить грузинскій языкъ съ родственными идіомами къ туранской семьѣ языковъ, рѣшительнѣе другихъ объ этомъ высказался *Максъ Мюллеръ* въ своей классификаціи языковъ (The languages of the seat of war in the east etc. 2 edit. London, Leipzig 1855, p. 124), хотя и онъ *ограничивается общими положеніями, не приводя никакихъ фактическихъ доказательствъ въ подтвержденіе своей мысли.* Грузинскій языкъ, равно и другіе кавказскіе языки, М. Мюллеръ называетъ отдаленными, или *разстѣянными языками туранскаго семейства* (scattered languages of the Turanian Family); въ другомъ мѣстѣ (ib. p. 125) называетъ ихъ *выродившимися колоніями* языковъ туранскаго семейства (degenerated colonies of the Turanian family of splech); изъ этихъ названій видно, что онъ считаетъ грузинскій и сѣверо-восточные языки Кавказа только отдаленными членами туранской семьи. Возможность отдаленнаго родства, при которомъ не всегда ясно сохраняются въ словарѣ, или грамматикѣ языковъ слѣды общаго ихъ происхожденія Мюллеръ объясняетъ слѣд. образомъ: діалекты, отдѣлившіеся отъ общаго ствола (from the common stock) въ отдаленное время и живущіе изолированно другъ отъ друга, иногда до того индивидуализируются, что утрачиваютъ знаки и особенности своего общаго характера.... языки, и въ особенности туранскіе языки,

такъ гибки, что допускають безконечнiя комбинаціи и смѣшенiя. Послѣ этого общаго введенiя Мюллеръ приступаетъ къ обзору языковъ и народовъ Кавказа, о которыхъ сообщаетъ краткія историческія и географическія свѣдѣнiя, большую частію, по Клапроту и Розену (*Asia polyglotta*. 109—138, *die Spr. der Lazen, Abhandlungen über das Mingrel. Suanische u. Abchasische*, in 4. Berl. 1846 — 46). Мюллеръ дѣлитъ всѣ кавказскія племена на два отдѣла, на 1) собственно кавказскія племена (*the caucasian tribes properly so called*), которыхъ языки онъ называетъ *аборигенскими* (*aboriginal languages*), — это племена, живущіе съ незапамятныхъ временъ въ нынѣ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ; II) другія племена, пришедшія относительно позже, каковы Грузины, Осетины, равно и турецкія племена — Басиани и др. Всѣ языки, какъ и народы, дѣлитъ Мюллеръ также на два отдѣла. Первый онъ называетъ *грузинскою ствѣтвю* (*georgic branch*), которую дѣлитъ еще на четыре вѣтви. I) Собственно *Грузины-Картвези*, обитатели Карталини, Кахетіи и Имеретіи; II) Жители *Мингрелии, Одиши и Гуріи*; они населяють древнюю Колхиду и ихъ языкъ имѣетъ близкое сродство съ лазскимъ; III) *Сваны*, населяющіе южные склоны кавказскихъ альповъ и, имѣющіе всѣ признаки грузинскаго происхожденiя. Ихъ языкъ имѣетъ много особенностей въ сравненiи съ языкомъ Мингрельцевъ и Лазовъ, но значительное число корней, словъ и грамат. формъ, сходныхъ съ ними, даетъ ему мѣсто между языками грузинскаго семейства. IV) Послѣднюю, западную вѣтвь грузинскаго народа составляютъ *Лазы*, называемые Турками Ладжъ. М. Мюллеръ даетъ краткія историческія и географическія свѣдѣнiя объ этомъ племени и обитаемыхъ имъ мѣстностяхъ, на основанiи опять таки Клапротова *Asia polyglotta*, изъ которой приводимъ нижеслѣдующія слова: „Обиталище Лазовъ въ Понтѣ простирается отъ Трапезунда, продолговато по берегу Чернаго Моря, до устья *Чороха*, которая отдѣляетъ его отъ *Гуріи*. Ихъ языкъ довольно близокъ къ мингрельскому; въ средніе вѣка Лазы дали свое имя всѣмъ странѣ отъ Чороха, къ сѣверу, до Фазиса, составлявшей тогда *Лазское царство*. Прокопій и Агафій единогласно свидѣтельствуютъ, что Лазы потомки древнихъ Колхидцевъ. Поэтому рассказы древнихъ о происхожденiи этихъ послѣднихъ отъ Египтянъ, баснословны, ибо ни въ лазскомъ, ни мингрельскомъ, ни же грузинскомъ языкѣ нѣтъ ни какихъ слѣдовъ родства съ Коптскимъ, содержащимъ въ себѣ остатки

древне-египетскаго языка. Равно и черты лица жителей восточнаго берега Чернаго моря не имѣютъ ни какого сходства съ типомъ египтянъ, достовѣрно извѣстнымъ намъ по памятникамъ скульптуры и живописи. (*Asia polyglotta* p. 110—111).

Затѣмъ М. Мюллеръ переходитъ къ историко-географическому обзорѣнїю горскихъ племенъ, аборигеновъ Кавказа, и ихъ „аборигенскихъ языковъ“; эту группу языковъ Мюллеръ дѣлитъ на три вѣтви на а) восточную, или лезгинскую, б) среднюю, или мидздегскую и в) западную, или черкеско-абхазскую.

Этимъ окончивается обзоръ кавказскихъ языковъ у Мюллера, къ сожалѣнїю, авторъ не даетъ ни какихъ фактическихъ доказательствъ въ подтвержденіе своей мысли объ отдаленномъ сродствѣ грузинскаго, и вообще кавказ. языковъ, съ туранскими, но, такъ какъ въ своихъ „чтенїяхъ по наукѣ о языкѣ“ онъ объ этомъ сродствѣ болѣе ужъ не говоритъ, то, можетъ быть, самъ же увидѣлъ въ послѣдствїи какъ мало основанїи допустить мысль о подобной связи.

Въ лингвистической наукѣ существуетъ еще третье мнѣніе о грузинскомъ языкѣ, которое кажется мнѣ болѣе близкимъ къ истинѣ, оно считаетъ грузинск. языкъ, вмѣстѣ съ другими языками Кавказа, изо ованной, или „особнякомъ стоящей группой языковъ“ (*vegeinzelt stehende Sprachgruppe*). Это мнѣніе приобретаетъ, съ расширенїемъ нашихъ познанїй о грузинскомъ яз., все больше и больше прозелитовъ въ средѣ лингвистовъ; послѣдователями этого направленїя считаются также первостепенные европейскїе лингвисты. Такъ, въ этомъ смыслѣ высказывался еще Клапротъ: хотя грузинскїй яз., имѣетъ много сходства, говоритъ онъ, съ Индо-германскими и другими, особенно сѣверо-азіатскими языками, тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ разсматривать за особенный родъ языка (*Stammsprache*), который отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ какъ по корнямъ, такъ и по грамматикѣ, (я на основанїи другихъ мѣстъ сочиненїя Клапрота ошибочно заключилъ, Жур. Мин. Н. Пр. № Сент. 1872, что этотъ ученый относитъ груз. яз. къ тур. семьѣ въ такую же ошибку впалъ и Бенфеи *Gesch. der Sprachwiss.* p. 772), (*Asia Polyglotta* p. III.). Такого же мнѣнїя: Шлейхеръ (*die Sprachen Europas*. Bonn, 1850, p. 99—103. *Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form*, p. 5⁶/₈).

Поттъ (*Die Ungleichheit menschlicher Rassen etc.* 1856, p. XXV—VI.). Лепсіусъ (*Standard alphabet etc.* Leipzig 1863). Фр.

Мюллеръ посвятилъ этому вопросу прекрасную, маленькую статейку (Orient und Occident, Göttingen, 1864, В. II, р. 546). Бенфеи (Geschichte der Sprachwissenschaft und Orientalischen Philologie in Deutschland, 1869. р. 772). Шпитгелъ (Eranische Alterthumskunde, Leipzig, 1871. В: I, р. 412), который заключаетъ отдѣлъ о грузинскомъ и другихъ кавказскихъ языкахъ такъ: „какъ ни отрывочны наши познанія о кавказскихъ языкахъ, все такъ теперь уже можно съ достовѣрностью утверждать двѣ вещи, первая, что всѣ эти языки болѣе или менѣе близко родственны другъ другу, такъ какъ, при всѣхъ своеобразностяхъ, имѣютъ извѣстныя, общія всѣмъ имъ характеристическія черты, — второе положеніе, это то, что они ни въ какой родственной связи не находятся ни съ какимъ семействомъ языковъ, ни съ индо-германскими, какъ прежде пытались доказать, ни турецко-татарскими, отъ которыхъ кавказцы отличаются еще и физическими особенностями. Въ этихъ языкахъ мы имѣемъ совершенно особенное семейство языковъ, занимавшихъ прежде, по всѣй вѣроятности, больше пространства, чѣмъ въ настоящее время...

Къ такому же заключенію привело меня разсмотрѣніе иберійской морфологии, которое я и высказалъ: префиксное словообразование приобрьло во всѣхъ иберійскихъ языкахъ право гражданства на ряду съ суффикснымъ образованіемъ, такъ напр., въ спряженіи глаголовъ личныя мѣстоименія являются префиксами въ сокращенномъ видѣ: 1 л. z w , d b , d m , 2 л. b ch , h , j k , g , g , 3 л. b s , u , b ch . Въ лазскомъ спряженіи преф. e o (on), e do , j eo ko , de mo , g e , j d em ; въ сванетскомъ для той же цѣли: eo li , e o , b ch , bz xw , e b ox eo of ; черезъ прибавленіе префиксовъ: j d em , j z eg' , j b ex , z g o gw i , g o gi , b e xo образуются *indirecta tempora verbi directi*. Въ грузинскомъ языкѣ степени сравненія образуются посредствомъ префиксовъ u , ju u ; также образуются и числительныя порядочныя посредствомъ преф. d j me ; п. *agentis* b sa , п. *abstracta* — b o si . *Этотъ принципъ словообразованія, существующій во всей группѣ иберійскихъ языковъ, ясно говоритъ противъ предполагаемаго индо-европейскаго и туранскаго происхожденія этихъ языковъ.* (Сравнительный обзоръ морфологии иберійской группы кавказскихъ языковъ. Ал. Цагарели Спб. 1872 стр. 49—50). Въ статьѣ посвященной этому вопросу (Жур. Мин. Н. Пр. № Сентябрь, 1872) я говорю: *грузинскій языкъ (равно какъ и другіе*

кавказскіе языки) не имѣтъ генетической связи съ индо-европейскими языками, но не можетъ быть причисленъ и къ урало-алтайскимъ. Онъ, подобно баскскому въ Европѣ, повсей вѣроятности, есть остатокъ некогда весьма многочисленной группы языковъ, распространенной на Кавказскомъ перешейкѣ еще до прихода семитическихъ, арійскихъ и урало-алтайскихъ племенъ на Кавказъ и на югъ отъ него. Наконецъ, я указалъ причины разногласія лингвистовъ объ этомъ предметѣ, равно какъ и способъ исполнѣна научнаго рѣшенія этого спорнаго вопроса, въ упомянутомъ „Обзорѣ морфологіи иберійскихъ языковъ“ изъ котораго тѣмъ охотнѣе привожу нижеслѣдующее мѣсто, что брошюра эта *итографирована* и вышла въ весьма умѣренномъ количествѣ экземпляровъ (47), въ противномъ случаѣ, большинство читателей было бы лишено возможности провѣрить мою ссылку: если извѣстнѣйшіе европейскіе лингвисты, говорю я, до-сихъ-поръ еще расходятся во взглядахъ относительно генетической связи грузинскаго языка съ другими языками, и до-сихъ-поръ еще затрудняются найти ему мѣсто въ морфологической классификаціи ихъ, то причинъ такой нерѣшительности, неопредѣленности и неуспѣшности лингвистическихъ теорій слѣдуетъ искать не въ одной трудности и крайней запутанности грамматическихъ формъ (особенно глаголовъ), или только въ недостаткѣ древнѣйшихъ памятниковъ письменности груз. языка, но, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ полнаго всесторонняго изученія предмета, языка во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и притокахъ (діалектахъ, нарѣчіяхъ, говорахъ), въ неопредѣленности его личности, типа со всѣми характеристическими чертами, отличающими его, какъ одно недѣлимое, цѣлое отъ всѣхъ ему подобныхъ объектовъ. Такое воссозданіе типа языка сразу избавило бы всякаго отъ неблагоприятнаго и рискованнаго труда искать принадлежащее мѣсто въ морфологической, или генетической классификаціи языку, котораго типъ еще не исполнѣнъ уясненъ. Но для опредѣленія типа языка недостаточно даже самыхъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, каковы бы они ни были, не могутъ замѣнить исполнѣнъ рѣчи народной, и не воспроизведутъ во всѣмъ богатствѣ и разнообразіи формъ и всѣхъ отправленій языка; для этого важнѣе изученіе языковъ, на формы которыхъ литература не успѣла набросить свою узду и сковать ихъ произволъ и капризы, обусловливающіе свободное развитіе рѣчи. Діалекты, не имѣющіе литературы и исполняющіе только первоначальное назначеніе языка, именно, служащіе

средствомъ въ устной передачѣ другимъ своихъ мыслей и чувствъ, образуются и развиваются почти безъ вліянія индивидуальнаго духа, и могутъ быть, по справедливости, разсматриваемы, какъ чистѣйшія выраженія дѣятельности языка общественнаго духа, живущаго по своимъ непреложнымъ естественнымъ законамъ. Въ этомъ отношеніи идіомы грузинскихъ племенъ лазовъ, мингрельцовъ, свановъ, не имѣющіе письменности, особенно важны для науки языкознанія, у этихъ народовъ языкъ живетъ еще въ природномъ своемъ состояніи, въ состояніи постояннаго сгаранія, и на эти-то языки мы должны обратить особенное вниманіе, если желаемъ составить себѣ вѣрное понятіе о ростѣ и развитіи грузинскаго языка, не остановленнаго въ діалектахъ внимательствомъ литературы; р. 1—4.

Итакъ, самый странный и научный способъ положить конецъ, болѣе полтора стол. тянущемуся спору, это — тщательное и всестороннее изслѣдованіе (безъ всякихъ предвзятыхъ теорій) грузинскаго языка (особенно фонетики его) съ родственными иберійскими нарѣчіями, мингрельскимъ, лазскимъ, сванетскимъ, и, такимъ способомъ воссозданіе, путемъ сравненія и дедукціи, исконнаго типа (Ursprache) иберійскаго языка, лежащаго въ основаніи всѣхъ упомянутыхъ языковъ грузинскаго класса.

§ 23. Такая потребность, впрочемъ, давно была признана лингвистами и грамматиками, хотя и до-сихъ-поръ еще она удовлетворена въ весьма слабой степени. У туземныхъ груз. грамматиковъ мы ничего не встрѣчаемъ о нарѣчіяхъ, они тщательно оберегаютъ свои труды отъ вторженія формъ, оборотовъ, выраженій чисто-народныхъ, разговорныхъ, тѣмъ болѣе естественно ихъ молчаніе о нарѣчіяхъ, говорахъ и діалектахъ, которые считались „испорченнымъ грузинскимъ языкомъ“, какъ они выражаются. Къ тому же нарѣчія эти въ историческое время неимѣли письменности, но пользовались (въ христіанскую эпоху) церковно-богослужебными книгами на грузинскомъ языкѣ, слѣдовательно, по ихъ понятію, въ грамматикѣ для нарѣчій не было никакой необходимости. Такимъ образомъ для иберійскихъ нарѣчій туземной грамматической литературы не существуетъ; отдѣльныя же книги начинаютъ появляться, напр., „Лушну-Анбан“ сванетская азбука. Тифлисъ 1864 г. стр. 147, (напеч. на сванетскомъ, грузинскомъ и русскомъ языкахъ). „Правила о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Мингреліи“ (на мингрельскомъ языкѣ). 16 стр. in fol. Желательно

было бы увеличить книги на этихъ языкахъ, равно какъ и лазскомъ, не только въ интересъ науки языковеденія, но и христіанской религіи, чтобы *оцъ языки (племена) имѣли возможность славить Господа* на своемъ яз... Отчего, напр. не перевести Евангеліе на эти языки и не распространить его въ народъ — *это совершенно въ духъ восточной, греческой церкви въ противоположность католической, западной...*

О грамматикѣ этихъ языковъ позаботились иностранцы: первый изъ европейцевъ, обратившій серьезное вниманіе на иберійскія нарѣчія былъ Клапротъ, у котораго собрано все, что было объ этомъ предметѣ у предшественниковъ его Палласа и Гюльденшtedта. Но и Клапротъ довольствовался только собраніемъ словъ и фразъ на этихъ нарѣчіяхъ, и сравнительнымъ сопоставленіемъ ихъ съ грузинскимъ языкомъ, отмѣчая при этомъ различные говоры въ самыхъ нарѣчіяхъ, такъ въ лазскомъ онъ отличаетъ три говора: *хонійскій, кимербургійскій и трапезундскій* (*Asia polyglotta*, р. III); впрочемъ, существованіе послѣдняго изъ этихъ говоровъ д-ръ Розенъ отрицаетъ (*Ueber die Sprache der Lazen*, р. I). Упомянутое собраніе словъ, фразъ, сравненіе съ грузинскимъ, дѣленіе на говоры съ историко-этнографическою характеристикою народцевъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, равно и географическія свѣдѣнія объ обитаемыхъ ими мѣстностяхъ, находятся у Клапрота въ его сочиненіяхъ: *Anhang zur Reise in Kaukasus und nach Georgien v. Julius v. Klaproth. Halle u. Berlin 1812—14. Asia Polyglotta, Paris 1823. Archiv für asiatische Literatur, Geschichte u. Sprachskunde, St.-Petersburg. 1810. Г. ак. Броссе, еще въ бытность свою въ Парижѣ, писалъ о мингрельскомъ діалектѣ: Détails sur le dialecte Géorgien usité en Mingr. Jour. Asiat. Février, 1829. Замѣтки объ этомъ же предметѣ въ Chronique géorgienne, Paris 1830, р. 135.*

Первые грамматическіе очерки мингрельскаго и сванетскаго, равно абхазскаго и осетинскаго языковъ, составилъ на мѣстѣ д-ръ Георгъ Розенъ, въ 40-хъ годахъ, по порученію Берлинской Академіи Наукъ. Онъ провѣрилъ на мѣстѣ все, что было сдѣлано лексическаго объ этихъ языкахъ его предшественниками, преимущественно Клапротомъ, ошибки котораго Розенъ часто поправляетъ. Эти грамматическія изслѣдованія Розена печатались сначала въ періодическихъ изданіяхъ, Берлинской Академіи Н., въ послѣдствіи же вышли отдѣльными брошюрами: *Ueber die Sprache der Lazen v. Dr. Georg Rosen. 1844. in 4. р. 36. Ueber das Mingrelische, Suanische und Abchasische, 1846.*

п. 4. р. 84. Для лазскаго языка Розенъ употребляетъ арабскія письма въ томъ видѣ и значеніи, въ какомъ его употребляютъ Турки, а латинскую транскрипцію по методу Вольфа: что касается до латинской транскрипціи, то слѣдуетъ замѣтить, что метода Вольфа была, дѣйствительно, лучшая въ то время, но передать всѣ звуки лазскаго языка, равно и другихъ нарѣчій грузинской группы, турецко-арабскими знаками рѣшительно не возможно, такъ какъ они ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи не достаточны, чтобы выразить все разнообразіе и разнохарактерность звуковъ иберійскихъ, послѣ этого само собою понятно, что многіе звуки лазскаго языка переданы не вѣрно; впрочемъ, онъ самъ замѣтилъ это, и для всѣхъ остальныхъ языковъ, изслѣдованныхъ имъ какъ-то: мингрельскаго, сванетскаго, абхазскаго и осетинскаго употребляетъ грузинскую гражданскую азбуку, какъ „болѣе соответствующую звукамъ всѣхъ вообще кавказскихъ языковъ“.

Въ концѣ своихъ изслѣдованій Розенъ высказываетъ мнѣніе, къ которому привели его работы, именно, что между языками народовъ западнаго и средняго Кавказа существуетъ двойная аналогія (*doppelte analogie*): общая, въ силу которой въ основаніи всѣхъ языковъ иберійскаго класса, равно и кистинскаго, абхазскаго, черкесскаго яз., лежитъ одна звуковая система, выражаемая довольно вѣрно знаками грузинскаго алфавита. Вторая—частная (*specielle*) аналогія гораздо важнѣе первой. Она на основаніи постепенности развитія грамматическихъ формъ, соединяетъ въ одну группу языки черкесскій и абхазскій съ иберійскою группою языковъ. Первоначально эти первые, вѣроятно, не имѣли ни какихъ именныхъ флексій, кромѣ тѣхъ, которые образуютъ изъ единств. числа множественное. На этой первой ступени развитія остановился абхазскій языкъ, въ глаголъ котораго существуютъ знаки лица и времени, въ противоположность неполнымъ именованнымъ флексіямъ. Уже сванетскій языкъ является на болѣе высокой ступени развитія; въ немъ имя пріобрѣтаетъ болѣе грамматической силы. Въ этомъ языкѣ мы находимъ уже надежныя флексіи, хотя слабо примѣняемыя къ дѣлу; впрочемъ, въ противоположность имени. глаголъ не рѣдко утратилъ свои иѣстоименные элементы. За сванетскимъ слѣдуетъ два колхидскіе діалекта (мингрельскій и лазскій), уступающіе грузинскому несклоняемостію прилагательнаго имени. Наконецъ, мы видимъ этотъ послѣдній на высшей ступени развитія языка. Имя освободилось отъ глагола и возвысилось до

собственного полного склонения, такъ что, только падежъ личнаго мѣстоименія двухъ первыхъ лицъ, и, въ существительномъ имени, не различеніе винительнаго и дательнаго п. (?), — напоминають ту низкую ступень грамматическаго развитія, на которой стояли всѣ они (Abhandl. über das Mingrel. etc. p. 84). Объ отношеніи же иберійскихъ діалектовъ между собою Розенъ замѣчаетъ слѣдующее: частью словами моего провожатаго (Begleiter), частью собственными наблюденіями убѣдился я относительно діалектовъ грузинскаго языка, живущихъ на обѣихъ сторонахъ водораздѣльной линіи между Чернымъ и Каспійскимъ морями, что разница между ними только чисто лексическаго характера (?) т. е. она состоитъ въ выборѣ выраженій, тогда какъ грамматика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отступленій въ мѣстоименіяхъ, одинакова... Фактъ, что такая значительная водораздѣльная линія (Wasserscheide), которая дѣлитъ области Чернаго и Каспійскаго морей, вмѣстѣ съ тѣмъ не есть народораздѣльная (Völkerscheide) линія, объясняется естественной формой той цѣпи горъ, которая образуетъ упомянутую линію. Она въ не многихъ мѣстахъ только достигаетъ высоты вѣчнаго снѣга и имѣетъ на западъ крутой спускъ, на востокъ же къ Курѣ покатость постепенно-наклонную, такъ, что существуетъ много проходовъ черезъ этотъ хребетъ горъ. Вслѣдствіе этого жители одной стороны легко могутъ встрѣчаться съ жителями другой стороны. Вопросъ же, — какая изъ этихъ двухъ отлогостей могла быть первоначальнымъ обиталищемъ грузинскаго народа, слѣдуетъ рѣшить безусловно, въ пользу восточной. По имени восточной, центральной области — Картли съ незапамятныхъ временъ народъ называетъ себя и свой языкъ, это доказываетъ еще и то, что области Кахети на востокъ, Шамше на югъ, Имерети и Гурія съ принадлежащими Турціи грузинскими санджакатами, — розматривалъ народъ за позднѣйшее расширеніе первоначальной родины. На долину Кура указываютъ и названія Грузіи у мухамеданскихъ сосѣднихъ народовъ: у Тур. и Перс. *мурджистанъ*, у русскихъ *Грузія*, хотя, дѣйствительно, у Армянъ называется *Վրացի արքայի տերություն* (къ знакъ множ. ч.), или народная форма (vulgar?) *Վրաստան* wrastan каковое названіе имѣетъ въ виду иберійцевъ, обитающихъ на западѣ (?); (über das Mingrel. etc. p. 46).

Словомъ, всѣ эти изслѣдованія Розена полны остроумныхъ мыслей, наблюдательности, оригинальныхъ и мѣткихъ соображеній, и строгаго грамматическаго тапта. Одинъ упрекъ можно сдѣлать автору,

именно, что его труды весьма кратки и, что матеріальная, фактическая сторона ихъ далеко не соответствуетъ формальной. Собранія словъ и фразъ, находящіяся въ концѣ каждаго изслѣдованія недостаточны для того, чтобы читатель имѣлъ возможность, провѣривъ грамматическіе выводы автора на примѣрахъ, самъ убѣдился бы въ ихъ безошибочности— авторъ не позаботился присоединить къ своимъ трудамъ хоть нѣсколько коротенькихъ текстовъ на изслѣдуемыхъ имъ языкахъ, нѣсколько пѣсень, пословицъ, сказокъ, которыя могъ онъ, будучи на мѣстѣ, легко записать со словъ своего сісегопе — мулы, природнаго лаза, сопровождавшаго его.

II.

ФОНЕТИКА.

Мы напрасно стали бы искать у груз. грамматиковъ изложенія фонетики груз. языка, сколько-нибудь соотвѣтствующаго и удовлетворяющаго требованіямъ научной фонетики. Мы не находимъ у нихъ *) строгаго анализа звуковъ и ихъ видимыхъ представительницъ — буквъ; не изслѣдованы законы ихъ соединенія, раздѣленія, перехода одного въ другой, вставки, выпаденія, ассимиляціи, диссимиляціи, дѣйствующихъ на предшествующіе и послѣдующіе звуки и т. п. Все разсужденіе объ этомъ предметѣ, имѣющемъ первостепенную важность въ грамматикѣ (см. стр. 94), ограничивается въ груз. грамм. повѣствованіемъ традиціонныхъ свѣдѣній о началѣ и происхожденіи груз. алфавита, о числѣ буквъ, ихъ начертаніи, распредѣленіи по органамъ произношенія и т. п. словомъ, передачей педагогико-физиологической стороны звуковъ. Конечно, то обстоятельство, что всѣ онѣ, сколько ихъ ни есть, предназначены учебниками, значительно извиняетъ и объясняетъ далеко не научное изложеніе ихъ, хотя наука отъ подобныхъ „смягчающихъ вину обстоятельствъ“, понятно, ничего не выигрываетъ.

§ 24. Антоній говоритъ (§ 156 № 2), что груз. народъ получилъ отъ предковъ и первыхъ учителей при первомъ царѣ Фарнаозѣ (ж. за 300 л. до Р. Х.) 39 буквъ, но послѣ того какъ онъ (Антоній) сдѣлался по искуснѣй (ფარსაჲ-გვებრუნს) въ грамматиц. искусствѣ, по долговре-

*) За исключеніемъ г. Броссе, который подъ рубрикой: de la prononciation, usages et permutation, довольно подробно излагаетъ нѣкоторыя звуковыя измѣненія и особенности фонетики груз. языка, L'art libr. p. 12 — 24.

менно въ обсужденіи, нашелъ необходимымъ прибавить къ нимъ еще одну гласную *z*. Антоній не опредѣляетъ характера звука, представляемаго этимъ новоизобрѣтеннымъ знакомъ, въ § 152 говоритъ кое-что только объ его употребленіи, именно, что онъ ставится въ словахъ съ нѣсколькими согласными, а въ глаголахъ является характеромъ (?) спряженій, равно и въ стихахъ ставится въ началѣ и концѣ, что, однако, неслѣдуетъ вставлять его часто и насильно, когда природа слова того не требуетъ. Во многихъ мѣстахъ вступаетъ Антоній въ полемику съ тѣми, которые усумнились бы въ необходимости новоизобрѣтеннаго имъ знака для груз. языка. Онъ предлагаетъ предпологаемымъ противникамъ такого рода вопросы: возможно ли выговорить нѣсколько согласныхъ безъ гласн. звука? Вы отвѣтите, что нельзя. Какимъ обр. въ состояніи образовать слогъ три, четыре и болѣе согласныхъ безъ гласной? Если вы сколько-нибудь знакомы съ грамм. искусствомъ, то должны сказать, что не въ состояніи. Итакъ, заключаетъ нашъ грамматикъ, вы должны признать изобрѣтенную мною букву необходимой для груз. языка.

Этого знака нѣтъ ни въ одной изъ древнихъ рукописей, или печатныхъ книгъ, и послѣ Антонія встрѣчается только у ближайшихъ преемниковъ его по грамматикѣ — царевича Давида и Гаіоза (который ему отводитъ въ алфавитѣ 40-ое мѣсто, у Антонія же онъ занимаетъ 24 т. е. между *z* и *zj*), всѣ же остальные справедливо оставили его безъ вниманія. Насколько можно судить, онъ долженъ былъ, по мысли изобрѣтателя, играть приблизительно ту же роль, какую играетъ, напр. въ арм. *ը*, приближающійся нѣсколько по произношенію къ русск. *ы*, фр. *ê* (въ иныхъ случаяхъ не пишется), и, позволяющій произносить слова со многими согласными, напр. *Մխիտար* (Мхитар), произн. какъ *Մրիտար* (мхитар) *սմբատ* (сѣбат), *սրմբատ* (сѣмбат) *). Антоній самъ примѣняетъ, впрочемъ, съ болѣею непослѣдовательностью, новый знакъ, болѣею частью, къ словамъ съ нѣсколькими согласными средняго губно-зубнаго прикосновенія и плавнымъ *Ե* (*г*), *Է* (*л*), какъ *Նշեթյե* мудрецъ, *Նշեթեթյե* повѣленіе, произношеніе которыхъ, дѣйствительно, болѣе или менѣе продолжительно (*Dauerlaute*), чтò обусловливается ихъ природой. Въ одной и той же группѣ согласныхъ

*) Исслѣдованіе о составѣ армянскаго. языка К. Патканова. Спб. 1864, стр. 24 — 25.

другой разъ нѣтъ этого знака, какъ-будто изобрѣтатель забылъ его, что, между прочимъ, доказываетъ отсутствіе внутренняго чутья (Sprachgefühl), не подсказывавшаго, что въ данномъ мѣстѣ данный звукъ необходимъ. Кромѣ того, если Антоній думалъ, по праву грамматика, устранить, весьма обыкновенное въ груз. языкѣ, стеченіе трехъ, четырехъ и болѣе согласныхъ, то слѣдовало прежде всего помочь гортаннымъ звукамъ. Если бы Антоній не исходилъ изъ предвзятой мысли, что будто невозможно произнести нѣсколько согласныхъ порознь и вмѣстѣ безъ гласной, а обратился бы къ самому языку, то нашель бы, что оно возможно, и, что это значительное стеченіе согласныхъ есть характеристическая черта груз. языка, отличающая его, между прочимъ, отъ другихъ иберійскихъ сонарѣчій мингрельскаго, лазскаго, напр. груз. ღმერთი Богъ, мингр. ღმერთი, лазск. ღმერთი (ღმერთთა, მერთთა), сван. ღმერთ; груз. ძაღლი собака, мин. ჰღღერი; груз. ხმელი сухой, лаз. ხმელას; груз. ზღვა море, лаз. ზღა и т. п. Хотя историческое правописаніе и даетъ намъ, до нѣкоторой степени, право предполагать, что въ древнемъ періодѣ жизни груз. языка стеченіе согласныхъ было не въ такой мѣрѣ, какъ въ позднѣйшее время, но уже въ надписяхъ VII—XIII вв. мы встрѣчаемъ во множествѣ замѣненіе гласныхъ и придыхательныхъ согласными, такъ, вмѣсто ჳ-ჳჳ. в. ჳ-ჳ (ღჳღნი = ჳჳღნი нашъ, თჳთა = თათთა свой, ჳჳთათა = ჳჳთათა—божество), тѣмъ не менѣе, положительно можно сказать, что, если звукъ, соотвѣтствующій антоніевой буквѣ и существовалъ когда-либо въ груз. языкѣ, то его уже не стало за долго до Антонія. Можетъ быть, кромѣ арм. ը, Антоній имѣлъ въ виду и аналогическое явленіе въ мингр. языкѣ (ჳჳჳღღთა муравей, ჳჳჳჳჳჳჳ сынъ), въ которомъ, дѣйствительно, слышится родъ звука, приближ. къ русск. ы, — что, конечно, Антоній легко могъ знать, будучи долгое время въ Имеретіи — кутаисскимъ митрополитомъ *).

*) Антоній ничего не говоритъ о томъ, были ли при груз. царѣ Фарнаозѣ изобрѣтены буквы груз. церковнаго алфавита, или гражданскаго, или же оба эти алфавита считаетъ онъ въ основаніи тождественными. Объ этомъ вопросѣ нѣсколько распространяется г. Броссе (L'art libéral, p. 7, и Journ. asiat. 1833, Mai, p. 395) говоря, что груз. буквы представляютъ неоспоримое сходство съ армянскими, зендскими и санскритскими-деванагари алфавитн. знаками, что было замѣчено еще Анкетилемъ Дюперономъ. Клапротъ въ этомъ направленіи идетъ еще дальше: онъ полагаетъ (Élément de la langue géorgienne p. 1—9), со словъ арм. историковъ, что св. Месропъ (410 г. по Р. Хр.), составивъ

§ 25. Антоній дѣлитъ (§ 156), всѣ звуки груз. языка на а) *безгласные*, согласные (ჟჳდებო — 30), б) *гласные* самозвучные (ოჴო-ჟდებბო — 5) и в) *несамозвучные*, придыхательные (სჴჴჴდებბო — 5). Затѣмъ онъ приступаетъ къ физиологическому дѣленію ихъ — по мѣсту зарожденія звуковъ, по органамъ произношенія и по силѣ напряженія ихъ въ слѣд. порядкѣ: а) согласные ღ, ჳ, ჴ, ოз (губ-

для своего (арм.) народа азбуку, отправился въ Грузію, по приглашенію груз. царя Арчила (413—446), гдѣ онъ составилъ и груз. алфавитъ изъ 38 буквъ. Изобрѣтеніе же гражд. азбуки, продолжаетъ Клапротъ, груз. историки приписываютъ 1-му груз. царю Фарнаоу... но, справедливо замѣчаетъ онъ, округленная форма знаковъ гражд. письма, изъ которыхъ многіе представляютъ только свободное подраженіе (*une imitation libre*) знакамъ церк. алфавита, да и то обстоятельство, что по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей (?), гражд. алфавитъ былъ введенъ въ употребленіе около 1812 г. въ эпоху реформы (?) груз. лѣтосчисленія, даютъ намъ право заключить, что груз. гражд. алфавитъ позднѣйшаго происхожденія. Съ перваго взгляда кажется, говорить тотъ же авторъ, что груз. церковн. письма имѣютъ много сходства съ армянскими, но это сходство только кажущееся, ибо, анализируя точнѣе знаки этихъ двухъ азбукъ, мы находимъ только весьма не много сходства въ начертаніи и формѣ знаковъ ихъ. Но груз. алфавитъ, съ исторической точки зрѣнія есть важное явленіе (*rèpnomène*): большая часть его знаковъ имѣютъ поразительное сходство (*une ressemblance frappante*), съ знаками *déva nagari* и другихъ алфавитныхъ знаковъ Индіи, происшедшихъ отъ него. Далѣе Клапротъ, сравниваетъ 15 груз. алф. знаковъ съ таковыми же деванагари, и гдѣ явнаго сходства нѣтъ, тамъ онъ приводитъ пенджабскіе, магратскіе, бенгальскіе, бирманскіе, кашмирскіе, даже тибетскіе и др. алф. знаки; если они не имѣютъ «поразительнаго сходства» съ знаками груз. церк. алфавита, тогда Клапротъ сравниваетъ ихъ гражданскими и т. п. Словомъ прибѣгаетъ ко всякаго рода натяжкамъ, чтобы только найдти предположенное сходство. Теперь, спрашивается: чѣмъ объяснить такое странное явленіе, что знаки груз. церк. алфавита, давнѣ существованіе гражд. алфавиту и арм. алфавитъ, обязанные одному и тому желицу, своимъ происхожденіемъ, имѣютъ сходство только въ трехъ знакахъ, по Клапроту, большая же часть знаковъ груз. алфав. сходна съ санскритскими письменами, какъ силится доказать Клапротъ? Для объясненія такого феномена этотъ ученый даетъ преоригинальную теорію, вотъ его комбинаціи: сходныхъ знаковъ въ груз. алфавитѣ съ санскритскими слишкомъ много, говоритъ онъ, чтобы это было дѣломъ случая, но оно объясняется слѣд. образомъ: первымъ и пламеннымъ желаніемъ Месропа было, когда онъ по приглашенію Саака явился въ Вагаршападъ, истребить идоловъ, оставшихся еще въ Арменіи, мѣру эту онъ считалъ одинаково полезною какъ для религіи, такъ и для государства. Кромѣ того Месропъ зналъ, что общность (*communauté*) алфавита, употребляемаго въ Персіи и Арменіи служить важнымъ препятствіемъ къ повсѣмѣстному распространенію христіанства, вслѣдствіе легкости, съ какою могли получать запрещенныя книги, тогда какъ свящ. книги, писанныя на иностранныхъ языкахъ, иностранными буквами, недоступны были народу; вотъ, по этой-то причинѣ и составилъ

ные) произносятся, въ соединеніи съ гласною *э*, прикосновеніемъ губъ между собою; подобнымъ же образомъ (?) произносятся и (гортанные) *б*, *д*, *ж* при легкомъ участіи гортани; *ф*, *м*, *п* (зубные) произносятся, въ соединеніи съ различными гласными, нѣсколько широкимъ (*ფაბო-ფაქე*) прикосновеніемъ кончика языка къ поверхности (нёба) близь зубовъ; *з* же произносится, въ соединеніи съ *о*, легкимъ сжатіемъ внутренней части губъ (?); *ч*, *с*, *ц*, *д*, *ф* произносятся, въ соединеніи съ различными гласными, острымъ (*ძვეჯესტაქე*) прикосновеніемъ кон-

Месропъ арм. алфавитъ изъ знаковъ, имѣющихъ весьма мало сходства съ письменами персовъ и другихъ, нехристіанскихъ народовъ, обитавшихъ въ странахъ сосѣднихъ съ Арменией. Позже, когда онъ прибылъ въ Грузію, руководствуясь тѣми же соображеніями (*motifs*), составилъ азбуку, предназначенную для употребленія въ этой странѣ, изъ знаковъ, частью произвольно выдуманныхъ, частью же взятыхъ имъ изъ индійскаго алфавита, который въ его время, можетъ быть, былъ еще въ употребленіи въ Бактрианѣ и на берегахъ Инда, слѣд. онъ могъ его знать.

Какъ ни остроумна эта теорія Крапрота, внушенная можетъ быть общимъ недугомъ того времени — все производить изъ Индіи и человѣчество, и религію, и философію, и языки, и письмена, казалось, будто средневѣковья суевѣрныя понятія о богатствѣ Индіи, въ другомъ, культурномъ смыслѣ, снова воскресли въ Европѣ, — тѣмъ не менѣе теорія эта гораздо менѣе убѣдительно, чѣмъ лѣтописныя сказанія о происхожденіи груз. алфавита. Въ силу этихъ сказаній, основываясь и на сходствѣ значительнаго числа знаковъ, можно съ нѣкоторою достовѣрностью сказать, что въ основу груз. церк. алфавита легли знаки арм. месроповскаго (хотя, дѣйствительно, алфавитный порядокъ этихъ двухъ системъ значительно разнится другъ отъ друга) и вошли въ употребленіе, вѣроятно, въ эпоху водворенія христіанства въ Грузію, когда было положено начало и груз. литературѣ. Существовали ли до того времени въ Грузіи какіе-нибудь письменные знаки, фактическихъ доказательствъ для этого пока неимѣется. Знаки же груз. гражд. алфавита, съ большею вѣроятностью, можно разсматривать за дальнѣйшее, позднѣйшее развитіе груз. церк. алфав. знаковъ. Хотя, къ сожалѣнію, для нагляднаго объясненія процесса, которымъ совершался этотъ переходъ отъ прямолинейной къ округленной формѣ, между которыми непривычный глазъ замѣтитъ, пожалуй, мало сходства, у насъ еще не много фактовъ, и тѣ не собраны, и не изложены въ послѣдовательномъ порядкѣ, наглядно представляющемъ вполнѣ логическое, органическое видоизмѣненіе и упрощеніе этихъ знаковъ (кое-что объ этомъ см. въ прекрасномъ трудѣ г. Л. Загурскаго: *Кавказско-Горскія письмена*. Тифл. 1871, стр. 2 — 3).

Насъ занимаютъ въ настоящемъ трудѣ буквы какъ представительницы *з* *в* *у* *к* *о* *в* *ъ*, а не сами по себѣ, поэтому не считаемъ удобнымъ распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ; между тѣмъ, вопросъ о груз. алфавитахъ такъ, важенъ, такъ своевремененъ, и столько еще спорнаго и темнаго въ ихъ исторіи и графикѣ, что считая необходимымъ поговорить объ этомъ по подробнѣе, при удобномъ случаѣ, въ особой статьѣ.

чка языка къ поверхности (нёба); æ , б произносятся, въ соединеніи съ первой гласною (с), посредствомъ нѣскольکو широкаго прикосновенія кончика языка къ поверхности (нёба); г , д , в , ж , з произносятся, въ соединеніи съ различными гласными, сильными и широкими прикосновеніемъ кончика языка къ нёбу; г , д , ж произносятся, въ соединеніи съ первой гласной, при дѣятельномъ участіи гортани; ф произносится при помощи первой гласной, легкимъ прикосновеніемъ между собою внутреннихъ поверхностей губъ (з). Нашъ грамматикъ забылъ ѳ , которую слѣдуетъ отнести къ 6-ой категоріи плавныхъ.

И такъ всѣхъ категорій согласныхъ звуковъ 9, по Антонію; органы, принимающіе участіе въ образованіи и произношеніи этихъ звуковъ, какъ мы видѣли, суть: языкъ, или лучше кончикъ его, играющій въ классификаціи Антонія самую видную роль, такъ какъ при помощи его образуются изъ 30 звуковъ 16, остальные распределены между нёбомъ, губами и гортанью, слабое или сильное напряженіе которыхъ сообщаетъ звукамъ тѣ или другіе фонетическіе отбѣнки.

б) Гласные: с , д , о , е , з произносятся протяжнѣе, чѣмъ в) придыхательные: ѳ , а , ы , ѣ , э (ж), заимъчаетъ Антоній (въ § 157); неговоря больше ничего о фонетич. характерѣ первыхъ, онъ нѣсколько распространяется о послѣднихъ: ѳ , продолжаетъ Антоній, произносится съ участіемъ гортани и есть глухо-произносимое д ; а , произносимое также съ участіемъ гортани есть глухое о ; э также требуетъ участія гортани; ѣ произносится глуше, чѣмъ с ; основной звукъ ж глухое е . Эти два послѣдніе звука Антоній причисляетъ къ согласнымъ, на томъ-де основаніи, что они отдѣльно, безъ основныхъ ихъ звуковъ с и е не въ состояніи образовать слога; ѳ , а , ы будто-бы могутъ образовать слогъ, ѳ и ы кромѣ того, по Антонію, служатъ характеромъ въ глаголахъ, а не встрѣчается въ началѣ словъ, въ серединѣ рѣдко, а обыкновенно въ концѣ. Вотъ, въ главныхъ чертахъ все, что мы встрѣчаемъ у Антонія о природѣ груз. звуковъ. Несмотря на похвальное стараніе Антонія подробно описать физиологическую сторону ихъ, все-таки его описаніе не дастъ яснаго понятія о груз. звукахъ, такъ какъ у него нѣтъ строгаго подраздѣленія ихъ на категоріи и точнаго описанія мѣстъ ихъ зарожденія, опредѣленія его не обнимаютъ характеристическихъ чертъ ни звуковъ, ни органовъ произношенія, напр., опредѣленіе з 6-ой катег. и ф 9-ой кат. совершенно одинаково, и въ обоихъ случаяхъ опредѣленіе опи

бочно, такъ какъ, оба звука *зубно-зубные*, а не *зубные* только, какъ думаетъ нашъ авторъ.

О груз. звукахъ довольно подробно разсуждаетъ и Маджій *); онъ дѣлитъ ихъ на слѣд. категоріи: 1) *voales* а, я, о, ѳ, у; 2) *consonantes* б, г, д, ж, ѳ, ѳ, о, а, я, г, д, б, о (слѣдовало е) з, ш, ѳ, к, ц, ѳ, д, г, ж, б, г, ж, ѳ, ж; 3) *planae* ѳ, ѳ, ж; 4) *mutae* б, г, г, ж, ѳ, ѳ, о, а, я, г, д, б, (е), з, ш, к, ц, ѳ, д, г, ж, б, г, ж; 5) *duplae* ѳ, з, г, г, г, ж, б, д; 6) *gutturales* з, г, б, д, ж, ѳ; 7) *vuales* я, у, д, ѳ; 8) *palatinae* г, з, б, г, ж, ж; 10) *sibilantes* ѳ, к, д, ѳ; 10) *balbutientes* г, о, ц; 11) *flectae* г, б, ѳ; 12) *labiales* б, д, з, ѳ; 13) *moles* ж, о (е). Изъ этого распредѣленія звуковъ видно какъ произвольно распоряжается съ ними Маджій,—подъ рубрикой полныхъ (*planae*) онъ помѣщаетъ ѳ (г), ѳ (на) и ж (но), на томъ основаніи-де, что они не нуждаются для произношенія въ помощи гласныхъ, вѣдь на этомъ же основаніи онъ могъ сюда причислить и всѣ остальные придыхательныя и гласныя. Гортанныя: я, д, г (k, k', q) Маджій назыв. *vuales* (*quae scilicet formantur in vua*), а ѳ, г, б, д, ѳ, ж (he, g', x, x', ha, ho) называетъ гортанными на томъ основаніи-де, что въ ихъ произношеніи больше всѣхъ другихъ органовъ принимаетъ участіе гортань. Такая же случайность признаковъ и искусственность опредѣленія природы звуковъ видны и въ названіи зубныхъ: г, о, ц, и плавныхъ: ѳ, г, б, изъ которыхъ первые называетъ *balbutientes*, потому-де, что *qui balbutiunt, in harum literarum sono, verba confundunt*, вторые же *flectae*,—*in quibus exprimendis lingua tanges dentium flectitur...*

*) Syntagmaton etc. cap. II, p. 3 — 10.

Мы представляемъ звуки грузинскаго языка, для наглядности и краткости, въ нижеслѣдующей, нами составленной, таблицѣ.

С О Г Л А С Н Ы Е.										ГЛАСНЫЕ.
М Г Н О В Е Н Н Ы Е.										
	Непридыхательные.		Придыхательные.		Продувные.		Носовые.	Плавные.		
	Глухіе.	Звонкіе	Глухіе.	Звонкіе	Глухіе.	Звонкіе				
Гортанные	ა, ბ	ბ	აჲ	ბჲ	ტ, ძ	ჭ, ჭ			ა, ბ	
Нёбные	ვ	ჟ	ყ		ჟ	ღ, ღ			ო	
Язычные						ჩ		ჩ, ჯ	ე	
Зубные	ც, წ	ძ	ც	ც, ძ	ც	ჭ	ბ			
Губные	ჳ	ღ	ღ		ღ	ჳ, ჭ	ა		უ	

МОРФОЛОГІЯ.

§ 26. *Родъ* *Ետյեացո*, какъ мы видѣли въ I-ой ч. нашего труда, составляетъ камень преткновенія для груз. грамматиковъ, кромѣ Маджія, Фатера, Клапрота, Броссе и Д. Чубинова, всѣ остальные находятъ въ груз. языкѣ *четыре* рода, такъ по Антонію (§ 181, можетъ быть по подражанію Мхитару, который также ошибочно допускаетъ четыре рода въ арм. языкѣ): мужескій *մածրածուտո*, *մած* отецъ, *խան* бнѣкъ; женскій *մզգրածուտո*, *զգր* мать, *օղբո* корова; средній *քիչքիչածուտո*, *քիչ* камень, *ևհան* домъ; общій *ևսնուգաճա*, *կաճո* человѣкъ, *մշու* дитя и т. п. *). Существительное имя, говоритъ нашъ грамм., не имѣетъ особенныхъ знаковъ для обозначенія въ словахъ мужескаго или женскаго рода, но нѣкоторыя прилагательныя принимаютъ для обозначенія женск. рода окончаніе *ս* (а); въ подтвержденіе своей мысли Антоній приводитъ нѣсколько примѣровъ (всѣ сущ. имена) изъ Библии: *Հանքս* (Руф. 2, 3) дѣва, *ղոթա* (Ис. 24, 2) госпожа, *Յոթա* (Перем. 44, 17) царица, *Մանսհանքիքիչքիչա* (Ис. 8, 3) пророчица, *ղեմաս* (Иер. 34, 11) дѣвочка (отрочица), *քեթաղա* (Иер. 44, 9) еврейка, *Մանսղա* (Ис. 15, 1) моавитянка. Въ цитованныхъ мѣстахъ упомянутыя слова встрѣчаются, какъ я убѣдился изъ справокъ, дѣйствительно, въ той формѣ, въ какой приводитъ Антоній, между тѣмъ ни въ Евангеліи, одномъ изъ древнѣйшихъ документовъ груз. письмен-

*) По этому случаю вѣрно замѣчаетъ г. Броссе: *il me parôit évident que, d'un côté Antoni a confondu le genre grammatical, et ses signes de convention avec les sexes naturels; et que, de l'autre, il fait de l'exception la règle, puisque les 7 exemples ci-dessus sont à-peu-près les seuls connus. L'art libér. p. 42.*

ности, ни въ древне-свѣтской или духовной литературѣ, равно и надписяхъ VI — VII вв., какъ и въ разговорномъ языкѣ нѣтъ подобной формы, упомянутыя мѣста Библии я склоненъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что издатели груз. Библии (Москва 1743), сличая ее предварительно съ греческой, славянской и др. Библиями, какъ они сами говорятъ въ предисловіи, весьма вѣроятно, что они (безсознательно или сознательно — это другой вопросъ), допустили эти чуждыя груз. языку формы, единственно по подражанію языкамъ, имѣющимъ грамм. роды, таковыхъ, искусственно составленныхъ словъ не мало можно встрѣтить, напр., въ современномъ разговорномъ и письменномъ груз. языкѣ — далеко не классическомъ. Всѣ эти грамматики упускаютъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство, именно, что грамматика имѣетъ дѣло не съ *материальной*, или логической стороной понятій, предметовъ и явленій, но съ *формальной*, звуковой — насколько, какъ и чѣмъ эти явленія сказываются, обнаруживаются въ *звукѣ*, когда говоримъ, и *письмѣ* когда передаемъ эти звуки условными, видимыми знаками, словомъ, цѣль грамматики, напр. относительно родовъ, изслѣдовать: перемѣняется ли одно и то же слово въ какой-нибудь изъ своихъ частей (въ началѣ, серединѣ, концѣ) когда оно относится къ мужчинѣ, и когда женщинѣ, или, вообще, къ совокупности существъ, понятій, предметовъ и явленій, относимыхъ, обыкновенно по аналогіи, къ той или другой сферѣ, — вотъ вся задача грамматики! Какъ ни простымъ и азбучнымъ кажется это правило, но, къ сожалѣнію, и сегодня еще въ обращеніи въ Грузіи школыхъ руководство груз. грамматики (конечно, сбивающій съ толку учащихся), въ которомъ излагается совершенно антоніевское дѣленіе родовъ, хотя, съ появленія грамм. этого замѣчательнаго человѣка, прошло болѣе чѣмъ сто лѣтъ, пора бы понять и убѣдиться груз. грамматикамъ въ этомъ простомъ фактѣ. Грамматическая голова Маджія легко поняла это и прямо говорить, что въ груз. языкѣ нѣтъ родовъ, стр. 50.

§ 27. *Чиселъ* სიჭზ , въ груз. языкѣ два: *единственное* მეცხედობა и *множественное* მრავალბობა ; *двойственнаго* მეცხედობა нѣтъ, въ этомъ согласны всѣ грамматики.

Множ. ч. образуется посредствомъ слоговъ ბო, ჯბო (см. стр. 50 — 51): კაც-ბო, კაც-ჯბო люди, иногда эти знаки удваиваются: კაც-ჯბ-ბო люди. Кроме того множ. число можетъ быть выражено повтореніемъ одного и того же слова въ формѣ ед. числа: დოღ-დოღო большіе.

§ 28. Относительно числа *падежей* ბრუნება, равно какъ и *склонений* ბრუნებებს, груз. грамм. не согласны между собою; они дѣлятъ имена не по *темамъ*, а по *окончаниямъ*, впрочемъ относительно склоненія давно всё они пришли къ заключенію, что оно *одно* за весьма немногими отступленіями (см. стр. 35).

Г. Броссе допускаетъ 10 падежей, 7 простыхъ (cas simples) и 3 сложныхъ (cas complexes). Антоній же 8 слѣд.: 1) წესუჯობითი, ანუ სხესუჯობითი *прямой* (casus rectus), или *именительный*, 2) ნათესობითი *родительный*, 3) მტკმითი *дательный*, 4) უკმისმენესობითი *существительный*, 5) დაწყებითი *начинательный*, 6) მოთხრობითი *повествовательный*, 7) მოქმედებითი *творительный*, и 8) წოდებითი *звательный*, приѣрн: 1) მამამ, მამებს, მამე, 2) მამამ-ის, მამებს-ის, მამე-ის, 3) მამამ-ის, მამებს-ის, მამე-ის, 4) მამამ-ი, მამებს-ე, მამე-ე, 5) მამამ-ის-გან, მამებს-ის-გან, მამე-ის-გან, 6) მამამ-მან, მამებს-მან, მამე-მან, 7) მამამ-ითა, მამებს-ითა მამე-ითა, 8) ჯ, მამამ, მამებს-ა მამე-ა.

Изъ всѣхъ этихъ падежей органическую форму и спеціальные знаки имѣютъ: *род. дательн. творительн. и зательн.* падежи. Въ имен. падежѣ слово имѣетъ форму и окончаніе имени вообще; т. е. оканчивается на всѣ гласныя, и придыхательныя, и изъ согласныхъ преимущественно: მ, ს, ჭ, ბ. Форма *сущ. п.* есть также *именительн.* форма съ придых. ა, часто присоединяемымъ въ древн.—груз. языкѣ къ словамъ, неокончающимся на гласн. ა, и, имѣющимъ нѣкоторое *указательное* (démonstratif) значеніе, какъ и этотъ послѣдній однородный съ нимъ гласн. звукъ. И форма *повств. п.* та же *именительн.* форма съ мѣстоименіемъ указательнымъ მას „тотъ“, играющимъ въ этой сложной, постпозиціонной формѣ роль *опредѣлительн. члена*, являющагося, по духу груз. языка, въ видѣ *послѣлога*. *Начинательный* же п. Антонія, есть ничто иное какъ *род. п. съ послѣлогомъ* მას „отъ, изъ“, и такихъ падежей можно образовать, по меньшей мѣрѣ, еще десятка два, т. е. столько, сколько въ языкѣ *послѣлоговъ*, требующихъ тѣхъ или другихъ падежей; то же самое слѣдуетъ замѣтить и о сложныхъ пад. г. Броссе, названныхъ *causatif* и *local*, которые состоятъ также изъ *послѣлога* и *требуемаго* имъ падежа, такъ: *ოჯ* „для“, *მამს* „въ“, первый сочин. съ *род. п.* მამ-ის *ოჯ* „для отца“, второй съ *дат. სხეს-ს* *მამს* „въ домѣ“.

Къ числу глубокихъ граммат. соображеній Антонія принадлежить и замѣчаніе его о крайне своеобразномъ употребленіи *род. падежа* въ

груз. языкѣ: родительн. п., говоритъ онъ (№ 2, § 197), имѣеть весьма похвальное обыкновеніе, — онъ часто согласуется съ именемъ, котораго опредѣлителемъ (კანმაჰოთარკებლად) онъ является въ предложени; для подтвержденія этой мысли Антоній приводитъ 13 примѣровъ, большею частью изъ Библии, вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: ძე-ნო ლჳ-ის-ნო ძვტი ლევია (соб. дѣти левійскія) გუამ-ის ქრისტე-სი-სა ტვლა Христова, კელ-ოთა მარტოქულე თა-თა руками апостоловъ (соб. апостольскими) ძე-ნ-ო კატ-თა-ნ-ო, дѣти чловѣческія (Езек. 38, 2) и т. п. Внутренній смыслъ этого „похвальнаго обыкновенія“ можно объяснить слѣд. образомъ: форму род. падежа духъ груз. языка разсматриваетъ какъ *прилагательное*, и въ такомъ видѣ она, согласуясь съ управляющимъ существительнымъ, полагается въ требуемомъ имъ падежѣ и числѣ, при чемъ, сверхъ своего падежнаго окончанія, принимаетъ и знакъ падежа, требуемаго существительнымъ *).

§ 29. Прилагательныя склоняются въ груз. языкѣ какъ и существительныя; первыя могутъ предшествовать послѣднимъ, но въ классическомъ языкѣ они обыкновенно слѣдуютъ за нимъ, въ обоихъ случаяхъ могутъ быть и безъ падежныхъ флексій, хотя этого избѣгаетъ древне-груз. языкъ.

О формѣ и образованіи степеней сравненія я уже говорилъ (стр. 52), здѣсь только замѣчу, что суфф. კბრო, выдаваемый Антоніемъ за знакъ сравнителн. степени, не имѣеть этого значенія въ языкѣ; онъ значитъ единственно „подобный, подобно, по, какъ, также“ и есть знакъ *уподобленія*, а не сравненія, такъ: კეთილ-კბრო не знач. „добрѣе“ но „добрватый“ მკაცრ-კბრო „коротковатый“ и т. п. У послѣдующихъ грамм. справедливо является знаками этой степени преф. უ и суфф. ესი უ-კეთ(ილ)-ესი добръе, отъ კეთილი добрый.

§ 30. Склоненіе мѣстоименій, особенно личныхъ, отстуетъ нѣсколько отъ склоненій именъ. Эта часть рѣчи изложена у Антонія подробно, но у г. Броссе изложеніе ея отличается какъ полнотою, такъ и, что важнѣе, строгимъ анализомъ и расчлененіемъ запутанныхъ и, такъ сказать, скрещенныхъ мѣстоименныхъ элементовъ **), играющихъ такую важную роль въ организмѣ языка.

*) На это рѣдкое свойство груз. языка обратилъ особенное вниманіе и Бопшъ: die Kaukas. Glieder. d. Indo-europ. Spr. Berl. 1844, p. 20.

**) L'art libéral p. 140—166.

§ 32. Характеристическая особенность груз. глаголовъ состоятъ, преимущественно въ употребленіи мѣстоименныхъ элементовъ въ видѣ префиксовъ (въ двухъ 1-ныхъ л., а въ 3-ихъ л. въ видѣ суфф.) слитно съ формой глагола и измененіи гласныхъ, являющихся между личнымъ знакомъ и темой глагола, видоизмѣняющихся грамматическое значеніе слова, такъ: ვ-წკ (w-seg) я пишу, მ-წკ (m-seg) мнѣ пишешь (მე те мѣст. 1-го л. я), ვ-წკ-ი (w-seg-e), ვ-წკ-ი-ც (w-seg-d-i) я писалъ, მ-წკ-ი (m-seg-e), მ-წკ-ი-ც (m-seg-d-i) (ты) мнѣ писалъ, ვ-წკ-ო (w-seg-o) если я буду писать, მ-წკ-ო (m-seg-o) если (ты) мнѣ будешь писать и т. п. ვ-ა-წკ (w-a-seg) я надписываю, приписываю (ему), მ-ა-წკ (m-a-seg) надписываешь на меня, ვ-ი-წკ (w-i-seg) я выписываю, пишу для себя, მ-ი-წკ (m-i-seg) выписываешь для меня, пишешь мнѣ, ვ-უ-წკ (w-u-seg) я пишу ему, для него, უ-წკ-ს (u-seg-s) онъ пишетъ ему, для него, ვ-ი-წკ-ვ-ი , — ებ-ი (w-i-seg-w-i, —eb-i) страдательн. форма — меня пишутъ, ვ-ე-წკ-ვ-ი , — ებ-ი (w-e-seg-w-i, —eb-i) я пишушь, მ-ე-წკ-ვ-ი , — ებ-ი (m-e-seg-w-i, —eb-i) приписываешь мнѣ и т. п.

Всѣ эти модификаціи обязаны измененію звуковъ: ვ w, მ m, ს s, ე j, ი o, უ u. Первые два w и m суть мѣст. 1-го л. и, безъ сомнѣнія, они одного происхожденія, хотя функціи ихъ различны, — 1-ое замѣняетъ прямыя падежи, 2-ое косвенныя, какъ мы видѣли; дальѣе *a* придаетъ глагольной формѣ всегда значеніе *дѣйствительнаго*, и чаще *переходящаго* глагола; *e* иногда *дѣйствительн.*, или *средн.*, но большею частью *страдательн.* значеніе, равно какъ *i*, служащій характеромъ *страд. залога*, см. стр. 12.

На эту особенность груз. глагола обратили особенное вниманіе и груз. грамматики; Антоній находитъ въ глаголахъ четыре главныя составныя части: 1) корень (основа) глагола წკ წკნს 2) характеръ спряженія ს სნს მ მწკ ვ ვწკ ; 3) знаки лицъ ი მ ს ც ო ვ ბ ს 4) зн. чиселъ მ მწკ ვ ვწკ ; таковы: 2) ს , ვ , უ , ო , ა , ე , უ , ი , суфф. ე , ო , ფ , 3) ვ , მ , ს , ე , ვ , ვ , w , h , s , m , g , u , 4) ო , ბ , ტ , п .

Мѣстоименные элементы — преф. были замѣнены и Маджіемъ см. стр. 53. Подлѣе и систематичнѣе изложены они у Броссе, *L'art libér* p. 165. Тогда какъ для наклоненій спеціальнаго знака въ большинствѣ случаевъ нѣтъ налицо, знаки главныхъ *временъ*, особенно простыхъ, ясно выступаютъ въ формахъ глаголовъ, такъ, напримѣръ, для прош. совер. ვ ე , прош. несовер. ვ ე დ , будущ. услов. ვ ე ო , наст. услов. ვ ე ვ ე .

ОТГЛАГОЛОННОЕ ИМЯ 𑀧𑀸𑀓𑀾𑀢 ПИСАТЬ.

Изъявительн. наклон.

Услов. наклон.

Настоящ. вр.	ед. ч.	}	𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢,
мно. ч.			𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢.

Настоящ. вр.	ед. ч.	}	𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢,
мно. ч.			𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢.

Прошед. несоверш.	ед. ч.	}	𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
мно. ч.			𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀧-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢.

Прошедш. соверш.	ед. ч.	}	𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢),
			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢),
			𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢),
мно. ч.			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢,
			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢,
			𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢.

Прошед. соверш.	ед. ч.	}	𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢,
мно. ч.			𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢.

Давнопрошед.	ед. ч.	}	𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢.
			𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢,
мно. ч.			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢.

Давнопрошед. вр.	ед. ч.	}	𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢(𑀢𑀢),-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢(𑀢𑀢),-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢(𑀢𑀢),-𑀢-𑀢-𑀢,
мно. ч.			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀧-𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀢-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢(𑀢𑀢)-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢-𑀢.

Будущее вр.	ед. ч.	}	𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢.
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢.
мно. ч.			𑀧-𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢-𑀢,
			𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢.

ПОВЪЛ. НАКЛОН.

Наст. вр.	ед. ч.	}	2 л. 𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢
			3 л. 𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢

мно. ч.	}	𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢
		𑀸𑀓-𑀶𑀓𑀾𑀢-𑀢-𑀢.

Причастія.

Дѣйств. наст. вр. მ-წერ-ე-ლი, მ-წერ-ა-ლი.

Страд. прошед. вр. წერ-ი-ლი, ნა-წერ-ი

буд. вр. წერ-ა-ღ-ი, სს-წერ-ი.

Важнѣйшіе выводы, къ которымъ приводитъ рассмотрѣніе груз. глаголовъ суть слѣд.— глагольная форма никакимъ внѣшнимъ знакомъ не отличается отъ именной формы; далѣе, глагольн. основа сама по себѣ, по формѣ (а не по смыслу), не имѣетъ опредѣленнаго значенія залога, только съ прибавленіемъ знаковъ, приведенныхъ нами выше, а) преф. ჳ w, ჳ h, მ m, ჳ g, უ u, въ соединеніи съ гласными: ა a, ე e, ი i и суфф. ს s, ჳ o wi, ჳ b o bi, получаютъ значеніе дѣйствительнаго, средн. и страдательн. глаголовъ; такимъ образомъ, *самыя существенныя измѣненія въ организмъ груз. глагола, происходятъ не въ концѣ глагольных формъ, но въ началѣ*, это составляетъ характеристическую черту крайне своеобразнаго граммат. строя груз. языка вообще и глаголовъ въ особенности.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Въ это время мать Антонія, царица Елена (самъ Антоній называетъ ее Елизаветой) находилась въ Москвѣ и была сильно опечалена такимъ поступкомъ сына, и вотъ, между прочимъ, что она ему писала: «сынъ мой, зачѣмъ поразилъ оружіемъ сердце мое, томящееся на чужбинѣ? Теперь потеряна всякая надежда на мое возвращеніе въ страну нашу. Брата нѣтъ у тебя, и зачѣмъ потерялъ ты надежду быть царемъ и царство, которое освободить Богъ силою русскихъ, старающихся помочь намъ очистить землю нашу отъ турокъ. ᲙᲗᲗᲠᲗᲠ-ᲗᲠᲗᲗᲗᲗᲗᲗ стр. VII. Тиф. 1853.

2. Издатель сочиненія Артонія «Мѣрное слово» г. Иоселіани приводитъ приказъ груз. царя Теймураза, которымъ дозволяется Антонію уѣхать въ Россію. (Дѣло Синодальн. Архива, № 350, за 1756 г.).

3. Эти авторы и труды, на которые ссылается Антоній и въ другихъ мѣстахъ своей грамматики суть: Св. Писаніе, Иосифъ Флавій, исторія Арсенія объ обращеніи грузинъ въ христіанство, соч. Діонисія о чинахъ небесныхъ, творенія Іоанна Богослова, Іоанна-Философа Петрици, Дамаскина, Аванасія, Арсенія Католикоса, блаженнаго Ефрема, Максимѣ, Исторія Арменія Моисея Хоренскаго. Антоній приводитъ въ прибавленіи же своей 1-ой грамм., какъ образецъ высокаго слова, отрывокъ изъ сочиненія Руставели «жизнеописаніе царицы Тамари», между тѣмъ его поэму Вепхвисткаосани, по которой этотъ поэтъ до сихъ поръ только и былъ извѣстенъ, онъ ни разу не цитируетъ. Этотъ образчикъ «высокаго слова» представляетъ такой поразительный контрастъ съ простымъ, безъискусственнымъ языкомъ поэмы упомянутаго автора что невольно возникаетъ мысль, наперекоръ увѣреніямъ Антонія, не есть ли это «жизнеописаніе» скорѣе плодъ какого-нибудь келейнаго рабочаго, стилиста-черноризца, чѣмъ произведеніе автора романтико-героической поэмы — Вепхвисткаосани!

4. Очевидно, Антоній говоритъ здѣсь о страшномъ опустошеніи Тифлиса при Вахтангѣ VI, въ 1723 г., Константиномъ царемъ кахетянскимъ (въ магомет. Махмедъ Кули-ханъ), вмѣстѣ съ персіянами, см. ниже, пр. 5.

5. Изъ писателей, подвизавшихся на поприщѣ грузинской литературы и

письменности въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, особенно выдаются, кромѣ самаго Антонія, еще три личности: князь *Саба Сулханъ Орбеліани*, царь *Вахтанъ VI* — историкъ и законодатель и его сынъ *Вакуштій* — географъ, такъ какъ Антоній останавливается на этихъ личностяхъ, принимавшихъ участіе и въ судьбѣ грамм. груз. языка, и отличительная черта эпохи, въ которую они жили, — это необыкновенное литературное движеніе, то считаю нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько подробнѣе біографическія и бібліографическія свѣдѣнія объ упомянутыхъ писателяхъ и ихъ трудахъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Саба Сулханъ Орбеліани родился въ 1658 г. и происходитъ отъ груз. фамиліи князей Орбеліановыхъ. Онъ былъ по матери двоюродный братъ царей Арчила и Георгія. Изъ краткой біографіи, помѣщенной въ началѣ его *груз. словаря*, узнаёмъ, что Сулханъ до 45 лѣтняго возраста занималъ разныя общественныя должности, а 1685 г. оставивъ міръ, удалился въ пустынь; 1698 г. вступилъ въ монашество и нареченъ *Сабой* (въ мірѣ назывался Сулханомъ). Въ 1710 и 1712 годахъ Саба сопровождалъ груз. царей Кайхосро и Вахтанга въ Хорасанъ и въ Испагань, гдѣ онъ оставался цѣлый годъ. Въ 1713 г. монахъ Саба, тайно отъ родныхъ, удалился черезъ Турцію въ Европу. Былъ въ Сициліи, Римѣ, Генуѣ (а не въ *Женеѣ*, какъ думаютъ нѣкоторые, вводимые въ заблужденіе итальянскимъ произношеніемъ этихъ названій, *Génova*. *Génuа* произн. Дженова, Дженуа — *Генуа*, а *Женева* *Ginèvra* произн. Джиневра) и Франціи; король французскій принялъ его благосклонно и велѣлъ показать ему рѣдкости столицы. На обратномъ пути въ 1716 г. видѣлся съ папою и черезъ Мальту возвратился въ Константинополь, гдѣ онъ оставался годъ у француз. посланника. Послѣдніе дни свои монахъ Саба провелъ въ Москвѣ у царя груз. Вахтанга VI и умеръ въ глубокой старости, отречьшись, передъ смертію, отъ католической вѣры, которую онъ прельстился во время своего путешествія на западъ; онъ написалъ даже особую книгу подъ названіемъ *Եւրոպոսի շնորհաբեր զԵրբ ընդ ընդ «Двери рая»*, въ которой доказывалъ православіе католической церкви, въ противоположность восточной, греческой. Вотъ какъ отзывается Антоній въ своемъ «Мѣрномъ словѣ» о монахѣ Орбеліани: «Сабу я не хваю, потому что онъ сдѣлался врагомъ св. церкви и противникомъ истины. Онъ написалъ не «Двери рая», а врата адавы, на погибель душамъ и самъ погибѣ. Но стихи (?) его пользуются заслуженною извѣстностью и я хвалю тѣ изъ нихъ, въ которыхъ нѣтъ латинской примѣси, раскола или ереси, и вообще все чтѣ Саба написалъ въ мірскомъ духѣ — превосходно и поэтично.» *Գրք. Նորոց*. стр. 287. Труды его кромѣ упомянутаго суть: *Путешествіе по Европѣ*, въ которомъ подробно описываетъ церкви и духовенство, о другихъ же сторонахъ европейской жизни или ничего не говоритъ, или очень мало. Саба еще въ молодости написалъ басни подъ заглавіемъ *Եւրոպոսի խորհրդոց «Мудрость мысли»*. Эти басни написаны въ прозѣ, чистымъ народнымъ языкомъ XVII столѣтія, отличаются мѣткостью выраженій и неподдѣльнымъ юморомъ. Часть этихъ басенъ оригинальна; содержаніе взято изъ груз. жизни и груз. быта; часть же переведена съ восточныхъ и европейскихъ басенъ. Я перевожу заглавіе этой книги *Եւրոպոսի խորհրդոց* словами «мудрость мысли», а не «мудрость и ложь», какъ это дѣлаютъ разные переводчики, ибо, во 1-хъ, между этими двумя словами (на груз. языкѣ) нѣтъ никакой соединительной частицы; во 2-хъ, второе существительное стоитъ въ родит. падежѣ; въ 3-хъ

груз. слово *სიჭებუა* означает и *умственную* и *нравственную* фальшивость, въ настоящемъ случаѣ, очевидно, его слѣдуетъ понимать въ первомъ значеніи и перевести словомъ *смыселъ* (*Dichtung, dichten*), какъ единственно-противоположнымъ понятію «мудрость», выражающимъ *умственное совершенство*. И такъ смыслъ заглавія упомянутой книги Сулхана есть, по моему мнѣнію, слѣд.: мудрое правоученіе, вытекающее (хотя бы и) изъ вымышленныхъ разсказовъ и событий.

Но самое замѣчательное изъ сочиненій Сулхана Орбелиани, которымъ онъ обезсмертилъ себя, — это его *Словарь груз. языка*, — гигантскій трудъ надъ составленіемъ котораго Сулханъ трудился въ продолженіи 30-ти лѣтъ (1669 — 1698), и, кончивъ его, поступилъ въ монахи. Въ предисловіи своего словаря Сулханъ говоритъ слѣд.: «Я приступилъ къ составленію груз. лексикона по порученію царей Арчила и Георгія, побудительною же причиною къ этому порученію было то, что въ народѣ древній груз. языкъ началъ было уже забываться и портиться. Надъ составленіемъ этого словаря, продолжаетъ онъ, трудился я 30 лѣтъ, бралъ слова изъ св. писанія, старинныхъ груз. переводовъ, изъ философіи Прокла Платоника, Діодоха, Аристотеля, Порфирьевыхъ категорій, Немесія, Іоанна Дамаскина, Платона и другихъ свѣтскихъ книгъ. Стараясь не упустить ни одного стариннаго грузинскаго слова, я-де помѣстилъ въ своемъ словарѣ много и такихъ словъ, которыхъ значеніе я самъ не довольно ясно понималъ, предоставляя другимъ, остроумнѣйшимъ, найти его, и таковыя слова обозначалъ я знаками и т. п. Словарь Сулхана названъ *სიტყვების ზეზბე* «Букетъ словъ». Онъ содержитъ въ себѣ болѣе 15,000 названій, до 25 т. словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ словарѣ встрѣчаются около 26 названій разныхъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, духовнаго и свѣтскаго содержанія, которыми Саба пользовался при составленіи своего труда. Онъ говоритъ, что еще до него существовалъ «Букетъ словъ», но, во время безпрестанныхъ разореній Грузіи, потерявъ. Иногда подъ однимъ словомъ приводитъ нѣсколько десятковъ подобозначущихъ (синонимовъ) и столько же различныхъ значеній (омонимовъ) одного и того же слова, такъ напр. подъ словомъ *ჭურჭელი* «сосудъ» приводитъ описаніе 15 разнаго рода сосудовъ и посудъ. Подъ словомъ *სეჯე* «ходъ, шествіе» — 32; не менѣе родовъ и видовъ перечисляетъ подъ словами *ბოძისბო* «родственникъ» и *ჭიჭი* «сабля» и др. Многія слова объясняетъ авторъ изъ этимологіи греческой, латинской, армянской и другихъ восточныхъ языковъ. Это обширное словохранилище, къ сожалѣнію, существующее до сихъ поръ только въ рукописяхъ (экземпляръ его находится и въ азиат. Музеѣ Спб. Ак. Н.), должно быть настоятельной книгой для каждаго, занимающагося груз. языкомъ ех professo.

Жизнь и правленіе *Вахтана VI* полны драматизма; я ограничусь здѣсь только немногими словами о немъ. Вахтангъ, еще до вступленія на престолъ Карталинн въ 1719 году, управлялъ, въ качествѣ персид. губернатора, въ теченіи 7 лѣтъ Адзербейжаномъ, гдѣ онъ успѣлъ основательно познакомиться съ персид. языкомъ и литературой.

Когда Турки возвели на престолъ Карталинн брата Вахтангова Иссея (отца Католикоса Антонія I), вторично принявшаго магометанство, тогда онъ, по приглашенію Петра В. переселился въ Россію, и умеръ впоследствии въ Астрахани, на пути въ Персію. Вахтангъ, еще во время управленія карталинскимъ царствомъ, желая сохранить отъ порчи времени и переписчиковъ ста-

ринныя груз. книги, преимущественно же Библию и сдѣлать ихъ доступными большинству, задумалъ завести въ Тифлисъ типографію, для чего онъ выписалъ необходимый матеріалъ и типографщика изъ Валахіи. Вотъ чтѣ говоритъ Вахтангъ объ основаніи этой типографіи: «Я потомокъ Давида (царя іуд.), внукъ знаменитаго Вахтанга, племянникъ славнаго Арчила и преславнаго карт царя Георгія, сынъ великаго царя груз Леона, самодержецъ Грузіи Вахтангъ выписалъ изъ Валахіи типографщиковъ и основалъ типографію во спасеніе душъ упомянутыхъ царей, отца и матери моей Туты, дочери правителя Гуріи, и во спасеніе души моей и души супруги моей, дочери черкесскаго князя, царицы Русудани и для назиданія дѣтей нашихъ.» Скоро типографія была готова и приступлено къ печатанію Библии. Грузин. Библия была переводима по частямъ и въ разное время, окончательно же переведена и исправлена по греческому переводу семидесяти толковниковъ св. отцами Евфиміемъ и Георгіемъ, жившими въ Иверской обители на Аеоу, въ началѣ XI столѣтія. Переводъ этотъ до сихъ поръ хранится въ упомянутомъ монастырѣ. Въ немъ по вѣтхости, не достаетъ книги Маккавеевъ, начальныхъ двухъ листовъ и главъ 4-й, 5-й и 6-й, равно и 3-й книги царствъ. Частыя и опустошительныя нападенія Турокъ, Персіанъ и горскихъ народовъ на Грузію, едва совѣмъ не истребили груз. Библию; оставшіяся части, искаженныя переписчиками, требовали исправленія. Царь Арчилъ, во 2-й половинѣ 17 стол., первый возымѣлъ желаніе исправить недостатки груз. Библии. При всѣхъ своихъ стараніяхъ выгдѣ онъ въ Грузіи не могъ отыскать древняго перевода книги Сираховой и Маккавейскихъ, потому нашелся вынужденнымъ перевести ихъ вновь и присоединить къ прочимъ исправленнымъ книгамъ Библии — и вотъ, племянникъ этого-то царя Вахтангъ и приступилъ къ печатанію рукописной Библии, доставшейся отъ дяди. Успѣлъ отпечатать только книги пророческія, Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, Служебникъ, Требникъ, Молитвеникъ и Часословъ; изъ свѣтскихъ книгъ: поэму Руставели (XII в.) Вепхвисткаосани. Вскорѣ послѣ основанія типографіи Персіане раззорили г. Тифлисъ и разрушили это заведеніе, уничтоживъ ббльшую часть отпечатанныхъ книгъ, (основанная впослѣдствіи царемъ Иракліемъ II типографія въ Тифлисъ подверглась той же участи при послѣднемъ нашествіи Персіанъ на Грузію въ 1795 г.). Въ 1794 году царь Вахтангъ съ семействомъ переѣхалъ въ Москву и здѣсь сынъ его Бакаръ довершилъ изданіе груз. Библии, заведя новую груз. типографію при своемъ домѣ, въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ. Царевичъ Бакаръ кончилъ совершенно печатаніе груз. Библии въ 1743 году Библия эта напечатана въ листъ въ два столбца, на александрійской бумагѣ, весьма четкими и чистыми литерами. Въ началѣ помѣщено краткое предисловіе царевича Бакара, содержащее въ себѣ исторію груз. Библии и ея изданія; говорится, между прочимъ, что она соображена съ еврейскою, греческою, сирскою, болгарскою и армянскою Библиями. Къ концу припечатаны: 1) мѣсяцесловъ святыхъ, столпы евангелій и алфавитный каталогъ на всю Библию; 2) Пасхалія со златымъ числомъ по рукамъ, такъ называемымъ богословскимъ; 3) Росписаніе церковныхъ праздниковъ по мѣсяцамъ; 4) указаніе типографскихъ ошибокъ, которыхъ очень много и 5) увѣдомленіе отъ царевича Вахуштіа объ участіи своемъ въ этомъ изданіи.

Въ 1712 году, въ Тифлисъ, въ типографіи Вахтанга была отпечатана, какъ мы уже замѣтили, и груз. поэма Вепхвисткаосани. Набожная дѣль, которую

Вахтангъ имѣлъ, какъ мы видѣли, устраивая груз. типографію, гдѣ должимъ были печататься церковныя и нравоучительныя книги, отразилась и на изданіи упомянутой поэмы. Онъ снабдилъ ее своими комментаріями, которыя чрезвычайно интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ совершенное извращеніе вкуса къ изящному даже у передовыхъ людей того времени и непониманіе лучшаго произведенія классическаго періода груз. литературы. Въ началѣ своихъ примѣчаній Вахтангъ говоритъ, что еще до него комментировали эту поэму многіе другіе и все невѣрно понимали ее, что тѣ комментаторы, которые считаютъ ее сочиненіемъ соблазнительнымъ и безнравственнымъ, доказываютъ этимъ, что «они не въ состояніи отличить простаго стекла отъ драгоценнаго камня и жемчугъ принимаютъ за бисеръ», и вотъ послѣ этого Вахтангъ берется оправдать автора поэмы, отъ незаслуженныхъ нареканій потомства и разумѣется, этимъ онъ ему оказываетъ плохую услугу. Онъ утверждаетъ, что эта поэма есть ничто иное, какъ священная аллегорія, хотя и представленная въ мірскомъ духѣ, («чтобы привлечь большее число читателей, такъ какъ чисто священными предметами обыкновенно мало интересуются»), но на самомъ дѣлѣ она имѣетъ въ виду духовную любовь между Богомъ и людьми; что Руставели, какъ христіанскій поэтъ и философъ, въ глазахъ набожной царицы Тамары, двухъ Католиковъ и множества, ревнующаго о нравственности, духовенства, не осмѣлился бы написать что-либо не имѣющее дѣла нравственной и, что между прочимъ, дѣлъ его была представить непоколебимую вѣрность супруговъ и друзей при всѣхъ превратностяхъ жизни человѣческой. Въ этомъ духѣ и комментируетъ Вахтангъ всѣ мѣста поэмы. Дѣйствительно, нельзя отвергать, что въ основаніи поэмы Руставели лежитъ мысль нравственная, какъ въ основаніи каждаго истинно-поэтическаго произведенія, но не въ томъ смыслѣ какъ Вахтангъ думаетъ. Онъ, желая доказать свою мысль, сводитъ мѣста поэмы съ текстами свящ. Писанія и правилами евангельскаго ученія, при этомъ вдается въ явныя натяжки, примѣняя тексты свящ. писанія къ такимъ мѣстамъ поэмы, которыя совершенно противорѣчатъ навязываемому имъ значенію. Словомъ, его объясненія напоминаютъ такое же мистическое толкованіе извѣстной библейской книги «пѣснь пѣсней», приписываемой царю Соломону. Впрочемъ Вахтангъ въ концѣ своего предисловія указываетъ еще на другой мотивъ, почиту онъ такъ понимаетъ поэму Руставели и почему счелъ нужнымъ сдѣлать примѣчанія къ ней: «но если даже говонить онъ, смыслъ поэмы другой (т. е. не мистически-духовная любовь), то все таки лучше такъ понимать (т. е. такъ какъ онъ понимаетъ), я съ своей стороны, въ интересѣ Бога и людей, предпочитаю такое пониманіе и читатели сами пусть понимаютъ такъ, какъ имъ заблагоразсудится, я былъ и буду невиненъ въ дурныхъ послѣдствіяхъ отъ этого происходящихъ, — правитель народа обязанъ заботиться о нравственности подданныхъ, поэтому и я принялъ настоящій трудъ» Понятно, что когда при опѣнкѣ поэтическихъ произведеній руководствуются полицейскими соображеніями и побужденіями, тогда отъ подобной критики много толку ждать нельзя.

Что же касается до той части комментаріевъ Вахтанга, которая посвящена собственно объясненію трудно понимаемыхъ древнихъ словъ грузинскихъ и переводу иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ поэмѣ, то она составлена толково и вѣрно, и драгоценна для исторіи груз. языка. Послѣ Вахтангова изданія въ 1712 г., поэма эта была издаваема еще нѣсколько разъ: въ 1844 г.

Ак. Броссе, Д. Чубиновъ и Палавандовъ напечатали ее съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ въ концѣ для иностранныхъ и труднопонимаемыхъ древне-грузинскихъ словъ, затѣмъ она два раза была напечатана въ 1846 и 1860 гг. Д. Чубиновымъ въ видѣ 2-й, стихотворной части его груз. хрестоматіи, также съ словаремъ и объясненіями, послѣдній разъ она была напечатана въ Тифлисѣ 1867 г. съ такимъ же объяснительнымъ словаремъ. Она была также переводима, по частямъ, на иностранные языки: Ак. Броссе на франц. языкъ (Journ. As. avril et novembre 1830, mai 1831), равно и на русскій, польскій и армянскій языки. Изъ этой же поэмы составлена трагедія царевичемъ Окропиромъ на груз. языкѣ, изд. Москв. 1851 г.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о невѣрномъ переводѣ на русск. языкъ заглавія этой поэмы: сложное груз. слово ვეფხვის-ტყალსნი я перевожу «человѣкъ въ барсовой кожѣ», или какъ 8 стихъ поэмы гласить: უკმა ვეფხვის-ტყალსნი «юноша въ барсовой кожѣ», между тѣмъ его переводятъ до сихъ поръ, вотъ уже полстолѣтія, словами «Барсова кожа». Я усматриваю въ этомъ переводѣ грубую грамм. ошибку, — «Барсова кожа» будетъ по грузински ვეფხვის-ტყვი, между тѣмъ въ груз. ვეფხვის-ტყალსნი остается непереверденнымъ еще ლსნი; что же это окончаніе значитъ, какой смыслъ придаетъ оно слову? Его значеніе можно перевести на русскій языкъ словами: *имѣющій, носящій, покрытый*, напр. *წვეტი* «борода», *წვეტი-ლსნი* «бородатыи носящій бороду», *ქუდი* «шапка», *ქუდი-ლსნი* «носящій шапку» т. е. *мужчина*, въ отличіе отъ *მხდოლ-ლსნი* носящій мантилію, т. е. *женщина*; слѣдовательно ვეფხვის-ტყვი = «барсова кожа», ვეფხვის-ტყალსნი = носящій барсовую кожу, покрытый барсовою кожей, «человѣкъ (или юноша) въ барсовой кожѣ.»

Перевести же ვეფხვის-ტყალსნი безцвѣтными и прозаическими словами «Барсова кожа», (не говоря ужъ о томъ, что грамматически не вѣрно) значитъ лишить это заглавіе загадочности и образности, такъ удачно выраженной поэтомъ въ названіи своей поэмы, даже однимъ заглавіемъ вызывающей любопытство у читателя. Такое пониманіе заглавія этой поэмы какъ нельзя болѣе соответствуетъ и сущности предмета: въ 84 и 83 четверостишіяхъ поэмы говорится о *Tarigali*, главнымъ дѣйствующемъ лицѣ поэмы, что «на немъ было платье изъ кожи барса, изъ барсовой же кожи шапка покрывала голову его.»

Вахтангъ VI оказалъ также громадныя услуги груз. историографіи и законодательству. По его приказанію были собраны разбросанныя древнія лѣтописи и соединены въ одно цѣлое подъ стариннымъ назв. *ქართლის-ცხოვრება* Текстъ и франц. переводъ его съ необходимыми примѣчаніями и поясненіями, сдѣланный г. Ак. Броссе, изданы Спб. Ак. Н. и составляютъ весьма важный источникъ и матеріалъ для груз. исторіи; эта лѣтопись доведена до 1807 г. Будучи составлена изъ разныхъ древнихъ лѣтописей, она писана то высшимъ, то простымъ и простонароднымъ языкомъ. Лучшія мѣста, отличающіяся простотой, ясностью и изяществомъ встрѣчаются до царя Арчила-мученика т. е. до 718, далѣе слогъ измѣняется и становится болѣе простонароднымъ.

По приказанію же Вахтанга составлено и *სამართლის წიგნი* Уложеніе. Въ предисловіи Вахтангъ указываетъ на причины, вызвавшія появленіе этого Уложенія; именно, съ одной стороны, невѣжество судей въ законовѣдѣніи, съ другой ихъ недобросовѣстность и подкупность. Дѣловой слогъ Уложенія за-

мѣтно отличается отъ обыкновеннаго литературнаго языка. Это Уложение раздѣляется на 7 частей: 1-я содержитъ въ себѣ 52 статьи, взятая изъ кн. Моисея «Второзаконіе», 2-я греческіе законы Льва Мудраго, Константина и др. государей, 3-я заключаетъ въ себѣ армян. законы въ числѣ 431 статьи, 4-я законы груз. царя Георгія VI, который составилъ ихъ собственно для горцевъ, покоренныхъ имъ въ 1325 г., 5-я заключаетъ законы Агбуги, управлявшаго ахалцихскою областью въ качествѣ вассала груз. царя (1444 — 1454), 6-я законы груз. Католикосовъ 1605 г., въ числѣ 24 статей, наконецъ 7-я содержитъ собственно Уложение Вахтанга въ числѣ 267 статей, изъ которыхъ большая часть уголовнаго характера.

Съ литературной дѣятельностью царя Вахтанга VI имѣетъ тѣсную связь такая же дѣятельность его сына *Вахуштія*, который переселившись съ отцемъ въ Москву участвовалъ здѣсь въ изданіи груз. библии въ 1743 году, онъ составилъ первый пространный русско-грузинскій словарь, экземпляръ котораго хранится въ акад. библ. азіат. рукописей. Ему же принадлежитъ «Висраміаніи» въ стихахъ. Но самый важный трудъ его — это исторія и географія Грузіи, составленная имъ по богатымъ матеріаламъ отца. Исторія доведена до половины XVIII ст.; въ составъ ея входятъ: а) общее предисловіе; б) статьи о нравахъ и обычаяхъ грузинъ; в) исторія Грузіи до распаденія ея на три царства въ 1469 г. Карталинское, Кахетинское и Имеретинское и 5 княжествъ: Саатабегское, Гурійское, Мингрельское, Сванетское и Абхазское; д) статья о причинахъ распаденія Грузіи на три царства и пять княжествъ; е) географическое описаніе и исторія Карталініи 1469 — 1745 г.; ф) географич. описаніе и исторія Кахетинъ съ 687 г. по 1744 г.; г) географическое описаніе и исторія Имеретинъ съ 686 г. до 1744 г.; б) географич. описаніе и исторія Ахалцихской области съ 508—1744 года; и) географич. описаніе и исторія другихъ кавказскихъ странъ. Въ концѣ приложены: а) хронологическій указатель важнѣйшихъ происшествій отъ кончины царицы Тамары 1204—1755 г.; б) хронологич. таблица, показывающая современныхъ груз. царямъ и котоликосамъ государей Европы и Азіи. Эта сравнительная таблица начинается съ 1-го грузинск. царя Фарнаоза, т. е. 237 года до Р. Хр. и кончается 1745 г. по Р. Хр.; γ) списокъ деревнямъ и селамъ, лежащимъ въ Карталініи и Кохетинъ; δ) сверхъ того, къ исторіи приложена родословная таблица груз. царей, а географическимъ описаніямъ весьма подробныя карты числомъ до 20-ти.

Географія Вахуштія издана акад. Броссе, съ переводомъ на франц. языкъ, а текстъ его исторія изд. Д. І. Чубиновымъ, переводъ сдѣланъ академикомъ же Броссе. Католикосъ Антоній говоритъ въ своемъ «Мѣрномъ словѣ» о Вахуштіѣ: «я хвалю Вахуштія за его географическія познанія, за его умѣнье передавать историческія событія умно и подробно; онъ написалъ исторію картвеловъ, кахетинцевъ, мсховъ, абхазцевъ, мингрельцевъ, свановъ и кавказскихъ горцевъ, — этимъ онъ оказалъ услугу грузинамъ. Вахуштія изслѣдовалъ родословное дерево царей (грузинск.), потомковъ Давида (царя Іудейск.) вѣрно и хорошо, хотя и подвергся заслуженнымъ порицаніямъ, такъ какъ въ его сочиненіяхъ оказалось не мало и пристрастнаго».

6. Эти слова Антонія «не есть грамматика *საბა სარს ღრძობის ტოკი*, мнѣ кажется, даютъ намъ полное право заключить, что книга, о которой идетъ рѣчь существовала въ это время, иначе онъ бы сказалъ *საბა ოუბ ღრძობ.* «не была грамм.», слѣдовательно, Антоній могъ имѣть ее подъ руками.

7. Въ другомъ мѣстѣ своей грамм. № 2, § 155, такимъ образомъ старается Антоній доказать важность и необходимость учиться грамматикѣ: «посредствомъ элементовъ слова воздвигается зданіе разнообразныхъ благородныхъ знаній, заключающее въ себѣ плодоносныя деревья и цвѣты разговора и письма, среди которыхъ почиваютъ мысли глубокомысленныхъ людей, сдѣлавшіяся предметами изученія человѣчества, стремящагося къ *познанію вещей, познанію причинъ вещей, измѣренію силъ и причинъ вещей и познанію количества* ихъ. Обо всемъ этомъ разсуждаетъ и искусство — грамматика, сдѣлательно необходимо учиться ей». Кажется, эта послѣдняя философская формула заимствована Антоніемъ у Баумейстера; такъ на стр. 1, § 2 логики этого автора встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: *Тройное есть человѣческое познаніе. Ибо, или то, что сдѣлано, и впрѣдъ сдѣлаться можетъ, познаемъ, или причину явилъ вещей, которыя суть или бывають, ясно усматриваемъ; или наконецъ количества вещи познаемъ, и силы оныхъ измѣрять можемъ*. Хр. Баумейстера логика съ латинск. на русск. языкъ перевед. лейбъ-гвардіи нх. полка сержантомъ имп. моск. унив. студентомъ А. Павловымъ. 1870. Здѣсь кстати замѣтимъ, что нѣсколько ссылокъ у Антонія на философ. сочиненія Баумейстера согласно съ русскими переводами ихъ, а не съ латинскими подлинниками, чтд, думаю, даетъ намъ право предполагать, что онъ заимствовалъ (или по его инициативѣ и указанію заимствовалъ) другіе — въ настоящемъ случаѣ это для насъ все равно) ихъ не непосредственно изъ латинск. подлинниковъ, а изъ русск. переводовъ.

8. Здѣсь у Антонія выходитъ противорѣчіе: въ предисловіи своей первой грамм. говоритъ, что еще до составленія ея перевелъ съ арм. категорій Аристотеля и здѣсь снова говоритъ, что перевелъ катег. Аристотеля по возвращеніи изъ Россіи, т. е. спустя болѣе 14-ти лѣтъ, перевелъ ли онъ второй разъ съ арм. или съ греч. подлинника, или переводилъ по частямъ? Мы не имѣемъ пока положительныхъ данныхъ, чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, — констатируемъ только фактъ противорѣчія въ словахъ нашего грамматика.

9. Avant Antoni, *Jean le philosophe ou Petritsi* cité par lui.; говоритъ г. Броссе, paraît avoir composé anciennement une grammaire géorgienne. L'art. lib. p. VIII. Тоже самое говоритъ и Шёргренъ: über die merkwürdige georgische od. grusinische Sprache soll schon der berühmte grusinische Philosoph *Johan Petritsi*, der in der 2-ten Hälfte des X (?) Jahrhundert lebte, eine grammatik geschrieben haben. A. I. Sjögren. Liter. Anz. St.-Peret. Ztg. 1838, № 27. Этотъ *Иоаннъ чирчимелійскій*, названный *Философомъ*, былъ родомъ грузинъ, жилъ 1120 г. Антоній восхваляетъ его (Учеб. 1809. § 731—744, стр. 250), говоря, что «онъ знаетъ не только вещи, но и причины ихъ, — сущее и имѣющее быть одинаково основательно, поэтому онъ настоящій философъ» и т. п. Кроме того, онъ даетъ ему и другіе не менѣе лестные эпитеты, какъ мы видѣли (см. стр. 13). Судя по его познаніямъ въ греч. языкѣ, чтд видно изъ множества переводовъ, сдѣланныхъ имъ съ этого языка, можно предполагать, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ посылали, на счетъ царства, ежегодно въ XI и XII в., въ Аѳины для образованія. Труды его суть: переводъ толкованія на евангеліе Марка, Иоанна Златоуста; Клемасъ Иоанна синайскаго, перевелъ стихами и прозой, прологъ въ честь святыхъ грузинск., которыхъ память празднуется церковью въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ и январѣ; онъ извѣстенъ также какъ переводчикъ Прокла Діодоха, Іосифа Флавія, Аристотеля, Платона, Дамаскина, Порфирія и др. Для нашей цѣли важнѣе

всего былъ, конечно, переводъ Аристотелева περί ἑρμηνείας, сдѣланный Петрициемъ, гдѣ мы надѣялись найти грамм. замѣтки и о груз. языкѣ, но, къ сожалѣнію, этого драгоценнаго документа мы не нашли въ нашихъ столичныхъ книгохранилищахъ, такъ, что и онъ долженъ остаться до-поры до-времени подъ спудомъ.

10. Malgré l'excessive abondance d'analyse, l'absence total de synthèse, et l'inexactitude même de plusieurs des aperçus généraux que renferme ce livre (грамм. № 2) il n'en est pas moins un livre précieux pour la connaissance de la langue géorgienne, l'art lib. p. VI. Тоже самое говорить и Шёгрень: ...es ist jene Grammatik (von Antoni) nämlich unter allen einheimischen die ausführlichste, und ihr Hauptverdienst eine bis ins Kleinliche gehende Erschöpfung des Details der sprachlichen Formen, die in materieller Hinsicht fast nichts, sonst aber so sehr viel zu wünschen übrig lässt, dass man nach dem Sprichworte den Wald von lauter Bäumen nicht sehen kann. Auf jeden Fall bleibt jedoch das gedachte Werk, zumal als erster Versuch einer vollständigen grusinischen Grammatik ein höchst schätzenswerthes und unentbehrliches Hulfsmittel für einen jeden, der die georgische Sprache ex professo studiren will. Sjögren, St.-Peterab. Ztg. 1838, № 97.

11. Заглавіе мхитаровой грамматики гласитъ: *քերականութիւն գրաբան լեզուի հայկազեան սեռի: Շարադրեցեալ աշխատասիրութիւնն Սիսիթարայ վարդապետի սերաստացւոյ Աբբայ հայր կոչեցելոյ: Ի վարժունն նորամտից աշակերտաց դաստան՝ իւրոյ: Լուի յօգուտ այլոց ամենից որք ունին զփախաք: Ի գաւիթս իմաստից դրամբ քերականութե մտանելոյ: Յամի տն 1770: ապրիլի 25: Ի Վ Կնէտիկ; in 4°, стр. 584.*

За неимѣніемъ экземпляра 1-го (1730) изданія, которымъ только и могъ пользоваться Антоній при составленіи своей 1-й грамм., я пользовался экз. спб. публич. библ. 2-го изданія (1770 г.); между этими двумя изданіями нѣтъ никакой разницы въ грамматич. отношеніи, какъ сообщили письменно О. О. венеціанскіе мхитаристы чрезъ М. М. Міансарова, обязательно справившагося, по моей просьбѣ, съ ними объ этомъ предметѣ.

Cirbied говорить: en 1780, le docteur Mikhitar de Sébast ...fit imprimer une grammaire arménienne assez étendu, dans laquelle il a suivi tantôt les règles du latin et tantôt celles des meilleurs auteurs arméniens. En 1727 il donna aussi une petite grammaire abrégée de l'arménien vulgaire.... Vers l'an 1755 la première gramm. de Mikhitar fut traduite et adortée à la langue géorgienne, par un prêtre de Tiflis nommé Jean յովհանն. Gramm. de la langue armén. par I.-Ch. Cirbied. Paris 1823 p. XXXIII. Такого перевода грамм. Мхитара, сдѣланнаго священ. Іоанномъ неизвѣстно въ груз. литературѣ, — не смѣшиваетъ ли Cirbied его съ Филипомъ, учителемъ арм. языка и сотрудникомъ Автовіа при составленіи первой грамматики?...

12. Въ рукописномъ сборникѣ, содержащемъ въ себѣ и «Симетне», соединены вмѣстѣ еще нѣсколько совершенно разнородныхъ, по содержанію, рукописей, — въ началѣ *русская грамматика*, стр. 44. безъ имени автора и года написанія; въ концѣ пришиты еще двѣ большія тетради, писанныя грузинск. гражд. буквами; 1-я гласитъ: иконологія, или полное собраніе аллегорій, эмблемъ и т. п. переводъ съ русск. напеч. въ Москвѣ 1803, сдѣланный 1810 году,

2-я трактуетъ «о фейерверкѣ—приготовленіи и различныхъ родахъ его», безъ указанія года и автора.

На стр. 34 цитованная Философія Бауместра, озаглавлена такъ: *Philosophia definitiva*, а М. Frid. Christ. Baumeistro. Vittemberge MDCCXLIII, p. 158.

13. Гаіозъ былъ ученикомъ Антонія, въ послѣдствіи на короткое время ректоромъ телавской семинаріи (въ Кахетіи), наконецъ, архіеп. астраханскимъ, труды его суть: 1) Церковная исторія, порев. съ русск. 2) Регламентъ Петра В. 3) Богословіе Платона митроп. москов. 4) Нравоучительныя книги имп. Марка-Аврелія. 5) Царскій наказъ Агацита діакона константинопольск. «какъ должно царствовать», писанный къ имп. Юстиніану. 6) Словарь европ. достопамятныхъ городовъ. 7) Китайское нравоученіе. 8) Исторія древнихъ царствъ Роллена. 9) Толкованіе кн. притчей Соломона. 10) Пославія Васаіа В. 11) Грузин. грамм. разбираемая нами. 12) Записки о груз. исторіи. 13) О вѣрѣ, въ вопрос. и отвѣтахъ. 14) Рѣчи, произнесенныя въ телав. семинаріи при Иракліѣ II. 15) Проповѣди на различные дни и др. см. Кратк. истор. груз. церкви. П. Юсселиана. Спб. 1843, стр. 135.

Фатеръ (*Vergleichungstafeln der Europ. Spr. Halle 1822, p. 186*), какъ и *Mitridates Аделунга*, смѣшиваетъ грамм. Варлаама (на русск. яз. Спб. 1802) съ грамм. Гаіоза.

14. Нашъ авторъ даетъ курьезное объясненіе груз. названія «буквы» სსე, — поего мнѣнію, это названіе дано еще Аристотелемъ: „*ბრუნს სრისტოტელი რამეთუ წესრმან კლმისმან დასსე*“, «თითქოს სრისტოტელს ქართულათ ელპარაკებოს!»

15. Фатеръ помѣстилъ подъ заглавіемъ: *neue Sprachkunde* въ «Всеобщ. Лит. Газетѣ» рецензію на грамм. труды Маджіа, Варлаама и Фиралова, вотъ слова Фатера о «самоучителѣ» этого послѣдняго: *ein Haupthinderniss der Deutlichkeit u. eines wahren überblicks der grusinischen Sprache ist in letzterem (d. j. Selbstlehrer) der Plan: zu gleich russisch u. grusinisch zu lehren. Allg. Liter. Ztg. Halle 1821, p. 379, 186, № 264.*

16. Я весьма сожалѣю, что не имѣю подъ руками книгу «Калмасоба» приписываемую п-чу Іоанну, въ которой трактуются, между прочимъ, и о грамматикѣ.

17. Католическіе миссіонеры являютъ въ Грузіи еще въ началѣ XIII стол., царица грузинская *Русудана* (1212 — 1239) обратилась къ папѣ Григорію IX въ 1239 г съ просьбою о помощи для защиты царства отъ вторженія монголовъ. Папа, вмѣсто помощи, отправилъ въ Грузію семь монаховъ изъ ордена *братьевъ проповѣдниковъ* (*fratres praedicatorum*) для пропаганды католичества. Старанія этихъ проповѣдниковъ склонить царицу съ народомъ къ принятію католической вѣры,—остались тщетными, ибо Русудана отвѣтила папѣ Григорію IX въ отрицательномъ смыслѣ, какъ и предшественнику его Опорію III, сдѣлавшему ей подобныя же предложенія. Въ 1289 году папа Николай IV послалъ новыхъ проповѣдниковъ въ Грузію, которые нашли тамъ благосклонный приемъ,—такъ, что имъ было позволено имѣть своего епископа въ Тифлисѣ. Около 1476 г. было отправлено посольство Константиномъ III царемъ груз. къ папѣ Александру VI, который отвѣтилъ ему посланіемъ. Папа Евгений IV уговаривалъ на флорентинскомъ соборѣ присутствовавшаго на немъ груз. митрополита Григорія принять католичество, но тотъ, желая избавиться

отъ подобнаго рода предложеній, тайно оставилъ Флоренцію и отправился на родину. (См. Краткая ист. груз. церкви, П. Иосселиана, Спб. 1848, гл. VIII стр. 88. Груз. церковь свидѣтельница православія русской церкви М. Фомина-Цагарели, Спб. 1848, стр. 12). Затѣмъ, католическіе миссіонеры являются въ Грузію во множествѣ, въ началѣ XVII столѣтія. Они проникали преимущественно черезъ ахалцхскую область, гдѣ и было главное ихъ мѣстопробываніе и наибольшее число лицъ, обращенныхъ имъ въ католичество; оттого и преобладаетъ преимущественно ахалцхскій говоръ во всѣхъ сочиненіяхъ, писанныхъ монахами католической пропаганды, въ это время они встрѣчаются разсѣянными по всей Грузіи: Карталинн (въ г. Тифлисѣ, Гори), Имеретин (Кутансѣ), Мивгрелин, Гурин. Не однократно, когда пропаганда католической вѣры особенно усиливалась и число прозелитовъ изъ грузинъ возрастало, — тогда, по распоряженію высшаго начальства, запирались ихъ церкви и они сами были удаляемы изъ предѣловъ царства; тѣмъ не менѣе, всякій разъ находилъ возможность, благодаря хидатайству какой-нибудь сердобольной вліятельной особы (преимущественно изъ прекраснаго пола), снова возвращаться къ своимъ обиталищамъ и святынямъ, пока, наконецъ, въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, по распоряженію начальства, они окончательно не были удалены изъ Грузіи. Впрочемъ, нужно отдать имъ справедливость, они приносили странѣ въ то время не малую долю пользы: они учреждали при своихъ церквяхъ для дѣтей училища, которыя были расадниками, по крайней мѣрѣ, грамотности. Католическія церкви и богослуженіе всегда отличались нѣкоторою торжественностью и внѣшнимъ благолѣпьемъ: музыка, краснорѣчивыя и восторженные «слова» католическихъ проповѣдниковъ, сопровождаемая соотвѣтствующею декламацией, не могли не имѣть нѣкотораго цивилизующаго вліянія на народъ. Затѣмъ, безспорно, ихъ обширныя познанія въ богословіи, философіи, исторіи, особенно въ языкахъ древнихъ и новыхъ, давали имъ возможность быть собесѣдниками и друзьями многихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, — воспитывать и учить наукамъ дѣтей дворянъ. Наконецъ, самое важное почему дорожило общество и правительство терпѣло католическихъ миссіонеровъ какъ людей полезныхъ, — это то, что они вмѣстѣ съ тѣмъ были и *врачами*. Въ странѣ, гдѣ вся медицина сводилась на нѣсколько десятковъ молитвъ и причитаній знахаровъ и знахорокъ, равно какъ и на медиц. кодексъ, извѣстный подъ именемъ «Карабадини», между тѣмъ, даже простая горячка или лихорадка, свирѣпствовавшая тамъ съ такою силою, постоянно уносила множество жертвъ, — въ такой странѣ, говорю, сколько-нибудь рациональный способъ леченія долженъ былъ считаться настоящимъ благодѣяніемъ; тѣмъ болѣе, что эти миссіонеры врачи часто бесплатно лечили и, изъ своихъ маленькихъ аптекъ, даромъ раздавали лекарства простому люду. Можетъ быть и возрожденіе наукъ и искусствъ въ Грузіи въ XVII и XVIII в. не мало обязано пребыванію тамъ католическихъ миссіонеровъ. Послѣ *братъевъ проповѣдниковъ* прибывшіе миссіонеры были изъ *Театинскаго ордена*, затѣмъ *Калуцискаго*. Покойный О. Морозкинъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «*Иезуиты въ Россіи*», предполагая пребываніе монаховъ *Иезуитскаго ордена* и въ Грузіи, просилъ меня навести справки объ нихъ. По моей просьбѣ г. Я. Гогобашвили съ покойнымъ братомъ моимъ Влад. Цагарели, съ разрѣшенія Высокопр. Экзарха Грузіи Евсевія, осмотрѣли архивъ Тифлисс. Синодальной Конторы, равно спрашивали и лицъ, компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, — но всѣ поиски за иезуитами въ Грузіи оста-

лись тщетными, — ихъ тамъ не оказалось, о чемъ я и писалъ о. Морошкину изъ Мюнхена въ 1869 году. Естественно, что изученіе мѣстнаго, груз. языка было въ интересъ этихъ миссіонеровъ, для приготовленія которыхъ въ Римѣ, въ школѣ пропаганды былъ профессоръ груз. языка (см. Ueber die georgianische Litteratur, v. Franz Carl Alter prof. der. Griech. Spr. Wien, 1798, p. 22), и были изданы пропагандой же, еще до разбираемой нами грамматики, слѣдующія элементарныя книги, необходимыя для изученія каждаго языка: Alphabetum Ibericum, sive georgianum, cum Oratione dominica, salutatione angelica etc. Romae e typogr. Propagandae. 1629. in 8°. Stephano Paulini et Niceforo Irbachi Dictionario Giorgiano e Italiano. Romae 1626. in 4°. Содержитъ въ себѣ 3084 словъ. Паулини, въ предисловіи своего словаря, ссылается на авторитетъ упомянутаго Никифора Ирбаха, природнаго грузина, (по Клапроту и С.-Мортену, звѣстнаго въ XVI ст. во всей передней Азіи своими познаніями и дипломатическою дѣятельностью), что онъ помогалъ Паулини при составленіи грузино-итальянскаго словаря; если это дѣйствительно такъ, то Паулини плохо воспользовался его услугами, такъ какъ при составленіи своего труда онъ какъ будто больше руководствовался роднымъ, итальянскимъ; или латинскимъ произношеніемъ, чѣмъ грузинскимъ Ирбаха, оттого онъ постоянно смѣшиваетъ звуки *o* (*th*) съ *o* (*t*); *o* (*b, ph*) съ *o* (*p*); *j* (*kh*) съ *j* (*k*); *g* (*gh*) съ *g* (*g*); *f*, *g*, *d* (*c, c, z*) съ *l* и *b* (*s, z*). И разбираемая нами груз. грамм. Маджіа имѣла отчасти такое же назначеніе; но замѣчательно, что о существованіи этой грамматики Антоній *ничего не говоритъ*, была ли она ему извѣстна, или миссіонерамъ, для которыхъ она была написана и къ которымъ Антоній обращался при составленіи своей 1-й грамматики (см. стр. 7)?

На эти вопросы мы не можемъ дать положительнаго отвѣта, по неизмѣнню фактовъ, говорящихъ за или противъ, — одно можно сказать, съ нѣкоторою вѣроятностью, что если бы она была извѣстна Антонію, то едва ли воздержался бы не сказать своего мнѣнія объ ней, хотя бы въ родѣ того, что онъ говорить о грамм. Захарія (см. стр. 6), — что «она не есть грамматика».

Лейбницъ пишетъ объ этой же грамм. къ Ла-Крозу, главному библіотекарю въ Берлиѣ:on en a aussi publier une grammaire, de types della propaganda, mais que je n'ai point vûe; cependant elle doit être curieuse, comme j'ai jugé par une recension que j'en ai eue autrefois dans le *giornale dell'letterati* (Leibnitii. Op. t. V. p. 495). Къ сожалѣнію эту интересную рецензію я не могъ найти, такъ какъ Лейбницъ не указываетъ ни *юда*, ни *нумера* журнала.

18.Quum iam in Iberiam, et Colchidem allegatus; aerumnas, et labores plurimos exantillarim, in tam ancipiti itinere; per medias Arabum, Turcarum, et Persarum Regiones suscepto, ingentibus periculis obnoxio, hostium inursionibus infesto, viarum anfractibus asperò, montibus horrido, fluminibus obruto, nivibus obsito perpetuis, fabulosis etiam terroribus obesso; ad Phasidis verrucas, et inga Caucasi praetergressus. ...Quò Nostrates, non auri cupido, quae priscis temporibus, è Graeciae litorae, deduxit Argivos: Sed unus advocat zelus animarum, deliciarum oblitos, contemptotes periculorum, scientiam salutis edoctos: ut Tuis nutibus obsequantur .. Syntagmaton etc.

19. Mithridates, etc. v. Adelung, I, H. Berl., 1806.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Слѣдуетъ читать</i>
8	15	безстрашный.
15	33	къ руководству.
20.	16	88, b.
"	18	88, a.
22	27	քերականութեան.
23	30	წოდება,
25	8	დადებულ.
"	"	შეუღლებანი.
"	12	კითხვანი.
"	"	წესდებისათვის.
26	9	კეძილს.
29	13	სიტყვა.
30	4	работа.
45	13	заботиться.
46	23	съ ея.
47	2	Maggio.
"	30	желающему.
48	1	codices.
50	15	Regionem.
52	4	отношеніи.
57	17	распоряженіе.
75	20	изолированной.
84	28, 29	Քիթար.
95	1	№ 31.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

DUE DEC 1 1920

~~NOV 23 1955 H~~

~~JAN 1 1961~~

MAR - 6 1970 ILL

286315-7
CANCELLED

